Пылая страстью к Даме

Любовная лирика французских поэтов

Пылая страстью к Даме. Любовная лирика французских поэтов

Михаил Давидович Яснов

Аннотация
Михаил Яснов (составитель). Пылая страстью к Даме. Любовная лирика французских поэтов
Комментарий к жизни и любви
Гийом де Машо (1300–1377)
«Мне скорби в словах не излить!..»
«Как розан, алая, белей лилеи…»
«О дама, благославия твердыня…»
«Будь прокляты пора, и день, и час…»
«Я с дамами, с любовию прощаюсь…»
«Душа моя, богиня, свет небесный…»
«Лилея, роза, зелень, вёсны…»
Карл Орлеанский (1394–1465)
Песня VIII
Песня X
«Явился май – любовь не спит…»
«Смотрите, лучше не смотрите…»
«Я поцелуи не приму…»
«На вашу красоту смотреть…»
«Ваш рот речет: «Целуй меня!»…»
«Ах, ужель не хотите…»

«Передо мною вы в долгу…»
Франсуа Вийон (1431—после 1463)
Баллада о дамах былых времён
Баллада-завет прекрасной оружейницы гуляющим девкам
Баллада подружке Вийона
Баллада о парижанках
Меллен де Сен-Желе (1487–1558)
Ревность
Деревенская песня
Посылка из окна
«Любовь и смерть, влюбленных двух…»
«Я счастлив был по воле заблужденья…»
Клеман Маро (1496–1544)
Старик
Анне
О той, которая медлит
Об Анне, бросившей в меня снегом
Об отвергнутом поцелуе
Об одном сновидении
Песня («Та, что мукой меня извела…»)
Песня («Не знаю, ненависть горька ли…»)
О любви доброго старого времени
Песня о мае и добродетели
Луиза Лабе (1522–1566)
«Живу и гибну: то горю в огне…»

«Доколь, о невозвратном сожалея…»
«Целуй меня! целуй еще и снова!..»
«Пока в глазах есть слезы изливаться…»
Жоашен дю Белле (1522–1560)
«Мне ночь мала, и день чрезмерно длится…»
К лютне
Пьер де Ронсар (1524–1585)
«Пойдем, возлюбленная, взглянем…»
«Большое горе – не любить…»
«Любя, кляну, дерзаю, но не смею…»
«Когда одна, от шума в стороне…»
«Когда ты, встав от сна богиней благосклонной…»
Стансы
«Когда прекрасные глаза твои в изгнанье…»
«Любовь – волшебница. Я мог бы целый год…»
Амуретта
«Кассандра и Мари, пора расстаться с вами!..»
Этьен де ла Боэси (1530–1563)
«Сегодня солнце вновь струило жгучий зной…»
«Прости, Амур, – прости – к тебе моя мольба…»
«Я преданность твою и верность сердца знаю…»
Сонет («Я встретился с ее горящим чудно взором…»)
Жан Антуан де Баиф (1532–1589)

«Когда в давно минувшие века…»
«О, сладкая, манящая картина!..»
«Один, веля вещать отечественной сцене…»
«В поцелуе ли вся замрешь ты…»
«Киприды сладостной лампада золотая…»
Розы
Воклен де ла Френе (1536–1606)
«О Галатея! (Благостью хариты…)»
«Зимы морщинистой затеи…»
««Когда уместнее любовная игра?..»
Амадис Жамен (1540–1593)
«Когда гляжу на эту чаровницу…»
«Когда любовь – хранить в душе годами…»
«Я словно Актеон – я жертва злой напасти…»
Агриппа д’Обинье (1552–1630)
Стансы («Твердите вы в негодованье…»)
«Чей здравый смысл угас, – бежит любовных нег…»
Теофиль де Вио (1590–1626)
Ода («Мне злобный Гений угрожает…»)
Стансы («Филлида, небеса опять взирают хмуро…»)
Ода («Измена мне всего гнусней…»)
Сонет («Ты будешь гордою от силы два-три лета…»)
Сонет («Своей жестокостью меня вы порази-

ли…»)
Стансы («Люблю – и в этом честь моя…»)
«Когда к рукам твоим прильну…»
Сонет («Я вас поцеловал в неверном сновиденье…»)
Венсан Вуатюр (1597–1648)
«В одежде из цветов тут в заревую пору…»
Рондо
Сонет к Урании
Пьер Корнель (1606–1684)
Стансы к маркизе
Мольер (1622–1673)
Стансы («Мне хочется, чтоб, сон ваш прерывая…»)
Антуанетта Дезульер (1638–1694)
Мадригал («С пастушкою поспорил Альсидон…»)
«Эрот, любезный всем, и всех вокруг палящий…»
Вольтер (1694–1778)
Стансы («Ты мне велишь пылать душою…»)
Сновидение
Фривольность
«Вы» и «ты» Эпистола
Шарль Колле (1709–1783)
Маленькая упрямица

Жан-Станислас де Буффлер (1738–1815)
Письмо
Никола Жильбер (1751–1780)
Новый Эпикур
Эварист Парни (1753–1814)
Добрый совет
К Морфею
Платонизм
«Она придет! к ее устам…»
Элегия
Записка
Полог
Сон
Клятвы
«Зачем, о липа, сохранила…»
Назавтра
Эклога
Посылка
Андре Шенье (1762–1794)
Из любовных элегий
Пьер Жан Беранже (1780–1857)
Бабушка
Весна и осень
Тетка Грегуар
Лучший жребий
Вино и Лизетта

Жаннетта
Зима
Поля
Стрелок и поселянка
Марго
Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859)
Молнии
Письмо женщины
Первая любовь
Идите с миром
Вечерние колокола
Моя комната
Одинокое гнездо
Паломничество
Что ты сделал?
Альфонс де Ламартин (1790–1869)
Воспоминание
Озеро
Одиночество
Виктор Гюго (1802–1885)
«Когда все вишни мы доели…»
Женщине
«О, будь вы молоды, стары, бедны, богаты…»
«Взгляни на эту ветвь: она суха, невзрачна…»
«Чтоб я твою мечту наполнить мог собою…»
«Мой стих вспорхнул бы над лугами…»

Зиме конец
«Вчера повеяло дыханьем свежим ночи…»
Слова, сказанные в полумраке
«Я шел по берегу и повстречался с нею…»
Я завтра поутру…
Жерар де Нерваль (1808–1855)
Оставь меня!
Сидализы
В аллее Люксембургского сада
Кузина
Хор любви
Готическая песня
Время Ода
Альфред де Мюссе (1810–1857)
О, вспоминай!
И вспоминай!
Мадрид
Цветку
«Да, женщины, тут нет ошибки…»
Госпоже де Менесье. Сонет
Сонет
Пепите
Теофиль Готье (1811–1872)
Алмаз сердца
Локоны
Rondalla

Последнее желание
Свет беспощаден…
Кармен
Сокровенный музей
Крест любви
Шарль Леконт де Лиль (1818–1894)
«О ты, которая на миг мне воротила…»
«Над синим мраком ночи длинной…»
Розы Испагани
Шарль Бодлер (1821–1867)
Идеал
Живой факел
Прекрасный корабль
Осенний сонет
Прекрасная ложь
«В струении одежд мерцающих ее…»
«Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной…»
Фонтан
Глаза Берты
Что обещает ее лицо
Чудовище, или Речь в поддержку одной подержанной нимфы
Анри Мюрже (1822–1861)
Стихи из повести «Сцены из жизни богемы»
«В карманах ни гроша, а это значит…»

«Когда моя душа успела изболеться…»
«При виде ласточки родимой…»
Арман Сюлли-Прюдом (1839–1907)
Разбитая ваза
Идеал
«С подругой бледною разлуки…»
«У звезд я спрашивал в ночи…»
Посвящение
Франсуа Коппе (1842–1908)
Ритурнель
Гороскоп
Стефан Малларме (1842–1898)
Томление духа
«Луна печалилась. Томились серафимы…»
«Отходит кружево опять…»
Вздох
«Когда зима во тьме идет сквозь лес забытый…»
Шарль Кро (1842–1888)
Смычок
Рондо
Завтра
Вечер
Жалоба
Lento
Колыбельная

Акварель
Бунт
Дон Жуан
Поль Верлен (1844–1896)
Никогда вовеки
Обет
Усталость
Заветный сон
Женщине
На прогулке
Простодушные
Кифера
В тиши
«Все прелести и все извивы…»
«Стремглав летит пейзаж в окне вагонном…»
«Поднимайся, песня-птица…»
«Почти боюсь, – так сплетена…»
«Кончена стужа – зайчики света…»
Green
Spleen
«Ты далеко не благонравна…»
«Пусть я беднее, чем любой…»
«Не надо ни добра, ни злости…»
«Я не люблю тебя одетой…»
Королевские вкусы
Другая

Тристан Корбьер (1845–1875)
- Вечная женственность
- Настоящая женщина
- Памяти Зюльмы, блудницы из предместья, и одного луидора
- Любовь и фортуна. Odor della feminita
- Приятельнице

Морис Роллина (1846–1903)
- Продавщица раков
- Животное

Жан Ришпен (1849–1926)
- Признание
- Старый романс
- Фиалки

Жермен Нуво (1851–1920)
- Встреча
- Душа
- «Было глупое сердце закрытым сосудом…»
- Втридорога

Артюр Рембо (1854–1891)
- Ощущение
- Офелия
- Первый вечер
- Ответ Нины
- Роман
- Искательницы вшей

Жюль Лафорг (1860–1887)
Жалоба при ветре, тоскующем в ночи
Романс о провинциальной луне
Жалоба органиста церкви Нотр-Дам де Нис
Из «изречений Пьерро»
«Я лишь гуляка под луной…»
Влюбленные
Апрельское бдение
Анри де Ренье (1864–1936)
Мудрость любви
Пленница
Прогулка
Пожелание
Оделетта («Если б я лучше знал мою любовь…»)
Свидание
Упрек
Мадригал
Строфы
Песня
Оделетта («Храню я зеркало, которое влюблено…»)
Оделетта («Назавтра – дождь осенний…»)
Оделетта («Когда со мною роза эта…»)
Гийом Аполлинер (1880–1918)
Сбор цветов
Звук рога

Сила зеркала
«Вы уезжаете – о чем тут говорить?..»
Прощальные стихи
Бессмертие
Ад
Мост Мирабо
Найденная прядь
Лазутчица
«Опять зима опять печали...»
«Тетрадь забытая давно...»

Аннотация

Любовная лирика – это и духовное служение, и общая идея красоты и благородства, и путешествие в область сердечных переживаний, и самое главное – образ Прекрасной Дамы, мимо которого не прошел ни один поэт на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Любовное чувство, перелитое в формы лирики, прежде всего классической, дано носителям французского языка и французской ментальности во всей полноте, яркости и разнообразии. Сборник, составленный известным поэтом и переводчиком Михаилом Ясновым, – лишь небольшая часть «биографии сердца» в том виде, как она запечатлена русскими переводчиками.

Михаил Яснов (составитель) Пылая страстью к Даме. Любовная лирика французских поэтов

Составление, предисловие М. Яснова
Разработка серии А. Новикова

© М. Яснов, составление, предисловие, 2015
© Е. Баевская, перевод, 2015
© А. Парин, перевод, 2015
© Е. Витковский, перевод, 2015
© М. Квятковская, перевод, 2015
© И. Кузнецова, перевод, 2015
© Е. Кассирова, перевод, 2015
© Ася Петрова, перевод, 2015
© М. Талов, перевод. Наследники, 2015
© Ф. Мендельсон, перевод. Наследники, 2015
© О. Румер, перевод. Наследники, 2015
© М. Казмичов, перевод. Наследники, 2015
© В. Васильев, перевод. Наследники, 2015
© А. Эфрон, перевод. Наследники, 2015
© В. Давиденкова, перевод. Наследники, 2015
© В. Левик, перевод. Наследники, 2015
© Э. Линецкая, перевод. Наследники, 2015
© Вс. Рождественский, перевод. Наследники, 2015
© Л. Цывьян, перевод. Наследники, 2015
© О. Глебова-Судейкина, перевод. Наследники, 2015
© В. Шор, перевод. Наследники, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Комментарий к жизни и любви

Шарль Бодлер однажды заметил: «Поэзия, под страхом собственной смерти или умаления дара, не может смешиваться с наукой или моралью; ее предметом является не истина, а лишь она сама». Эта «самостийность» поэзии выражается и в том, что не существует другого искусства, которое говорило бы о любви так, как говорит она. И если выразить одной фразой суть того, что мы называем любовной лирикой, то в ней, в этой фразе, непременно окажутся рядом и духовное служение, и общая идея красоты и благородства, и путешествие в область сердечных переживаний, и самое главное — образ Прекрасной Дамы, мимо которого не прошел ни один поэт на протяжении всей истории человеческой цивилизации.

В этом смысле французской поэзии повезло как никакой другой — именно любовное чувство, перелитое в формы лирики, прежде всего классической, дано носителям французского языка и французской ментальности во всей полноте, яркости и разнообразии. Путь от чувства к стихам и от стихов к чувству породил безусловный

феномен, который можно назвать комментарием к жизни и любви, и чем больше и глубже мы читаем французских поэтов, тем обширнее и подробнее становится этот комментарий. Наша книга — лишь небольшая часть «биографии сердца», в том ее виде, как она запечатлена русскими переводчиками, которые интерпретировали не только и не столько сам по себе язык поэзии, сколько язык любви, нередко дополняя и обогащая новыми оттенками канву оригинала.

Старая французская поэзия оперировала жесткими поэтическими формами: рондо и сонет, ода и баллада, эпиграмма и элегия — все эти виды стиха были тщательно разработаны, многократно и в мельчайших формальных подробностях воспроизведены авторами, старавшимися не только длинной чередой аллюзий и реминисценций связать между собой прошлое и настоящее, но и буквально из каждого стихотворения вылущить злободневный смысл. Большинство поэтических текстов тех эпох обращены к конкретным людям, друзьям и возлюбленным, знатным особам и покровителям, монархам и литературным противникам, — рядовым персонажам и героям событий, бывших тогда на слуху, вплоть до мельчайших бытовых эпизодов, канувших в

вечность. Из этих мелочей создается реальная, не выветрившаяся и по сей день мозаика жизни, в которой, в частности, любовная поэзия занимает существенное, а иногда и первостепенное место.

Все это видно в строчках и строфах, создававшихся и в Средние века, и в эпоху Возрождения, и позднее — в восемнадцатом столетии, подарившем нам незабвенные образцы «высокой» и «низкой» поэзии. Рядом с воспеванием «вдохновительниц», рядом с благородным служением идеалу (нередко — именно Идеалу, поскольку во многих стихах тех эпох образ Прекрасной Дамы лишен бытовых примет и индивидуальных черт), всегда присутствовала иная традиция, более конкретная и личностная, назовем ее «вийоновской», в которой оживала и широко распространялась низовая культура, бросавшая вызов общепринятым взглядам и нормам своего времени.

Следствием куртуазного культа Дамы — реального и литературного — стал пересмотр в обществе всего комплекса отношений между мужчиной и женщиной. В аристократических и зажиточных кругах становилось важным признание духовности в этих отношениях. Низовая культура, в которой всегда ярки эротические мотивы, по-своему отреагировала на куртуазную

любовь, перенеся ее завоевания из области запретов и серьезного чувства в откровенный показ и насмешливое обыгрывание всего «заповедного». Место высокой и трепетной страсти занимал низкий адюльтер, но строился он по законам, уже отработанным куртуазной любовью; в отличие от высоких жанров литературы, героями которых становились представители высшей знати, дворянства и духовенства, герои низовой культуры — рядовые люди, а то и представители «дна»: нищие, воры, гулящие девицы.

Любовная лирика старого времени переполнена фривольными мотивами. Слово «фривольный» не должно настраивать на легкомысленный лад. За те века бытования французской поэзии, которые представлены в этой книге, многочисленные поэты отдали дань, если можно так сказать, «пограничной» традиции, в зоне действия которой располагаются не только любовные и эротические стихи, но и иронические, и сатирические, охватившие самые разные поэтические жанры от эпиграммы до стихотворной сказки. Это так называемая «легкая» поэзия, которая отнюдь не легка для перевода; наоборот — она предполагает виртуозное исполнительское мастерство, сохраняющее особенности оригинала.

Во Франции подобное мастерство, как правило, оттачивалось на идеологическом поле; не случайно, например, в семнадцатом веке, открывшем поэтическое барокко, любовная лирика и политика оказались нерасторжимо переплетены — настолько, что эта эпоха «любви и либертинажа» до сих пор находит самый живой отклик у всех, кто в нее погружается. Поэзия барокко с ее подспудным трагизмом, с ее эмблематикой, с ее стилистическими оксюморонами и повышенным интересом к собственно поэтической технике стала напрямую перекликаться с эсхатологическими настроениями читающей аудитории, ее пристрастиями и жаждой нового. Не тоталитарные устремления классицизма, не революционный пафос романтизма — а именно причудливое, тайное и не всегда добронравное бунтарство барокко оказалось в Новейшее время созвучно гуманитарным настроениям европейского общества, стоящего на пороге и социальных, и этических перемен.

А если заглянуть, скажем, в восемнадцатый век, то мы убедимся в том, что любовная лирика не просто описывает или выражает чувства, — прежде всего она изучает нравы. Этому посвящены сотни страниц позднейших исследований. По

словам историка Мишеля Делона, тогда во Франции повсюду царила поэзия: «Она звучала на улицах и в салонах. Рифмовали всё — не только поздравления по случаю семейных праздников или общественных событий; рифмовали, чтобы придать ясность беседам на серьезные темы. Вольтер завоевал славу самого крупного поэта эпохи, и свои представления о жизни он излагал александрийским стихом… В ряду наслаждений того времени первое место было отдано любви, не столько в ее жизненных реалиях, сколько в представлениях о ней и людских прихотях».

Эпоха переполнена деталями, жестами, намеками, поступками, текстами, свидетельствовавшими о возрождении античной традиции и завоеваниях новой чувственности. «Античность, — замечает Делон, — это и культура, и ее видимость… Вежливость становится искусством изящно говорить непристойности, а поэзия подпадает под чары распутства, не используя при этом ни одного грязного словца». Известный филолог Ефим Эткинд, анализируя переводы Батюшкова из Парни, писал о том, что эротические элегии давали переводчику возможность выразить свое мироощущение и свой темперамент, поскольку, несмотря на фривольность сюжетов,

в стихах Парни прежде всего были разработаны психологические характеристики и драматические конфликты. А на другом полюсе — столь завораживающие любовные послания Андре Шенье, который, по мнению Осипа Мандельштама, превратил элегию в светское любовное письмо, в котором свободно течет «живая разговорная речь романтически мыслящего и чувствующего человека».

Через «романтику» разума и сердца, которой была наполнена поэзия французского девятнадцатого века («Какой восхитительной эпохой был романтизм, когда такие поэты, как Гюго, Ламартин, Беранже, по-настоящему выражали в своих стихах чувства и душу нации!» — писал впоследствии «либертин» Аполлинер), мы довольно скоро приходим к другому поэтическому явлению, — к поэтике «проклятых» поэтов, и шире — ко всей атмосфере «конца века» и «прекрасной эпохи», к тому декадансу, что удивительным образом рифмуется и с сегодняшним нашим мироощущением, когда закат традиционной европейской культуры дает о себе знать с не меньшей трагической определенностью, чем столетие назад. И прежде всего — в любовной лирике.

Эта эпоха, прочно связанная с именами Верлена и Рембо, Малларме и Корбьера, Роллина и Лафорга, стала символом конца века, его сутью и выражением. С легкой руки Бодлера иронический сплин и меланхолическая самоиздевка превратились в литературную оппозицию той эпидемии скуки, которая поразила французское общество и породила непосредственное чувство разочарования и упадка. Любовные стихи становились скрупулезными исследователями сердечной смуты и хандры и, словно зеркала, множили фантазии и фантомы, доводя до трагедийных высот болезненные впечатления и раздумья.

Несколько позже академик А. Кони, человек зоркий и умный, отмечал в рецензии на книгу переводов И. Тхоржевского из новейшей французской поэзии: «Отличительной чертою произведений современных французских поэтов является печаль и притом по большей части *личного* характера. Французская душа, которая когда-то стремилась так много сделать для человечества вообще и веру в бессмертие личности восторженно заменила верой в торжество идей, как будто устала и изверилась в самой себе. Кругозор ее сузился, и, несмотря на громкие и красивые

фразы о человечестве, вопросы *личного* счастья стали у французских поэтов на первом плане. В последней же области уже почти нет ни «музы, ласково поющей», ни «музы мести и печали», а лишь мелочный и эгоистический самоанализ».

В свое время эти слова звучали злободневно, Кони дважды с неодобрением подчеркивает слово «личный», — между тем после романтиков «личная» драма поэтов конца века стала подлинным поэтическим откровением, а «мелочный и эгоистический самоанализ» дал образцы блестящей лирики. Под воздействием Бодлера складывался определенный стиль «проклятых», где смешано высокое и низкое, поэтическая терминология, уличный жаргон и арго богемы, традиционность и формальные поиски, ведущие к свободному стиху. При этом весьма существенной оказалась романтическая традиция, но не та, которую позднее Аполлинер назовет «неким отзвуком декоративных красот романтизма», а скорее, по его же словам, та «пытливость», которая побуждает поэта «исследовать любую область, где можно найти для литературы материал, способствующий прославлению жизни, в каких бы формах она ни являлась».

В творчестве самого Аполлинера любовь дра-

матична; это незаживающая рана, это «солнце с перерезанным горлом» — незабываемая метафора мощного лирического чувства. Любовь и смерть появляются почти всегда рука об руку. Здесь намечается та «область двусмысленности», которая так привлекает исследователей и комментаторов творчества Аполлинера и которая так пересекается с его биографией. Всю жизнь Аполлинер писал о своих несложившихся любовях; каждая новая была поводом помянуть прошлую, вновь напомнить об этом «аде» в душе, вырытом своими руками, о коренной, по его мнению, несхожести между мужчиной и женщиной, из которой проистекает все «злосчастие в любви», многократно испытанное самим поэтом.

Эту ноту подхватили многие лирики двадцатого столетия, и все-таки заповеди юношеской морали — смеяться, пить, петь и любить, — даже обогащенные трезвостью и мудростью возраста и опыта, остаются теми «словами-сигналами», по которым узнается и признается любовная лирика. «Я благодарен женщинам, потому что им обязана своим существованием моя поэзия!» — к этому восклицанию Беранже могли бы присоединиться все французские поэты.

Михаил Яснов

Гийом де Машо (1300–1377)

«Мне скорби в словах не излить!..»

Мне скорби в словах не излить! От страсти великой ожог Печаль мою требует длить И речи на пени обрек. У смерти ищу я защиты, Кричу, что ни час, что ни миг: «Сладчайшая, где вы сокрыты? Когда я увижу ваш лик?»

Мучительно жажду таить И ждать хоть единый глоток Привыкшему радостно пить Живительных взглядов поток. И все утешенья забыты, И пеней не сякнет родник. Сладчайшая, где вы сокрыты? Когда я увижу ваш лик?

Не знаю, как далее жить. Мой жребий уныл и убог. Лишь к смерти осталось спешить.

Как длителен жизненный срок! Все слезы напрасно пролиты. Устам остается лишь крик: «Сладчайшая, где вы сокрыты? Когда я увижу ваш лик»?

Перевод А. Парина

«Как розан, алая, белей лилеи...»

Как розан, алая, белей лилеи,
Сиятельней рубина во сто крат,

Мадам, от вашей красоты хмелея,
Как розан, алая, белей лилеи,

Я цепенею и сказать не смею,
Что вашей красоте служить я рад,
Как розан, алая, белей лилеи,
Сиятельней рубина во сто крат.

Перевод А. Парина

«О дама, благославия твердыня...»

О дама, благославия твердыня,
Чья красота – всех благ моих залог,
Пусть ваша не сразит меня гордыня,
Пусть приговор не будет ваш жесток!
Когда ваш лик, который чист и строг,
Я лицезрю,
Бежать от вас даю зарок.
Благодарю!
В острог счастливый заточен я ныне,
Но проклинать не стану я острог:
Я рад любовной боли, чужд кручине,
И пыл, который душу в жар вовлек
И пламенем палящим сердце жег,
Боготворю.
Все муки были сердцу впрок.
Благодарю!

Но все-таки молю о благостыне —
Я заслужил ее в кругу тревог.
Ведь кроме вас не знаю я святыни,

И только вам служу я, видит Бог.

Вы столь добры, столь долго службы срок.

Я не корю

Судьбу, и я у ваших ног.

Благодарю!

Перевод А. Парина

«Будь прокляты пора, и день, и час...»

Будь прокляты пора, и день, и час,
Неделя, место встречи, месяц, год,
Будь проклята чета прекрасных глаз,
Принесшая мне тысячи невзгод,
И пыл моей души, и мыслей ход,
И верность, и желанья громкий глас,
Будь проклят плач, который жег не раз
Мой дух больной, вкусивший горький плод.
Будь проклят лик, прекрасный без прикрас,
И взгляд, который сердце болью жжет
С тех пор, как страсть в душе моей зажглась,
И день, что начал лет ее отсчет,
И вид притворный, и притворства мед,
И нежность, что хранится не для нас,
И гордость, что загнать в тупик взялась
Мой дух больной, вкусивший горький

плод.

Будь проклят жребий мой, и тайный сглаз,
И звезд на небе злобный поворот —
От них удачи светоч мой погас,
От них в душе не извести забот.
Молю: пусть Бог ее покой блюдет,
Чтоб честь ее и жизнь не пресеклась.
Молю, чтоб он от всех страданий спас
Мой дух больной, вкусивший горький плод.

Перевод А. Парина

«Я с дамами, с любовию прощаюсь…»

Я с дамами, с любовию прощаюсь,
С влюбленными и с жизнью средь любви,
К поре благой обратно возвращаюсь,
К богам, что встарь хранили дни мои,
Нет больше сил служить
Надежде и Венере, в грезах жить.
Бежать и клясть все радости пристало,
Утратив то, что сердце обожало.
Хочу, чтоб длился плач, не прекращаясь,
Чтоб душу слезы в глубях погребли
И чтобы тело, в воду обращаясь,
Исчезло на поверхности земли.
В ключи, чтоб всех поить,
Алфея с Аретузой обратить
Смог Зевс – и плачу я немало,
Утратив то, что сердце обожало.

Честь умерла, и, в горестях кончаясь,
Блуждает Верность от Любви вдали,
И Правду, с коей жил я, очищаясь,
Убить и схоронить враги смогли.
Я стану слезы лить.
Я не устану сетованья длить.
Мечтаю, чтоб рекою тело стало.
Утратив то, что сердце обожало.

Перевод А. Парина

«Душа моя, богиня, свет небесный...»

Душа моя, богиня, свет небесный,
Ну что б, со мной беседуя сам-друг,
Не говорить вам ласково: «Мой друг!»

Меж «мой» и «друг» отсутствует «любезный»,
Душа моя, богиня, свет небесный.

Такую мелочь подарить уместно.
Усладу в сих словах мой ловит слух,
Хоть и не назван я любимым вслух.
Душа моя, богиня, свет небесный,
Ну что б, со мной беседуя сам-друг,
Не говорить вам ласково: «Мой друг!»?

Перевод А. Парина

«Лилея, роза, зелень, вёсны…»

Лилея, роза, зелень, вёсны,
Бальзам и нежный аромат,
Дарительница всех отрад,

Дары Природы плодоносной,
Все есть у вас – и в плен я взят.
Лилея, роза, зелень, вёсны,
Бальзам и нежный аромат.

Коль не поверит разум косный,
Я повторить хваленья рад
И сто, и тыщу раз подряд:
Лилея, роза, зелень, вёсны,
Бальзам и нежный аромат,
Дарительница всех отрад.

Перевод А. Парина

Карл Орлеанский (1394–1465)

Песня VIII

Советуй, сердце, как мне быть,
Что, если к милой поспешу я
Поведать, как, по ней тоскуя,
Не можешь мук переносить?

Клянусь все в тайне сохранить:
Честь дамы и секрет твой чту я.
Советуй, сердце, как мне быть,
Что, если к милой поспешу я?

Она сумеет рассудить
Твою любовь, не негодуя,
И доброй вестью залечу я
Твою хандру. Пора решить:
Советуй, сердце, как мне быть?

Перевод М. Талова

Песня X

Лишь стоит присмотреться к ней,
Как я, влюбленными глазами,
Обворожит она красами,
Врожденной нежностью своей.

Осанка, говор, блеск очей
Овладевают вмиг умами,
Лишь стоит присмотреться к ней,
Как я, влюбленными глазами.

Ей смотрит вслед толпа людей,
И стар, и млад, шепча часами:
«С небес богиня перед нами
Сошла в сиянии лучей». —
Лишь стоит присмотреться к ней.

Перевод М. Талова

«Явился май – любовь не спит…»

Явился май – любовь не спит,
Велит влюбленным веселиться.
А я не стану суетиться,
Мне буйство майское претит.

И никого не удивит,
Что дух мой радости дичится.
Явился май – любовь не спит,
Велит влюбленным веселиться.
Я сплю – и бденье не прельстит:
Рассудок мой привык лениться,
И нет охоты волочиться
За жизнью, сладкой лишь на вид.
Явился май – любовь не спит.

Перевод А. Парина

«Смотрите, лучше не смотрите...»

Смотрите, лучше не смотрите
На ту, которой я служу.
Я сразу вас предупрежу:
Сердца от страсти берегите!

Прибегните к такой защите:
Зажмурьтесь, видя госпожу.
Смотрите, лучше не смотрите
На ту, которой я служу.

Такие прелести, поймите,
Сразят и фата, и ханжу.
Я вам советом угожу:
На дивный лик, являясь в свите,
Смотрите, лучше не смотрите!

Перевод А. Парина

«Я поцелуи не приму…»

Я поцелуи не приму,
Что раздают по этикету
Или при встрече для привету
Их дарят всем и никому.

Кто хочет, их накопит тьму.
От их обилья толка нету.
Я поцелуи не приму,
Что раздают по этикету.

Что ж мило сердцу моему?
Те, что даются по секрету.
Поверьте здравому совету:
Все остальные – ни к чему. Я поцелуи не приму.

Перевод А. Парина

«На вашу красоту смотреть...»

На вашу красоту смотреть,
Моя возлюбленная дама,
Столь радостно, скажу вам прямо,
Что вам и не уразуметь.

Меня тоске не одолеть,
Пока глазам дано упрямо
На вашу красоту смотреть,
Моя возлюбленная дама.

Плетет злоречье сплетен сеть,
Чтоб вам вредить, прекрасной самой.
Подальше я уйду от срама,
Хоть мне отрадно днесь и впредь
На вашу красоту смотреть.

Перевод А. Парина

«Ваш рот речет: «Целуй меня!»...»

Ваш рот речет: «Целуй меня!» —
И в смуту сердца вносит ясность.
Но, недреманна, ждет Опасность,
И наготове западня.

Единый поцелуй, звеня,
Пускай вместит желанья страстность.
Ваш рот речет: «Целуй меня!» —
И в смуту сердца вносит ясность.

Без страха не живу ни дня:
Мою любовь пугает гласность
И тайных взглядов ежечасность.
Как вырвать душу из огня?
Ваш рот речет: «Целуй меня!»

Перевод А. Парина

«Ах, ужель не хотите...»

Ах, ужель не хотите,
Чтобы вашим я стал?
Я ведь воли не дал
Нетерпенью и прыти.

Только слово шепните,
Чтоб никто не слыхал!
Ах, ужель не хотите,
Чтобы Вашим я стал?

Ваша верность в зените
И достойна похвал.
Но и пыл мой немал,
Что за прок в волоките?
Ах, ужель не хотите?

Перевод А. Парина

«Передо мною вы в долгу…»

Передо мною вы в долгу —
Сто поцелуев задолжали.
Я этот долг прощу едва ли,
Удобный миг подстерегу.

Хоть знаю: в замкнутом кругу
Вас опасения сковали,
Передо мною вы в долгу —
Сто поцелуев задолжали.

Я закладную берегу —
Платите, раз ее давали.
Под стражу как бы вас не взяли —
Любовь в истицы взять могу.
Передо мною вы в долгу.

Перевод А. Парина

Франсуа Вийон (1431—после 1463)

Баллада о дамах былых времён

Скажи, в каких краях они,
Таис, Алкида – утешенье
Мужей, блиставших в оны дни?
Где Флора, Рима украшенье?
Где Эхо, чьё звучало пенье,
Тревожа дремлющий затон,
Чья красота – как наваждение?..
Но где снега былых времён?

Где Элоиза, объясни,
Та, за кого приял мученья
Пьер Абеляр из Сен-Дени,
Познавший горечь оскопленья?
Где королева, чьим веленьем
Злосчастный Буридан казнён,
Зашит в мешок, утоплен в Сене?..
Но где снега былых времён?

Где Бланка, белизной сродни
Лилее, голосом – сирене?

Алиса, Берта, – где они?
Где Арамбур, чей двор в Майенне?
Где Жанна, дева из Лоррэни,
Чей славный путь был завершён
Костром в Руане? Где их тени?..
Но где снега былых времён?

Принц, красота живёт мгновенье.
Увы, таков судьбы закон!
Звучит рефреном сожаленье:
Но где снега былых времён?..

Перевод Ф. Мендельсона

Баллада-завет прекрасной оружейницы гулящим девкам

Внимай, ткачиха Гийометта,
Хороший я даю совет,
И ты, колбасница Перетта, —
Пока тебе немного лет,
Цени веселый звон монет!
Лови гостей без промедленья!
Пройдут года – увянет цвет:
Монете стертой нет хожденья.

Пляши, цветочница Нинетта,
Пока сама ты как букет!
Но будет скоро песня спета, —
Закроешь дверь, погасишь свет…
Ведь старость – хуже всяких бед!
Как дряхлый поп без приношенья,
Красавица на склоне лет:
Монете стертой нет хожденья.

Франтиха шляпница Жанетта,
Любым мужчинам шли привет,

И Бланш, башмачнице, про это
Напомни: вам зевать не след!
Не в красоте залог побед,
Лишь скучные – в пренебреженье,
Да нам, старухам, гостя нет:
Монете стертой нет хожденья.

Эй, девки, поняли завет?
Глотаю слезы каждый день я
Затем, что молодости нет:
Монете стертой нет хожденья.

Перевод Ф. Мендельсона

Баллада подружке Вийона

Фальшивая душа – гнилой товар,
Румяна лгут, обманывая взор,
Амур нанес мне гибельный удар,
Неугасим страдания костер.
Сомнения язвят острее шпор!
Ужель в тоске покину этот мир?
Алмазный взгляд смягчит ли мой укор?
Не погуби, спаси того, кто сир!
Мне б сразу погасить в душе пожар,
А я страдал напрасно до сих пор,
Рыдал, любви вымаливая дар…
Теперь же что? Изгнания позор?
Ад ревности? Все, кто на ноги скор,
Сюда смотри: безжалостный кумир
Мне произносит смертный приговор!
Не погуби, спаси того, кто сир!

Весна пройдет, угаснет сердца жар,
Иссохнет плоть, и потускнеет взор.

Любимая, я буду тоже стар,
Любовь и тлен – какой жестокий вздор!
Обоих нас ограбит время-вор,
На кой нам черт тогда бренчанье лир?
Ведь лишь весна струит потоки с гор.
Не погуби, спаси того, кто сир!

О принц влюбленных, добрый мой сеньор,
Пока не кончен жизни краткий пир,
Будь милосерд и рассуди наш спор!
Не погуби, спаси того, кто сир!

Перевод Ф. Мендельсона

Баллада о парижанках

Идет молва на всех углах
О языках венецианок,
Искусных и болтливых свах,
О говорливости миланок,
О красноречии пизанок
И бойких Рима дочерей...
Но что вся слава итальянок!
Язык Парижа всех острей.

Не умолкает и в церквах
Трескучий говорок испанок,
Есть неуемные в речах
Среди венгерок и гречанок,
Пруссачек, немок и норманнок,
Но далеко им, ей-же-ей,
До наших маленьких служанок!
Язык Парижа всех острей.

Бретонки повергают в страх,
Гасконки хуже тулузанок,

И не найти во всех краях
Косноязычней англичанок,
Что ж говорить мне про датчанок, —
Всех не вместишь в балладе сей! —
Про египтянок и турчанок?
Язык Парижа всех острей.

Принц, первый приз – для парижанок:
Они речистостью своей
Заткнут за пояс чужестранок!
Язык Парижа всех острей.

Перевод Ф. Мендельсона

Меллен де Сен-Желе (1487–1558)

Ревность

Глаза и рот ваш целовать прекрасный
Готов я много, много тысяч раз,
Когда вы отбиваетесь напрасно,
А я держу в объятьях крепко вас.
Но в это время мой влюбленный глаз,
Чуть отстранясь, на прелести косится,
Которые мой поцелуй крадет.
Я так ревнив, что глаз мой не мирится
С соперником, хотя б им был мой рот.

Перевод О. Румера

Деревенская песня

Что надо мной? Чего мне надо?
Зноя? Града?
Спать не могу и наяву
Не живу.
Не болен я – а сил лишился.
Я думаю, что я влюбился.
В четыре дня поем едва
Раз-два,
Сохи не вижу и вола;
Вдоль села
И день и ночь бродить готов.
На что мне дом? На что мне кров?

Как раньше нужно было знать,
Кто опять
На танцах первый приз возьмет.
Сам я вот
Плясал недавно на траве.
Не раскружиться голове.

Где боль? Не знаю ничего.
Но с того
Томлюсь я, что плясал в тот день
Я с Катень.
Так в танце грудь ее дрожала!
Так, снежно-белая, дышала!

Широкой юбки красный цвет
И колет,
И свежие для торжества
Рукава,
И бантики, как мотыльки,
И новенькие башмаки.

Из глаз зеленых на меня —
Луч огня,
Тут я десяток раз скакнул
И шепнул,
Ее за пальчик теребя:
«Катень, ведь я люблю тебя!»

Она мой шепот прервала
И ушла,
Так безучастна, так горда.

Со стыда
Сгорел я, и, чтоб это скрыть,
Пришлось мне нос рукой схватить.

Я видел раз ее потом
За окном,
И раз, как на базар пришел.
Я прошел
Версту, чтоб ей сказать словцо,
А видел спину, не лицо.

Когда не бросит так кичиться
И дичиться, —
Прощай, соха! Отбросив страхи,
Я в монахи,
В солдаты я из-за Катень
Пойду в один прекрасный день!

Перевод М. Казмичова

Посылка из окна

Я размышлял один, у окон зала,
О той тоске, что в сердце затаилась.
Взгляни налево, – мне любовь сказала, —
Не утешенье ли к тебе спустилось?
И я взглянул: у вас в двери явилось
Блаженство, – от него томлюсь без сил.
К нему в волненье сердце устремилось,
Но тело тайный страх остановил.

Перевод М. Казмичова

«Любовь и смерть, влюбленных двух...»

Любовь и смерть, влюбленных двух спасая,
Дары им принесли: забвенье зла
Один от смерти принял, угасая,
Любовь другому ваш портрет дала.
Судьба меня на путь их привела.
Что выберу я сердцу моему?
Что получил живой? Дано ему,
Склонясь к портрету, жить воображеньем.
Скорее я, как первый, смерть возьму,
Чем обладать одним изображеньем.

Перевод М. Казмичова

«Я счастлив был по воле заблужде-нья…»

Я счастлив был по воле заблужденья.
Мое несчастье – истина сама:
Моя отрада – сон и сновиденье,
Проснусь – вокруг суровая зима.
Мне ясный полдень – зло, а благо – тьма.
В недолгом полусне – с тобой свиданье.
Явь – твоего отсутствия зиянье.
О бедные глаза! Сквозь темноту,
Закрытые, вы видите сиянье,
Открою вас – и вижу пустоту.

Перевод М. Казмичова

Клеман Маро (1496–1544)

Старик

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста младого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

Перевод А. Пушкина

Анне

Ко счастью вас или к несчастью встретил —
Вот моего загадка бытия:
Ведь до сих пор никак и не ответил
Мой бедный ум, безвластный судия.
Ко счастию, – так верно знаю я:
Добро есть зло, когда оно мгновенно;
К несчастию, – но в этом честь моя, —
Терпеть его за то, что совершенно.

Перевод Ю. Верховского

О той, которая медлит

Люблю ли пламенно я вас, —
Краса блестит, всех затмевая;
Люблю ли холодно, – тотчас
Краса, как лед, исходит, тая.
Так быть жестокой не желая,
Скорее сжальтесь надо мной:
Моя ведь дружба, улетая,
Исчезнет – с вашей красотой.

Перевод Ю. Верховского

Об Анне, бросившей в меня снегом

Снежком, шутя, в меня метнула Анна;
Конечно, я считал, что снег – студен;
А он – огонь и обжигает странно, —
Вдруг понял я в тот миг, воспламенен.
Но коль огонь незримо поселен
В самом снегу, куда же мне укрыться,
Чтоб не пылать? Одной тебе взмолиться.
Погасишь ты тот пламень – не водой,
Не снегом и не льдом: коль загорится
В тебе пожар такой же – стихнет мой.

Перевод Ю. Верховского

Об отвергнутом поцелуе

Амур, когда я мучился без сна,
Мне так сказал, приникнув к изголовью:
«Хотя Мадлен с тобой была скромна
И поцелуй отвергла, но она
Смягчится, тронута твоей любовью».
—
«Ах, нет, Амур, всё для меня мертво,
И милости ее напрасно жду я.
Холодным будет ложе у того,
Кому из милых губ ни одного
Не удалось добиться поцелуя».

Перевод В. Васильева

Об одном сновидении

Приснилось мне полуночной порой,
Что будто ты пришла в мои объятья.
А пробудясь, был одинок опять я.
И к Фебу обратился я с мольбой:
«О, сбудется ли сон волшебный мой,
Феб Аполлон, поведай мне скорее!»
Но, нежной красотой твоей пленен,
«Не сбудется!» – изрек ревниво он.
Любовь моя, ты проучи злодея
И докажи: обманщик Аполлон!

Перевод В. Васильева

Песня («Та, что мукой меня извела...»)

Та, что мукой меня извела,
Пощадила меня и в сад
За собою меня ввела,
Где деревья в цвету стоят.
На меня подняла она взгляд,
Поцелуи мои принимала,
Сердце мне отдала – и назад
Свой подарок не отнимала.

И сказал я, отбросив страх:
«Что мне делать с сердцем одним?
Дай уснуть мне в твоих руках!»
Но ответила дама моим
Домогательствам: «Кто любим,
Не молить тому подобает:
Ведь и телом владеет моим
Тот, кто сердцу повелевает!»

Перевод М. Казмичова

Песня («Не знаю, ненависть горька ли...»)

Не знаю, ненависть горька ли,
Мне не она волнует кровь,
Но знаю – долгие печали
Несет недолгая любовь.
Другое имя ей готовь:
Дай имя ей травы, цветка ли,
Блеснувших, чтоб исчезнуть вновь.
Дай имя ей травы, цветка ли,
В душе изменчивой его.
Мою алмазом бы назвали
За верность сердца моего.
Ведь я люблю, люблю того,
Кто и не думает, жива ли
Я или все во мне мертво.

Перевод М. Казмичова

О любви доброго старого времени

В тот древний век любовь свои дела
Без золота и хитростей вела.
Кому она цветок передавала,
Тому она вселенную вручала, —
Глубокая, в сердцах она жила.

А если к наслаждению тела
Она, неосторожная, вела,
Десятки лет она не умирала
В тот древний век.

Веления любви закрыла мгла,
Изменчивость и льстивость всем мила.
Кто хочет, чтоб любил я, пусть сначала
Вернет любовь на землю, чтоб восстала
Она в сердцах такой же, как была
В тот древний век.

Перевод М. Казмичова

Песня о мае и добродетели

Весенней майскою порой
Земля трепещет, оживая, —
И легкомысленной толпой,
Подобно ей, любовь меняя,
Стремится юность удалая,
Опять впервые влюблена;
Моя любовь – совсем иная,
Моя любовь – навек одна.

Красавица своей красой
Не век красуется, блистая:
Клеймят безжалостной рукой
Недуг, забота, старость злая;
Одна цветет, не увядая,
Что мною всем предпочтена;
Как в ней краса всегда живая,
Моя любовь – навек одна.

Кто ж прославляемая мной?
Знай – добродетель то святая,

То нимфа, что с высот звездой
Горит, влюбленных призывая:
«Ко мне, ко мне! – гласит благая. —
Кто любит, – тех я жду, юна.
Ко мне! – взывает, не смолкая: —
Моя любовь – навек одна».

Властитель! Даст усладу рая
Тебе, бессмертная, она, —
И скажешь, душу раскрывая:
«Моя любовь – навек одна».

Перевод Ю. Верховского

Луиза Лабе (1522–1566)

«Живу и гибну: то горю в огне…»

Живу и гибну: то горю в огне,
То в проруби тону; и сплошь страданье,
И сплошь восторг – мое существованье;
Мягка и жестока судьба ко мне.

И смех, и плач владеют наравне
Моей душой – как счастье и терзанье;
Я зеленею в пору увяданья.
Мой добрый час – со мной и в стороне.

Так и ведет меня любовь шальная
Своим путем; когда я горя жду,
Вдруг радость наступает всеблагая.

Едва поверю, что она – без края
И без конца, как, на свою беду,
Вступаю вновь в лихую череду.

Перевод А. Эфрон

«Доколь, о невозвратном сожалея...»

Доколь, о невозвратном сожалея,
Глаза еще способны слезы лить,
А голос – не срываться и таить
Рыданья, песню о тебе лелея,

Покуда пальцы, струнами владея,
Хранить умеют сладостную прыть,
А разум – лишь тебя боготворить,
Не ведая иного чародея,

Живу и жить хочу; но если рок
Иссушит глаз моих горючий ток,
Надломит голос мой и свяжет руки,

Чувств выраженье запретит уму,
Смерть призову во избежанье муки:
Да канет день мой в вековую тьму.

Перевод А. Эфрон

«Целуй меня! целуй еще и снова!..»

Целуй меня! целуй еще и снова!
Еще один сладчайший подари!
Еще, еще... Тебе за каждый – три
Наижарчайших – возвратить готова.

Печален ты? От бедствия такого
Спасут лобзанья – их благодари!
Обмениваясь ими до зари,
Мы будем одарять один другого.
Так, двое прозябавших, в мире сем
Двойную жизнь друг в друге обретем.
О, не суди за то, что речи – смелы!

Мне плохо в тишине и взаперти,
И счастья не могу себе найти,
Пока не выйду за свои пределы.

Перевод А. Эфрон

«Пока в глазах есть слезы изливать-ся...»

Пока в глазах есть слезы изливаться
И час с тобой, ушедшим, изживать,
А голос мой силен одолевать
Рыданья, стон, хоть еле раздаваться;

Пока рукой я в силах струн касаться,
Все, чем ты мил, хоть скромно воспе-вать,
Пока душа тебя лишь познавать
Единственно желала б научаться, —

На миг еще не склонна умереть.
Но чуть пойму, что взор мой стал сла-беть,
Что голос глух, а бег перстов как сон-ный;

Что разум мой теснит земная сень
И в нем нет сил явить восторг влюб-ленной,

Смерть умолю затмить мой белый день.

Перевод Ю. Верховского

Жоашен дю Белле (1522–1560)

«Мне ночь мала, и день чрезмерно длится…»

Мне ночь мала, и день чрезмерно длится.
Бегу любви – за ней спешу без силы,
К себе жесток – пощады жду от милой,
И счастье пью в мученьях без границы.

Свой знаю прок – лишь бед могу добиться,
Желанье жжет – боязнь оледенила,
Хочу бежать – не двинусь, кровь застыла,
Мне тьма светла, а в свете тьма таится.

Я ваш, мадам, при этом сам не свой,
На воле плоть, но чую, чуть живой,
Что сердце, пережив темницы мрак,

Лишилось сил и одряхлело вдруг,
И вот в меня нещадный целит лук

Тот древний мальчуган, что слеп и наг.

Перевод А. Парина

К лютне

Ты, Лютня, зло умела превозмочь,
Когда, сражен изменчивостью рока,
Из-за любви красавицы жестокой
Вздыхал я здесь, томясь и день и ночь.

Жить без тебя, о Лютня, мне невмочь,
Отрада дней счастливого истока,
Утешь меня и в старости глубокой,
Жар лихорадки отдаляя прочь.

И в награждение за благо это,
Когда мой дух для будущего света
Покинет скоро здешние края,

Жрецом фракийским в небо вознесенный,
Тебя, о Лютня, обещаю я
Поставить рядом с лютней Аполлона.

Перевод В. Давиденковой

Пьер де Ронсар (1524–1585)

«Пойдем, возлюбленная, взглянем...»

Пойдем, возлюбленная, взглянем
На эту розу, утром ранним
Расцветшую в саду моем.
Она, в пурпурный шелк одета,
Как ты, сияла в час рассвета
И вот – уже увяла днем.

В лохмотьях пышного наряда —
О, как ей мало места надо!
Она мертва, твоя сестра.
Пощады нет, мольба напрасна,
Когда и то, что так прекрасно,
Не доживает до утра.

Отдай же молодость веселью!
Пока зима не гонит в келью,
Пока ты вся еще в цвету,
Лови летящее мгновенье —
Холодной вьюги дуновенье,

Как розу, губит красоту.

Перевод В. Левика

«Большое горе – не любить...»

Большое горе – не любить,
Но горе и влюбленным быть,
И все же худшее не это.
Гораздо хуже и больней,
Когда всю душу отдал ей
И не нашел душе ответа.

Ни ум, ни сердце, ни душа
В любви не стоят ни гроша.
Как сохнет без похвал Камена,
Так все красотки наших дней:
Люби, страдай, как хочешь млей,
Но денег дай им непременно.

Пускай бы сдох он, бос и гол,
Кто первый золото нашел,
Из-за него ничто не свято.
Из-за него и мать не мать,
И сын в отца готов стрелять,
И брат войной идет на брата.

Из-за него разлад, раздор,
Из-за него и глад, и мор,
И столько слез неутолимых.
И, что печальнее всего,
Мы и умрем из-за него,
Рабы стяжательниц любимых.

Перевод В. Левика

«Любя, кляну, дерзаю, но не смею…»

Любя, кляну, дерзаю, но не смею,
Из пламени преображаюсь в лед,
Бегу назад, едва пройдя вперед,
И наслаждаюсь мукою своею.

Одно лишь горе бережно лелею,
Спешу во тьму, как только свет блеснет,
Насилья враг, терплю безмерный гнет,
Гоню любовь – и сам иду за нею.

Стремлюсь туда, где больше есть преград.
Любя свободу, больше плену рад,
Окончив путь, спешу начать сначала,

Как Прометей, в страданьях жизнь влачу,
И все же невозможного хочу, —
Такой мне Парка жребий начертала.

Перевод В. Левика

«Когда одна, от шума в стороне…»

Когда одна, от шума в стороне
Бог весть о чем рассеянно мечтая,
Задумчиво сидишь ты, всем чужая,
Склонив лицо как будто в полусне,

Хочу тебя окликнуть в тишине,
Твою печаль развеять, дорогая,
Иду к тебе, от страха замирая,
Но голос, дрогнув, изменяет мне.

Лучистый взор твой встретить я не смею,
Я пред тобой безмолвен, я немею,
В моей душе смятение царит.

Лишь тихий вздох, прорвавшийся случайно,
Лишь грусть моя, лишь бледность говорит,
Как я люблю, как я терзаюсь тайно.

Перевод В. Левика

«Когда ты, встав от сна богиней благосклонной…»

Когда ты, встав от сна богиней благосклонной,
Одета лишь волос туникой золотой,
То пышно их завьешь, то, взбив шиньон густой,
Распустишь до колен волною нестесненной —

О, как подобна ты другой, пеннорожденной,
Когда, волну волос то заплетя косой,
То распуская вновь, любуясь их красой,
Она плывет меж нимф по влаге побежденной!

Какая смертная тебя б затмить могла
Осанкой, поступью, иль красотой чела,
Иль томным блеском глаз, иль даром нежной речи,

Какой из нимф речных или лесных дриад

Дана и сладость губ, и этот влажный взгляд,

И золото волос, окутавшее плечи!

Перевод В. Левика

Стансы

Если мы во храм пойдем —
Преклонясь пред алтарем,
Мы свершим обряд смиренный,
Ибо так велел закон
Пилигримам всех времен
Восхвалять творца вселенной.

Если мы в постель пойдем,
Ночь мы в играх проведем,
В ласках неги сокровенной,
Ибо так велит закон
Всем, кто молод и влюблен,
Проводить досуг блаженный.

Но как только захочу
К твоему припасть плечу,
Иль с груди совлечь покровы,
Иль прильнуть к твоим губам, —
Как монашка, всем мольбам
Ты даешь отпор суровый.

Для чего ж ты сберегла
Нежность юного чела,
Жар нетронутого тела —
Чтоб женой Плутона стать,
Чтоб Харону их отдать
У стигийского предела?

Час пробьет, спасенья нет —
Губ твоих поблекнет цвет,
Ляжешь в землю ты сырую,
И тогда я, мертвый сам,
Не признаюсь мертвецам,
Что любил тебя живую.

Все, чем ныне ты горда,
Все истлеет без следа —
Щеки, лоб, глаза и губы.
Только желтый череп твой
Глянет страшной наготой
И в гробу оскалит зубы.

Так живи, пока жива,
Дай любви ее права —
Но глаза твои так строги!

Ты с досады б умерла,
Если б только поняла,
Что теряют недотроги.

О, постой, о, подожди!
Я умру, не уходи!
Ты, как лань, бежишь тревожно.
О, позволь руке скользнуть
На твою нагую грудь
Иль пониже, если можно!

Перевод В. Левика

«Когда прекрасные глаза твои в изгнанье...»

Когда прекрасные глаза твои в изгнанье
Мне повелят уйти – погибнуть в цвете дней,
И Парка уведет меня в страну теней,
Где Леты сладостной услышу я дыханье,
—

Пещеры и луга, вам шлю мое посланье,
Вам, рощи темные родной страны моей:
Примите хладный прах под сень своих ветвей,
Меж вас найти приют – одно таю желанье.

И, может быть, сюда придет поэт иной,
И, сам влюбленный, здесь узнает жребий мой
И врежет в клен слова – печали дар

мгновенный:

«Певец вандомских рощ здесь жил и погребен,

Отвергнутый, любил, страдал и умер он

Из-за жестоких глаз красавицы надменной».

Перевод В. Левика

«Любовь – волшебница. Я мог бы целый год...»

Любовь – волшебница. Я мог бы целый год
С моей возлюбленной болтать, не умолкая,
Про все свои любви – и с кем и кто такая,
Рассказывал бы ей хоть ночи напролет.

Но вот приходит гость, и я уже не тот,
И мысль уже не та, и речь совсем другая.
То слово путая, то фразу обрывая,
Коснеет мой язык, а там совсем замрет.
Но гость ушел, и вновь, исполнясь жаром новым,
Острю, шучу, смеюсь, легко владею словом,
Для сердца нахожу любви живой язык.

Спешу ей рассказать одно, другое, третье...

И, просиди мы с ней хоть целое столетье,

Нам, право, было б жаль расстаться хоть на миг.

Перевод В. Левика

Амуретта

Вы слышите, все громче воет вьюга.
Прогоним холод, милая подруга:
Не стариковски, ежась над огнем, —
С любовной битвы вечер свой начнем.
На этом ложе будет место бою!
Скорей обвейте шею мне рукою
И дайте в губы вас поцеловать.
Забудем все, что вам внушала мать.
Стыдливый стан я обниму сначала.
Зачем вы причесались, как для бала?
В часы любви причесок не терплю,
Я ваши косы мигом растреплю.
Но что же вы? Приблизьте щечку смело!
У вас ушко, я вижу, покраснело.
О, не стыдитесь и не прячьте глаз —
Иль нежным словом так смутил я вас?
Нет, вам смешно, не хмурьтесь так

сурово!
Я лишь сказал – не вижу в том дурного!
—
Что руку вам я положу на грудь.
Вы разрешите ей туда скользнуть?
О, вам играть угодно в добродетель!
Затейница! Амур мне в том свидетель:
Вам легче губы на замок замкнуть,
Чем о любви молить кого-нибудь,
Парис отлично разгадал Елену:
Из вас любая радуется плену,
Иная беззаветно влюблена,
Но похищеньем бредит и она.
Так испытаем силу – что вы, что вы!
Упали навзничь, умереть готовы!
О, как я рад, – не поцелуй я вас,
Вы б надо мной смеялись в этот час,
Одна оставшись у себя в постели.
Свершилось то, чего вы так хотели!
Мы повторим, и дай нам бог всегда

Так согреваться в лучшие года.

Перевод В. Левика

«Кассандра и Мари, пора расстаться с вами!..»

Кассандра и Мари, пора расстаться с вами!

Красавицы, мой срок я отслужил для вас.

Одна жива, другой был дан лишь краткий час —

Оплакана землей, любима небесами.

В апреле жизни, пьян любовными мечтами,

Я сердце отдал вам, но горд был ваш отказ.

Я горестной мольбой вам докучал не раз,

Но Парка ткет мой век небрежными перстами.

Под осень дней моих, еще не исцелен,

Рожденный влюбчивым, я, как весной, влюблен,

И жизнь моя течет в печали неизмен-

ной.

И хоть давно пора мне сбросить панцирь мой,

Амур меня бичом, как прежде, гонит в бой —

Брать гордый Илион, чтоб овладеть Еленой.

Перевод В. Левика

Этьен де ла Боэси (1530–1563)

«Сегодня солнце вновь струило жгучий зной...»

Сегодня солнце вновь струило жгучий зной,
Густой, как локоны Цереры плодородной;
Теперь оно зашло, повеял ветр холодный,
И снова Маргерит пойдет бродить со мной.

Мы не спеша идем тропинкою лесной,
И светит нам любовь звездою путеводной;
Когда прискучит сень дубравы благородной, —
Нас поджидает луг и плеск воды речной.

И мы любуемся равниною просторной
Вдали от города, от суеты придворной —
О нелюдимый край, о сладостный Ме-

док!

Здесь хорошо душе, и взору здесь приятно, —

Ты на краю земли, и дорог нам стократно:

Здесь наш злосчастный век, как страшный сон, далек.

Перевод Е. Витковского

«Прости, Амур, – прости – к тебе моя мольба…»

Прости, Амур, – прости – к тебе моя мольба,
Тебе посвящены мои душа и тело,
Любой мой промысел, мое любое дело, —
Но было нелегко во мне найти раба.

О, сколь изменчива коварная судьба!
С тобою, о Амур, я бился неумело,
Смеялся над тобой – но сердце ослабело;
Я сдался, я пленен – и кончена борьба.

Ты упрекнуть меня за этот бой не вправе,
Сраженье долгое – к твоей же вящей славе,
И то, что лишь теперь тебе хвалу пою,

Поверь мне, на тебя не бросит малой тени:

Презрен, кто упадет без боя на колени,
Победа радостна лишь в подлинном бою.

Перевод Е. Витковского

«Я преданность твою и верность сердца знаю...»

«Я преданность твою и верность сердца знаю;
Не уставай любить и верь, что в смертный час,
Доколе не сомкну навек угасших глаз,
Все буду о тебе я помнить, умирая.

В свидетели себе я Бога призываю,
Чья молния разит, чей благостный приказ
Порядок зим и лет установил для нас,
Кружение времен извечно повторяя,
Чей разум выверил размерный ход планет,
Лампад в Его дом, кем держится весь свет
От купола небес до полюса земного». —

Так дама мне клялась – угодно было ей
Столь многословной быть по доброте своей,

А мне хватило бы единственного слова.

Перевод М. Квятковской

Сонет («Я встретился с ее горящим чудно взором...»)

Я встретился с ее горящим чудно взором.

Кто безнаказанно глядит в лицо богам?

Ошеломленный, я стою, не зная сам,

Не буду ли сожжен его лучей напором.

Так путник в час ночной, под огненным узором

Летящей молнии, взирает к небесам

И видит, весь дрожа, как громовержец там,

Разгневанный, грозит Перуном легкоперым.

Скажи мне, госпожа, в твоих глазах горит

Не бога ли любви ужасный взор, что скрыт

Всегда повязкою? В тот день, вовеки чтимый,

Единственно, что я себе представить мог,

Так это то, что вдруг Любви жестокий бог

В меня метнул стрелу и взор неумолимый.

Перевод О. Румера

Жан Антуан де Баиф (1532–1589)

«Когда в давно минувшие века…»

Когда в давно минувшие века
Сплошным клубком лежало мирозданье,
Любовь, не ты ли первой, по преданью,
Взлетела и отторглась от клубка?

Ты принялась, искусна и ловка,
За труд размеренного созиданья,
И всем предметам ясность очертанья
Дала твоя спокойная рука.

Но если правда, что одна лишь ты
Сумела размотать клубок вражды,
И если дружбу ты изобрела,

То где же доброта твоя была,
Когда в моей душе плелся клубок
Друг друга раздирающих тревог?

Перевод А. Парина

«О, сладкая, манящая картина!..»

О, сладкая, манящая картина!
На поле боя сладостных ночей
Моя душа сливается с твоей
И тело с телом слиты воедино.

Как жизнь сладка и как сладка кончина!
Душа, пьяна от сладостных затей,
В тебя вселиться жаждет поскорей —
То вверх, то вниз несет меня пучина.

Сколь щедро мы, Мелина, силы тратим!
Я весь в тебе, я взят тобой всецело.
Тобой владея, продолжаю путь —

Мной овладев, меня мертвишь объятьем.
Но губ твоих и ласки их умелой
Достаточно, чтоб силы мне вернуть.

Перевод А. Парина

«Один, веля вещать отечественной сцене...»

Один, веля вещать отечественной сцене,
Мечтает лоб увить трагическим плющом,
Другой поет, к венцу лавровому влеком,
Монарху о войне в потоках песнопений.

Народа ль, королей искать не стану мнений.
Увенчан быть хочу за стих одним венцом:
Франсине угодив, войну пресечь концом —
Войну моей любви с ордой ее сомнений.

Когда б, меня любя, она про эти строки
Хоть слово молвила, верша свой суд высокий,
Я б из певцов любви счастливым самым стал.

А если б снизошла и ручкою атласной
Воздела мне на лоб мирт праздничнопрекрасный,
Я лбом от радости б до самых звезд достал.

Перевод А. Парина

«В поцелуе ли вся замрешь ты…»

В поцелуе ли вся замрешь ты
Иль даришь ты
То, что лучше, дороже вдвойне,
Когда губы ты приближаешь
И взвиваешь
Благовонья навстречу мне?

Непричастный больше тревогам,
Станет богом,
Кто отведал амброзию ту.
Кто коснулся небесного хлеба,
Прямо в небо
Тот ушел за земную черту.

Госпожа! Не мани святыней,
Раз богиней
Ты не сделаешься со мной.
Не хочу я за облаками
Быть с богами,

Если там я не буду с тобой!

Перевод М. Казмичова

«Киприды сладостной лампада золотая...»

Киприды сладостной лампада золотая,
О Геспер, в сумраке вечернем вырастая,
Ты превосходишь все, и близок в вышине
Лучистый твой огонь не звездам, а луне.
Приветствую тебя. Веди тропой ночною
Меня к моей любви и замени собою
Луну зашедшую. Не на грабеж иду,
Ночного путника в испуг не приведу,
Но я люблю, люблю! И тут ли нет заслуги —
Помочь влюбленному, чтоб он пришел к подруге?

Перевод М. Казмичова

Розы

Природа, как нам не вздыхать?
Краса цветов почти мгновенна!
Едва взглянуть успеем, – хвать, —
Твой дар похищен неизменно.
Покуда длится день, живут
И розы – век свой. Что ж осталось?
Едва лишь юность показалась,
А старость ждет уж, тут как тут.
И та, чье утренней звездой
Приветно встречено рожденье,
Звезде вечерней, прежней, той,
Свое откроет постаренье.
Одно лишь благо сохранят
Цветы, погибшие так рано:
Вновь расцветут благоуханно,
Жизнь обновленную продлят.
Сорви, девица, розу ты,
Пока она юна в цветенье,
И помни: ждет ведь постаренье,

Увянут и твои черты.

Перевод Ю. Верховского

Воклен де ла Френе (1536–1606)

«О Галатея! (Благостью хариты...)»

О Галатея! (Благостью хариты
Пускай вовек твои цветут ланиты!)
Поужинав, придете – ты и мать —
К нам посидеть сегодня; на досуге
У печки вечер длинный – без прислуги,
Со мной, с моей старушкой скоротать.

Нам эта ночь полудня будет краше.
И пастухи подсядут к свету наши —
И старых сказок нам наговорят.
А Лиза будет печь для нас каштаны.
И, если игры для тебя желанны,
Те игры нас от сна предохранят.

Перевод Ю. Верховского

«Зимы морщинистой затеи…»

Зимы морщинистой затеи
Цветов не смяли Левкотеи;
Нет, от морщин ее черты
Не потеряли красоты:
Укрывшись тех морщинок сеткой,
Амур грозит стрелою меткой.
Их складочки едва видны,
Огня сокрытого полны:
Так солнца лик за облаками
Во всей красе встает пред нами;
Так Дафнис прячет меж ветвей
Силки – и ловит птиц верней.

Перевод Ю. Верховского

««Когда уместнее любовная игра?..»

«Когда уместнее любовная игра?» —
Спросила у врача красотка.
На это врач ответил четко:
«Приятней с вечера, полезнее с утра».
Красотка молвила: «Ее, в конце концов, я
Могу с возлюбленным в тиши
Затеять на ночь для души
И снова утром – для здоровья».

Перевод В. Васильева

Амадис Жамен (1540–1593)

«Когда гляжу на эту чаровницу...»

Когда гляжу на эту чаровницу
И вижу, как по струнам все нежней
Скользят персты, и слышу голос, чей
Высокий лад стремится с лютней слиться, —

Готово счастье в сердце распуститься:
Ее услышав, мог бы Одиссей
И тот забыть о родине своей —
Сирена, о бессмертная певица!

Я вижу Мельпомену, а вокруг —
Ее сестер; и Аполлон, из рук
Не выпуская лютни, воспевает

Любови Зевса; и напев простой
Так смертных и бессмертных услаждает,
Что бег Луара прерывает свой.

Перевод М. Яснова

«Когда любовь – хранить в душе годами…»

Когда любовь – хранить в душе годами
Единственной богини образ милый;
Когда любовь – сгорать в тоске постылой
И умирать, пылая страстью к Даме;

Когда любовь – вот так и жить: как пламя,
А ту, что ранит, звать и над могилой;
Когда любовь – желать со всею силой
Насквозь пронзенным быть ее очами;

Когда любовь – себя уничижать,
От радостей безрадостно бежать,
От горестей своих не взвидеть света

И вдруг понять, забыв покой и сон,
Что жизни больше нет, – когда все это
И есть любовь, то, значит, я влюблен!

Перевод М. Яснова

«Я словно Актеон – я жертва злой напасти…»

Я словно Актеон – я жертва злой напасти;

Бедняга невзначай познал Дианин гнев:

Нагие прелести богини подсмотрев,

Своими псами он разорван был на части.

Вот так и я – за то, что у тебя во власти,

За то, что ты милей и краше прочих дев, —

И я плачу стократ и гибну, ослабев:

Мне красота твоя смертельней псиной пасти.

О эти псы – мечта, надежда, ревность, страх —

Мне в клочья сердце рвут, вцепившись впопыхах.

И что там ни кричи, – все тщетно, как в пустыне

Глас вопиющего: их ненависть страшна.

«Я ваш хозяин!.. Прочь!..» Все тщетно. Вот цена

За эту красоту разгневанной богини.

Перевод М. Яснова

Агриппа д’Обинье (1552–1630)

Стансы («Твердите вы в негодованье...»)

Твердите вы в негодованье —
Я ветреник и вертопрах:
Но можно ли построить зданье
На вечно зыблемых песках?

Лепечете вы повсеместно,
Что у меня, мол, в сердце лед;
Нет, я огонь, но всем известно —
Любой огонь без дров умрет.

Да вы подумайте и сами —
Могу ли запылать от вас?
Не зажигает льдину пламя,
Но лед тушил его не раз.

Нет дров – и пламя оскудело,
Нет солнца – и земля нага.
Душе во всем подобно тело,
Подобен госпоже слуга.

Жестокие! Я вам открою,

Где мой первоначальный пыл,
Где искры с огненной игрою:
Я в реках слез их утопил.

Вы предавали осмеянью
Любви и нежности порыв
И осыпали едкой бранью,
Когда я уходил, остыв.

Вам надобны мои мученья,
Чтоб я вас радовал, скорбя,
Вы лакомы до развлеченья —
Ну что ж, пеняйте на себя!

Теперь, как пагубной отравы,
Бегу любви, терзаний, мук,
И вы, браня меня, не правы:
Я – дело ваших милых рук.

Перевод Э. Линецкой

«Чей здравый смысл угас, – бежит любовных нег…»

Чей здравый смысл угас, – бежит любовных нег,

Тот не боится мук, – кого прельщает воля,

Мой друг, любовь для нас – завиднейшая доля —

Несчастье и недуг – любви не знать вовек.

Отрада всех отрад – лелеять чаровницу —

Свобода и покой – ну, это ль не напасть?

Удел стократ благой – в любовный плен

попасть,

Хранить сердечный хлад – что лечь живым

в гробницу.

Эти мои стихи можно читать на раз-

ные лады: и как два трехстопных восьмистишия и как одно шестистопное. Трехстопные между собой не связаны, это отдельные стихотворения, где оплакиваются горести любящих. Но если их соединить, получится стихотворение противоположного смысла, воспевающее счастье любящих.

Перевод Э. Линецкой

Теофиль де Вио (1590–1626)

Ода («Мне злобный Гений угрожает…»)

Мне злобный Гений угрожает,
Его я руку узнаю —
Он и тебя, любовь мою,
Недугом тяжким поражает.

Твои глаза – гласит молва —
Со мной в разлуке потускнели,
И пламена в них отгорели,
От коих слепли божества.

Дерзка бездумная Природа,
Судьба же мстительна и зла,
Когда страданьям обрекла
Росток божественного рода.

Взбешен судьбы неправотой,
Забыв былую незлобивость,
Кляну небес несправедливость,
Расправу их над красотой.

Из-за печальной этой вести
Я на терзанья обречен

И, хоть разлукой удручен,
Все ж остаюсь на том же месте:

Лежу в постели я пластом,
Уже мерещатся мне Парки,
И думаю, что вместе в барке
Хароновой мы поплывем.

И, если страждешь ты жестоко,
Тому виной любовь одна,
Достойна жалости она —
Поскольку нет в любви порока.

Умрешь – умру и я, друг мой,
Неверность мне всегда претила;
Меня и в мир судьба пустила
Затем, чтоб умереть с тобой.

Перевод М. Квятковской

Стансы («Филлида, небеса опять взирают хмуро...»)

Филлида, небеса опять взирают хмуро,
Я ненавистен всем,
Не будь со мной отваги и Амура,
Остался б я ни с чем.

Мне поклялись вредить и добрые светила,
Нигде защиты нет,
И при дворе ничто уже не мило,
И обезлюдел свет.
И боги не добры, и люди злы со мною,
Но нрав судьбы крутой
Стерпел бы я, утешенный одною
Твоею красотой.

Я верю – победят красы всесильной стрелы
Несчастия мои,
Узрев тебя, пойду на гибель смело
В блаженном забытьи.

И все же, посреди несчетных злоключений,
Я часто лгу себе,
Что погибаю от людских гонений,
Не от любви к тебе.

Опасности презрев, я не бегу несчастий,
Что путь мой пресекли:
Одна беда страшнее всех напастей —
Быть от тебя вдали.

Укрыться от врагов не надобно науки,
Поскольку мир велик,
Но есть ли край, где не умру от муки,
Твой вспоминая лик?

Нет солнца надо мной, одна лишь ночь сурово
Покрыла мраком твердь;
Я слеп и нем, здесь не с кем молвить слова —
Уж это ли не смерть!

Перевод М. Квятковской

Ода («Измена мне всего гнусней...»)

Измена мне всего гнусней,
И я готов считать, что в ней
Заключено все зло земное;
Когда впервые гнев богов
Исторгнул гром из облаков,
Она была тому виною.
Во славе солнечных лучей
Ты вышла из морских зыбей,
Венера, нежная богиня;
Но ярче был бы пламень твой,
Когда б возник в среде иной,
А не в изменчивой пучине.
Все, что погублено зимой,
Вновь обретает жизнь весной;
Подвержен мир метаморфозам,
Одна душа моя верна:
В ней вашим лилиям и розам
Весна нетленная дана.

Перевод М. Квятковской

Сонет («Ты будешь гордою от силы два-три лета...»)

Ты будешь гордою от силы два-три лета,

А после – красоты поблекнет цвет живой;

Когда же наконец прорвется пламень твой,

Злословье не найдет желаннее предмета.

На страсть постыдную не жди тогда ответа —

Любовию твоей пренебрежет любой,

И разве что лакей польстится спать с тобой,

В надежде, что ему перепадет монета.

И будешь ты искать, кому бы навязать

Себя в любовницы: простись с былым успехом —

Ничтожество тебе отставку может дать.

Ты кинешься ко мне – но взор я отвращу,

Заплачешь от любви – но я отвечу смехом:

Так ты поплатишься; так я тебе отмщу.

Перевод М. Квятковской

Сонет («Своей жестокостью меня вы поразили...»)

Своей жестокостью меня вы поразили;
Когда бы ваш приход, что я так долго ждал,
Лишь на единый день иль на два запоздал,
Вы б осчастливили лишь мертвеца в могиле.

Нет, никогда души столь тяжко не казнили!
Я, унимая боль, ее лишь растравлял,
Я делал все, что мог, но тщетно применял
Те средства древние, что мудрецы открыли.

Но, ваш целуя дар, бесценный ваш привет,
И с ним – след ваших рук и ваших взоров след,
Я здравие свое уже вернул отчасти.

Клоринда, вы моей владеете судьбой:

И даровать мне жизнь всецело в вашей власти,

И даровать мне смерть небрежностью любой.

Перевод М. Квятковской

Стансы («Люблю – и в этом честь моя…»)

Люблю – и в этом честь моя;
Никто из смертных, знаю я,
Не испытал подобной страсти,
И чем бы ни грозил мне рок,
Смерть не страшна мне, видит Бог:
Ведь жизнь моя – лишь в вашей власти.

Смиреннейшие из людей,
Склонясь во прах у алтарей,
Ища богов благоволенье,
Сжигают только фимиам;
А я, верша служенье вам,
Решаюсь… на самосожженье!

Монархи – баловни судьбы:
Сеньоры наши – им рабы,
Стихии им подвластны тоже,
Весь мир – их замок родовой;
А я владею лишь тюрьмой,

И мне она всего дороже.

Перевод М. Квятковской

«Когда к рукам твоим прильну…»

Когда к рукам твоим прильну,
Затмившим ложа белизну,
И неотрывно их целую,
Когда пылающей рукой
Скольжу по груди молодой —
Ты знаешь, как тебя люблю я.
Как богомолец к небесам,
Взор возвожу к твоим глазам,
Колена преклонив у ложа,
Молчу, желаньями палим,
И дремлют, сон твой не тревожа,
Мои восторги вместе с ним.

Сон, твои чувства полоня,
С твоих очей прогнал меня;
Ревниво он тобой владеет
В своих таинственных краях,
Твоя душа в его сетях
Не ропщет и вздохнуть не смеет.

И роза, льющая нектар,
И солнце, источая жар,
И бледное луны сиянье,
И ход наяды в лоне вод,
И тканых Граций хоровод
Шумнее твоего дыханья.

Так, близ тебя простертый ниц,
На стрелы сомкнутых ресниц
Гляжу, смиряя вожделенье,
– О, небо! – восклицаю я, —
Скажи, зачем краса творенья —
Источник муки для меня?

Перевод М. Квятковской

Сонет («Я вас поцеловал в неверном сновиденье...»)

Я вас поцеловал в неверном сновиденье,
И, пусть Амур огня еще не угасил,
А все же поостыл мой неуёмный пыл
И распаленных чувств утихло возбужденье.

Теперь моей душе, похитив наслажденье,
Вольно его презреть – я от плода вкусил,
Полуутешенный, отказы вам простил
И вновь уверовал в свое выздоровленье,

И чувства наконец узнали мирный сон,
И после двух ночей утих мой жалкий стон,
Ваш призрак отлетел и дал очам свободу.

Что сон бесчувственен, я слыхивал не раз;

Но, сжалясь надо мной, он изменил природу —

Он сострадательней и человечней вас.

Перевод М. Квятковской

Венсан Вуатюр (1597–1648)

«В одежде из цветов тут в заревую пору…»

В одежде из цветов тут в заревую пору
Предстала Нимфа та, что вижу в нежных снах,
Окраскою ланит, сиянием в очах
Новорожденную являя в мир Аврору.

И зацвела земля ее навстречу взору,
И разлился восторг в певучих голосах,
Огни вечерние потускли в небесах,
Как будто день пришел на смену их убору.

И Феб, уже клонясь к Фетиде лечь на грудь,
Внезапно поспешил свой светоч вновь раздуть
И повернул коней вслед за зарею ясной,

В тот миг и власти волн его б не удержать;
Но видя и вблизи ее такой прекрасной,

Во влагу низойдя, вновь не посмел восстать.

Перевод Ю. Верховского

Рондо

Три долгих дня, три ночи им вослед
Медлительно прошли с тех пор, как свет,
Сиявший мне, смог черной тьмой смениться,
Свет двух очей твоих, моя царица,
Глаза мои пленявший столько лет.

Лью слезы об утрате; силы нет
Изыскивать целенье мук и бед;
Мне каждый миг в терзаньях этих длится
Три долгих дня.

Меня стремит и мысль, и грустный бред
Искать тебя, забыв себя, свой вред;
А если рок сейчас же не смягчится
И не вернется злая чаровница, —
Не выживет в томленьях жизни цвет

Три долгих дня.

Перевод Ю. Верховского

Сонет к Урании

В любви к Урании дни жизни завершу я;
Ни время чувств моих уже не охладит,
Ни одиночество; любовь меня пьянит.
Я волю променял на сладость поцелуя.

Пускай она строга! Печаль мою врачуя,
Сиянием красы мой взор она слепит,
И муки вольные душа благословит,
И на жестокости ее не возропщу я;

Но в излияниях подчас мой трезвый ум
Нашептывает мне рои мятежных дум.
Когда ж оковы рву с решимостью железной,

Вновь разум шевелит потухшую любовь,
Твердя: «Достойней нет Урании любезной!»,

И он сильней, чем страсть, любить заставит вновь.

Перевод М. Талова

Пьер Корнель (1606–1684)

Стансы к маркизе

Маркиза, я смешон пред Вами —
Старик в морщинах, в седине;
Но согласитесь, что с летами
Вы станете подобны мне.

Страшны времен метаморфозы,
Увянет все, что расцвело, —
Поблекнут так же Ваши розы,
Как сморщилось мое чело.

Наш день уходит без возврата
Путем всеобщим бытия;
Таким, как Вы, я был когда-то,
Вы станете такой, как я.

Но уберег от разрушенья
Я некий дар – он не пройдет,
Мне с ним не страшно лет теченье,
Его и время не берет!

Да, Ваши чары несравненны, —
Но те, что мало ценит свет,

Одни пребудут неизменны,
Переживут и Ваш расцвет.

Они спасут, быть может, славу
Меня очаровавших глаз,
И через сотни лет по праву
Заставят говорить о Вас;

Среди грядущих поколений,
Где я признанье обрету,
Лишь из моих стихотворений
Узнают Вашу красоту.

И пусть морщины некрасивы,
Маркиза юная моя,
Но старцу угождать должны Вы —
Когда он сотворен, как я.

Перевод М. Квятковской

Мольер (1622–1673)

Стансы («Мне хочется, чтоб, сон ваш прерывая...»)

Мне хочется, чтоб, сон ваш прерывая,
Мой вздох и вас заставил воспылать...
Вы слишком долго спите, дорогая,
Ведь не любить – не то же ли, что спать?

Не бойтесь ничего: не так уж плохи
Дела любви, и невелик недуг,
Когда, любя, мы в каждом сердца вздохе
Находим средство от сердечных мук.

Любовь – недуг, когда ее скрывают:
Признайтесь мне – и станет жизнь легка.
Не надо тайн: любовь их отвергает.
Но вы боитесь этого божка!

Где легче бремя вы найдете сами?
Ужель такое иго можно клясть?
Иль вы, владея столькими сердцами,

Самой любви признать не в силах власть?

Молю вас, Амаранта, уступите —
С любовью спорить никому не след!
Любите же, покуда вы в зените:
Года бегут, годам возврата нет.

Перевод Б. Лившица

Антуанетта Дезульер (1638–1694)

Мадригал («С пастушкою поспорил Альсидон…»)

С пастушкою поспорил Альсидон,
Что пес его найдет куда быстрее,
Чем пес ее, зарытую в пырее
Свирель, – и выиграл три поцелуя он.
Пастушка бросилась бежать, чтоб не платить,
Но резвость девичья и прыть
Бессильны против чар любви – так отрок милый
Поставил на своем; и вот итог игры:
Был первый поцелуй похищен силой,
Но два других он принял, как дары.

Перевод М. Яснова

«Эрот, любезный всем, и всех вокруг палящий...»

Эрот, любезный всем, и всех вокруг палящий

Безжалостным огнем,

Дай передышку мне в тоске, меня щемящей

И по ночам, и днем!

Утешь и помоги: пускай в Алькандре милом

Родится нежность с пылом,

Ты в грудь ему вложи весь блеск того огня,

Тот бурный мой восторг, ту жгучую истому,

Которую уже вложил в меня.

Перевод М. Яснова

Вольтер (1694–1778)

Стансы («Ты мне велишь пылать душою...»)

Ты мне велишь пылать душою:
Отдай же мне минувши дни,
И мой рассвет соедини
С моей вечернею зарею!

Мой век невидимо проходит,
Из круга смехов и харит
Уж время скрыться мне велит
И за руку меня выводит.

Пред ним смириться должно нам.
Кто применяться не умеет
Своим пременчивым годам,
Тот горесть их одну имеет.

Счастливцам резвым, молодым
Оставим страсти заблужденья;
Живем мы в мире два мгновенья —
Одно рассудку отдадим.
Ужель навек вы убежали,

Любовь, мечтанья первых дней —
Вы, услаждавшие печали
Минутной младости моей?

Нам должно дважды умирать:
Проститься с сладостным мечтаньем —
Вот смерть ужасная страданьем!
Что значит после не дышать?

На сумрачном моем закате,
Среди вечерней темноты,
Так сожалел я об утрате
Обманов сладостной мечты.

Тогда на голос мой унылый
Мне дружба руку подала,
Она любви подобна милой
В одной лишь нежности была.

Я ей принес увядши розы
Веселых юношества дней
И вслед пошел, но лил я слезы,
Что мог идти вослед лишь ей!

Перевод А. Пушкина

Сновидение

Недавно, обольщен прелестным сновиденьем,

В венце сияющем, царем я зрел себя;

Мечталось, я любил тебя —

И сердце билось наслажденьем.

Я страсть у ног твоих в восторгах изъяснял.

Мечты! ах! отчего вы счастья не продлили?

Но боги не всего теперь меня лишили:

Я только – царство потерял.

Перевод А. Пушкина

Фривольность

– Где ваш игрушечный лесок,
Густой лесок, Аминта?
Он покрывает, как листок,
Тропинки лабиринта.
Цветут в нем летом и зимой
Цветы, не сыщешь краше,
Позвольте – хоть одной слезой
Омою счастье ваше!

– Ах, сударь, но от слез таких
Испортятся тропинки,
Приберегите для других
Обильные слезинки;
Они покроют в пять минут
Лужок и дно оврага —
Цветы мои уже цветут,
И не нужна им влага.

– Не опасайтесь! Я могу
Напомнить о примере —

Как было дело на лугу
На острове Цитере:
Любовник, умеряя прыть
И уговорам внемля,
Всегда умел траву полить,
Не увлажняя землю.

– Ах, сударь, можно и рискнуть,
Амуру потакая,
Но, отправляясь в этот путь,
Как поступить – не знаю:
Ведь, усмиряя вашу прыть,
Как нам решить на деле,
Чтоб и цветы не погубить,
И чтоб достигнуть цели?..

Перевод М. Яснова

«Вы» и «ты» Эпистола

Ты помнишь, Филис, те года,
Когда, проехаться затеяв,
Ты кротко ездила всегда
В плохой коляске без лакеев?
Румян не знала и белил,
Была сыта одной похлебкой,
И так дышала страстью знобкой,
Что твой любовник счастлив был,
Увы, обманутый и робкий!
Да, вместо денег и прикрас
Тебе был послан в добрый час
Тот свет, который дарит юность,
Где нежность с легкостью сомкнулась,
Тот возраст, где всего ценней
Цвет глаз и белизна грудей,
Где плутовство иным щедротам
Предпочитают без затей,
А все же (поклянусь Эротом!)
Тебе служил я жизнью всей.

Мадам, сегодня жизнь иная
Вас окружает, занимая.
Вы при почете и деньгах,
Седой швейцар стоит в дверях,
Пуская пыль в глаза идущим,
Ах, Филис, это круг времен,
Благоволящий всемогущим, —
Но тех, кто беден и влюблен,
К вам на порог не пустит он.
Здесь и детей найдешь едва ли,
В таком изысканном раю, —
А помнишь, как они играли,
Забравшись в хижину твою?

Мадам, среди благоуханных
Ковров, рожденных в дальних странах
И сотканных в Савоннери,
У вас, куда ни посмотри,
Повсюду серебро по стенам,
Произведенное Жерменом,
И вслед китайским мастерам
Резьба Мартена тут и там;
Здесь грация японских ваз

В экстаз пришедших повергает;
Здесь весь подлунный мир у вас
В ушах алмазами сверкает;
Здесь пышность, спесь и щегольство
Царят и празднуют, ликуя, —
Но что здесь стоит одного,
Того – ты помнишь? – поцелуя.

Перевод М. Яснова

Шарль Колле (1709–1783)

Маленькая упрямица

– Я настоять, – сказала Жанна, —
Всегда сумею на своем:
Быть может, встреча и желанна, —
Пьер ночью не войдет в мой дом!
Ему скажу я, слегка упрекая:
Мол, я не такая!
О Пьер, уже поздний час —
Эта дверь не про вас.

Проснулась затемно – и нате! —
Забыла Жанна про засов:
Пьер тут как тут – идет к кровати
И явно лечь в нее готов.
Быть может, встреча и впрямь желанна?
Но молвила Жанна:
– О Пьер, уже поздний час —
Эта дверь не про вас.

– Зачем же корчить недотрогу? —
Ответил Пьер и снял камзол.

«Дверь не про вас»? Смешно, ей-богу,
Ведь я в нее уже вошел!
– Но я вам, – Жанна ему, – сказала
Все то, что сказала:
«О Пьер, уже поздний час —
Эта дверь не про вас».

Как совладать с таким упрямством?
Стояла Жанна на своем
И все твердила с постоянством:
– Нет, не войти вам в этот дом!
И слышал он, уже на пороге,
Слова недотроги:
«О Пьер, уже поздний час —
Эта дверь не про вас».

И как войти он ни пытался
В ее укромный уголок,
В конце концов, ни с чем остался
И не переступил порог.
Видать, и вправду не от упрямства
И не из жеманства
Она мурлыкала битый час:

– Эта дверь не про вас!..

Перевод М. Яснова

Жан-Станислас де Буффлер (1738–1815)

Письмо

Вы пожелали, чтобы сжег
Чудесное письмо я —
Все утешенье ваших строк,
Пока вас нет со мною.

Что ж, я не в силах отказать
Словам неумолимым —
И вот сгорает благодать,
Рассеиваясь дымом.

Так утешайтесь! Этот дым
Расскажет вам о многом —
Он стал несчастием моим,
Под стать иным тревогам.

Увы, не лгут мои глаза,
Они полны слезами,
Хотя всего одна слеза
Потушит это пламя.

Вы – беспощадный судия
Моей души и плоти,

Но буду снова счастлив я,
Коль вы письмо пришлете.

И услыхав опять: «Огня!» —
Прижму к груди его я:
Пускай на сердце у меня
Становится золою!

Перевод М. Яснова

Никола Жильбер (1751–1780)

Новый Эпикур

По чарке, Дорис, выпьем и нальем,
Иди сюда, родимся снова;
Ах, по ночам любить и наслаждаться днем,
И что нам смерть, скажи? Нет-нет, о ней – ни слова!

А если ты не можешь, на беду,
Огнем любовным разгореться,
Пусть зелье жаркое не даст поблажки льду
В твоем еще холодном сердце.

Нальем и выпьем!.. Выпьем не за тех,
Кто при деньгах или при власти,
Ты, ты одна – венец моих утех,
Пью за тебя, единственное счастье!

Не опасайся, пей без меры,
Твои уста – как ложе чар;
Пусть, чистый, их поит пленительный нектар,

Смелей... Он соблазнил владычицу Цитеры.

Я вижу: искорки зажглись в твоих глазах,
Ты все сильней и жарче дышишь,
Как бы родившись вновь, и чувствуешь,
и слышишь, —
Богиня юности на царственных пирах!

Нектар тебя томит, любовь тебя венчает.
Моим призывам отвечает
Твоя душа: итак, пить будем и любить!
Боятся старости те, кто боятся хмеля,
Подстерегает смерть тех, кто, смиряя прыть,
Трепещет каждый миг в застолье и в постели —
Ах, как же лучше поступить?
А лучше – так: продлим усладой нашу юность,
Пусть Бахус и Амур поддерживают

нас.

Нам столько раз блаженство улыбнулось,

А смерть приходит только раз!

Пусть будут дни весельем полны

И, как ручьи, чей путь далек,

По ложу из цветов свои покатят волны

И незаметно канут сквозь песок…

По чарке, Дорис, выпьем и нальем,

Иди сюда, родимся снова;

Ах, по ночам любить и наслаждаться днем,

И что нам смерть, скажи? Нет-нет, о ней – ни слова!

Перевод М. Яснова

Эварист Парни (1753–1814)

Добрый совет

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнию играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и в вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отымем
Всё, что отымется у ней.

Перевод А. Пушкина

К Морфею

Морфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви.
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови!
Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!
Пускай увижу милый взор,
Пускай услышу голос милый.
Когда ж умчится ночи мгла,
И ты мои покинешь очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до новой ночи!

Перевод А. Пушкина

Платонизм

Я знаю, Лидинька, мой друг, Кому в задумчивости сладкой Ты посвящаешь свой досуг, Кому ты жертвуешь – украдкой От подозрительных подруг. Тебя страшит проказник милый, Очаровательль легкокрылый, И хладной важностью своей

Тебе несносен Гименей.

Ты молишься другому богу,

Своей покорствуя судьбе;

Восторги нежные к тебе

Нашли пустынную дорогу.

Я понял слабый жар очей,

Я понял взор полузакрытый,

И побледневшие ланиты,

И томность поступи твоей…

Твой бог не полною отрадой

Своих поклонников дарит;

Его таинственной наградой

Младая скромность дорожит;

Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.
Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты,
Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном упоенье
Ты мыслишь обмануть любовь.
Напрасно! – в самом наслажденье
Тоскуешь и томишься вновь…
Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты:

Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

Перевод А. Пушкина

«Она придет! к ее устам...»

Она придет! к ее устам
Прижмусь устами я моими;
Приют укромный будет нам
Под сими вязами густыми!
Волненьем страстным я томим;
Но близ любезной укротим
Желаний пылких нетерпенье:
Мы ими счастию вредим
И сокращаем наслажденье.

Перевод Е. Баратынского

Элегия

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив – одну минуту,
За то, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастьи сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть неверную… но нет!
Несносной правды вижу свет,

И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

Перевод К. Батюшкова

Записка

Запомните, красотка,
Что в полуночный час
С надеждою и кротко
Здесь поджидают вас.
Рука моя как раз
Во мрак скользнуть готова,
Чтоб рядом с вами быть
И все вокруг засовы
Немедленно открыть.
Доверьтесь же объятьям,
Но знайте: к вашим платьям
Всегда ревнует тот,
Кто вас так страстно ждет
В единственной надежде
Узреть вас в той одежде,
Что вам создал Эрот.

Перевод М. Яснова

Полог

Витает тайна над альковом
Под этим пологом двойным —
Ее присутствие за ним
В ночи почувствовать легко вам.
Смотрите: вещи по углам
Разбросаны и здесь, и там, —
Наряды скромные Жюстины;
А чей же это плащ? А вот
И шляпа… Беглые картины
Нас уверяют: там – Эрот.
Все эти «ахи», эти «охи»,
И неги сладострастный стон,
И этот шепот, эти вздохи,
Всё говорит, что это – он!
Вальсен, твое непостоянство
Горит огнем в твоей груди,
Ну что ж, смакуй свое тиранство,
Греши, обманывай жеманство,

Но хоть невинность пощади!

Перевод М. Яснова

Сон

Заветный сон коснулся глаз,
И в темноте их свет погас.
Но сердце бьется все сильнее
И не желает засыпать —
И стал румянец проступать
На щечках… Кто же в грезах с нею?
Кого-то отстранив рукой,
Она в алькове разметалась,
Мнет покрывало… Что с ней сталось?
Кто так смутил ее покой?
Вдруг успокоилась. Во сне
В каких мирах она витает?
И только с губ ее слетает
Невнятный лепет в тишине.
Ах, этот лепет! Он точь-в-точь
Как дуновение зефира,
Когда с полей летит он прочь,
Собрав на них всю сладость мира.
Ах, этот лепет, этот стон,

Как выдает невольно он
Волшебный сон отроковицы,
Когда ей грезится и мнится,
Что рядом – избранный супруг:
Не разнимая нежных рук,
Он с ней в одно стремится слиться…

Обманщик-сон! С чего ж она
Наутро выглядит уставшей?
О как блажен влюбленный, ставший
Причиною такого сна!

Перевод М. Яснова

Клятвы

И смятений, и волнений
Стань свидетельницей, ночь,
Никакой полночной тени
Наших нег не превозмочь!
Яркий месяц, ты при этом
Будь наперсник наших снов —
Освещай нас ярким светом!
Будь свидетелем, засов:
Сколько раз в ночи калитка
Открывалась? Сколько раз
Укрывала нас накидка
От ненужных зорких глаз?
Я клянусь – и слов не надо
Мне ни въяве, ни во сне,
Что любить тебя – услада,
И другой не нужно мне!
Выходи же мне навстречу,
Помни: нет меня верней,
На красу твою отвечу

Всею нежностью своей.
Будь со мной, Элеонора,
Будь со мной, когда Аврора
Привечает светом нас,
Будь со мной в полночный час —
Ночь окончится не скоро!

Перевод М. Яснова

«Зачем, о липа, сохранила...»

Зачем, о липа, сохранила
Ты на своей коре седой
Два имени, что начертила
Она возлюбленной рукой?
Не повторяй: Элеонора!
Те буквы позабудь и ты!
Разъединило время скоро
Сердца, что на тебе слиты.

Перевод В. Брюсова

Назавтра

Элеоноре

Итак, моя Элеонора,
Ты наконец познала этот грех;
Ты опасалась, но ждала утех —
Не бойся, не таи в душе укора,
Такая сладость покоряет всех!
Ах, не лукавь! Что в сердце остается?
Волнение – его ли не понять? —
Да это пламя, что так нежно бьется,
Когда желанье больше не унять.
Румянец с белизною откровенно
Смешались на лице твоем давно;
В твоих глазах стыдливости на смену
Пришло томление, оно
Одним мечтам подчинено —
Предвестье и итог одновременно.
Но робость прежняя чуть-чуть
Еще твою вздымает грудь
Под кружевами в пене белой,

Рукою матушки умелой
Сплетенными, – но их другой
Рукой, несдержанной и смелой,
Сомнут за страстною игрой.
Уже мечтательности место
Сама игривость отдает;
Ах, ветреность твоя прелестна,
Но так печалит в свой черед!
В душе твоей от грезы тесно,
Она спешит за ней – и вот
Желаньям, всем наперечет,
Уже сдается легковесно.
Пускай зоил не верит нам,
Считая страшным злодеяньем
Тот упоительный бальзам,
Те чувства – отдадим же дань им! —
Что боги вверили сердцам.
Не доверяйся критиканам —
Что за нелепость эта прыть?
Уловкам тайным и обманам
Их лицемерье не прикрыть.

Перевод М. Яснова

Эклога

В лесу Нисетта
Была одна —
Там тишина
И свежесть лета.
Моя душа
В траву уселась,
В ручей всмотрелась
И, не дыша,
Залюбовалась,
Заулыбалась:
Как хороша!
Как птичьи трели,
Слова слетели
С девичьих уст —
Ведь лес так пуст:
Кто слушать станет
Ее напев
О том, как дев
Любовь обманет?

Любовь обманет,
Но я как раз
Там оказался —
И к ней прокрался
Тайком тотчас.
Узрел плутовку,
И на головку
Ее, легки,
Как сон и грезы,
С моей руки
Упали розы.
«Пусть вас врасплох
Застал в лесу я, —
Зачем, мой бог,
Так негодуя
Смотреть? Сейчас
Я принял вас
За Филомелу:
Она б сумела
Так распевать —
Легко и смело:
В любви, видать,

Вы ей под стать,
Берясь за дело!»
«Пятнадцать лет
Мне, сударь, это, —
В ответ Нисетта, —
Мой вам ответ!»
«Ах, дорогая,
Забот не зная,
Легко пленять,
Любить, опять
Любить, не знать,
Зачем, откуда
Весь этот свет...
Пятнадцать лет —
Ведь это чудо!..»
«Да, это чудо —
Пятнадцать лет!
Но вам вослед
Порхать не буду.
Вы – мотылек:
Он свой цветок
Не выбирает —

Он с ним играет!
У мотылька
Судьба такая:
Ему, играя,
Не жаль цветка.
А розе тяжко,
Она, бедняжка,
Не улетит...»
«Постой, Нисетта,
Ведь весь твой вид
Мне говорит
Совсем не это;
Твой вздох таков,
Что он готов
Без лишних слов
Сказать, ликуя,
Мол, пробил час
Для поцелуя,
Для нас как раз
Листву густую
Развесил вяз.
Тебе, пастушка,

И без прикрас
Шепну на ушко,
То, от чего
Забьется сердце —
О, торжество,
Нам от него
Куда же деться?»
Мои слова
Томят Нисетту —
Ей странно это!
Она права:
Как от обиды
Не покраснеть
И не посметь
Слезу для виду
Пустить, но впредь,
Уже не плача,
Молить удачу?

Она встает, —
Мечтать не смею! —
Но все смелее
Ко мне Эрот

Ее влечет.
И в свой черед
Моя зазноба
Мне шепчет вдруг:
«Мы любим оба —
Клянись, мой друг,
Любить до гроба,
До смертных мук!..»

Посылка

Элеоноре

Для сей эклоги
Считая слоги
И чтя закон,
Я взял примером
Писать размером
Былых времен.
Но что Нисетте
Законы эти?
Ведь, юной, ей
Любовь нужней!
Стихам внимая,
Знай, дорогая:
Все прах и тлен;
Но в них – пример нам
Быть в чувствах верным:
Вот мой рефрен!

Перевод М. Яснова

Андре Шенье (1762–1794)

Из любовных элегий

ЭЛЕГИЯ V

Куда же ты бежишь, красавица младая?

Молчишь; потупилась, себя не понимая.

Пусть разноцветный шелк для вышивки готов —

Умелая игла не оживит цветов.

Как роза ранняя, уста твои увяли.

Мечтаешь, запершись; вздыхаешь. Но едва ли

Сумеешь обмануть мой искушенный взгляд:

Любовь не утаить. Красавицы манят

Любовию своей, и любят, и такими

Мы сами любим их. И мы любимы ими.

Будь беззащитною – и я тобой пленен.

Будь верною в любви. Однако кто же он,

Тот славный юноша, голубоглазый, статный,

Темноволосый, и любезный, и приятный?..

Краснеешь? Погоди, и впрямь, он мне знаком,

Но я молчу, молчу… Там, под твоим окном,

Он бродит взад-вперед. И, отложив иголку,

Бежишь, следя за ним украдкой, втихомолку,

Ан глядь – уже исчез. И тщетно по следам

За ним твой быстрый взгляд блуждает тут и там.

Никто у нас в краю на праздниках весенних,

Среди окрестных рощ, стремглав спеша под сень их

На резвом скакуне, никто не может так

Обуздывать коня, как юный сей смельчак.

Перевод М. Яснова

ЭЛЕГИЯ XVII

Попреки, слезы… Вот, друзья, она – пред вами:

Меня то гонят прочь, то кличут. Дни за днями

Одно и то же. Нет, пусть просто скажет: да.

Ни шагу к ней… Чуть ночь – и я бегу туда!

Вздыхает; просит у меня прощенья; гонит.

Спешу к моим друзьям: вот где я буду понят!

Но покаянная записка даже тут

Меня находит… Всё! Увы, меня зовут.

«Мой друг, наперсник мой в младенческих усладах,

Молчишь при мне, но я могу читать во взглядах:

Я знаю красоту, которая тебя

Так взволновала, так заставила, любя,

Всем сердцем трепетать, что и сказать не в силах.

А все ж не следует нам в рабстве быть у милых,

Поверь: чрезмерная любовь их тяготит.

Заставь их трепетать и ты: холодный вид

И независимость – вот лучшее лекарство,

Чтоб с честью одолеть их гордость и лукавство.

Что толку мучиться? Доверься мне. И прочь,

Прохладою дыша, пойдем с тобою в ночь.

Такая нынче сушь землей владеет всею,

Что, право, лучше днем вверять себя Морфею.

Не ведая о нас, Камилла спит. Идем!»

А вот и дом ее. Пусть поутру о том,

Что видели меня, расскажут ей: мол, мимо

Я шел, да не взглянул на дверь ее. Томима

Жестокой ревностью, пускай она в слезах

Помянет всех мужчин с проклятьем на устах!

Идем же. Вот и он, тот сад уединенный,

Манивший столько раз таинственной, зеленой,

Волшебной полутьмой. А вон ее окно —

О, сколько страстных встреч сулило мне оно!

Стекло и тонкий лен – ничтожная преграда

Для моего туда стремящегося взгляда,

Туда, где зыбкий свет покой ее хранит,

Покуда спит заря, бледней ее ланит!

Там ждет она меня... Видал бы ты, как, лежа,

Откинув голову, на благодатном ложе,

Прикрыв глаза, что так глубоки и чисты,

Она исполнена небесной красоты!

Ах, полно! Мстить ли мне? Все это блажь, причуда.

Бежим, мой верный друг, скорей бежим отсюда:

Исполнится мой план, нехитрый, без затей, —

Но лишь бы не войти, не постучаться к ней!

Перевод М. Яснова

ЭЛЕГИЯ XXXV

Вчера, когда я шел, тобою упоенный,

О Дафна дивная, ко мне вооруженный

Отряд приблизился: мальчишки, мне на страх,

Смертельное несли оружие в руках.

Их факелы меня зловеще осветили,

Их цепи звонкие мне сердце охватили,

Их копья в душу мне проникли. Малыши

Вскричали разом: «Стой!» И грозно: «Не спеши,

Скажи, всегда ль тебе любезна будет Дафна?..»

О боги юные! Уж вы-то и подавно

То знаете, что я прочел в душе моей!

Зачем же этот звон и копий, и цепей?

Ведь я и так в плену. И клятв не нужно боле,

И боле по своей уже не жить мне воле.

Ведь я и так горю. О Дафна, пощади:

Сплошной огонь в моей обугленной груди!

Чем так, как я, страдать, уж лучше быть суровым,

Бесплодным валуном на склоне ледниковом,

Уж лучше быть скалой на лоне бурных вод —

Пусть бьет в меня волна и лютый ветер бьет!

О море! О земля! Я весь горю. Не так ли

Смертельный яд пылал в Кентавре и в

Геракле?

Мой яд куда больней. Как раненая лань,

Несущая в груди свинец – охоты дань,

Бежит моя душа, ища покой желанный,

И в ней горит любовь кровавой смертной раной.

О Сена с Марной! Вас покинул Аполлон,

Тропами тайными не бродит в рощах он.

И только я один еще спешу, ведомый

Возлюбленной моей; дорогой незнакомой

Спешу за Дафною, которая меня

Бросает и влечет, под вашу сень маня.

А то иду домой, к наскучившим занятьям…

О стены грустные! Увы, не устоять им;

Я книгами себя, как валом земляным,

Огорожу, а все ж не выстоять и им:

Все сокрушит любовь, не снисходя к докуке,

И в бегство обратит искусства и науки.

Склоняю голову; вздыхаю; все нежней

О ней мои мечты; не вижу бега дней;

Задумаюсь – перо ее выводит имя;

Возьму ученый том – и снова дорогими,

Родными буквами заполнена строка:

Их ищет жадный глаз, к ним тянется рука,

Ловлю себя на том, что вижу как воочью

Любимую, что с ней готов я днем и ночью

Беседовать; мираж мне отогнать невмочь —

Он мой неволит день, мою терзает ночь.

Прощайте, тщетные науки! Где вы? Что вы?

О Музы, некогда любимые, – ни слова!

Навеки для меня вчерашний день угас:

Всё – Дафна, всё – о ней, и ничего – для вас.

Куда бы я ни шел, где б ни был я, повсюду

Я помню лишь ее – и вечно помнить буду!

Перевод М. Яснова

ЭЛЕГИЯ XXXIX

Итак, скорее к ней! Ау, моя Камилла!

Где я – там и она... Мне так покойно было:

Я спал, и чуткий сон ее привел ко мне,

А сам исчез. Но я успел ее во сне

Увидеть, разглядеть: она меня на ложе

Искала и звала, мне сердце растревожа.

Нет, не впустую сны щемят наутро грудь,

Рассудок смертных им непросто обмануть.

Сон – это знак богов, желаний их и воли,

А сны возлюбленных подвластны им тем боле.

Как нынче воздух свеж! И как восход багрян!

Он создан для любви – и мне любовью дан.

Какая благодать, коль вы еще успели

Красавицу застать в неубранной постели,

В тот самый миг, когда, очнувшись ото сна,

При свете солнечном прищурится она;

Вся отдохнувшая, вся свежая – такая,

Как роза пышная среди цветенья мая.

И я хочу успеть! А если сладкий сон

Еще над ней парит, рассветом не стеснен,

Чуть слышно я скользну к постели и на смятой,

Прохладной простыне, восторгами объятый,

Всем сердцем ей послав любви моей призыв,

Приникну к ней, ее так дивно пробудив.

Она захочет мне ответить взглядом,

речью,

Но поцелуями, спешащими навстречу,

К ее устам прильну и к векам и не дам

Открыться векам и посетовать устам!

Но вот и дверь ее желанная. Скорее!

Повозки, шум; толпа, нарядами пестрея,

Спешит купить, продать, снует вперед-назад.

А у меня – мое сокровище, мой клад:

Камилла! Я вчера был грустен, покидая

Любезный кров, и мне сказала дорогая:

«Я без тебя умру. Не уходи, постой!..»

Я вновь бегу, лечу. Камилла, я с тобой!

Я под твоим окном на сторожа наткнулся —

Представь, старик меня узнал и улыбнулся.

Вот добрый знак! И я, благодаря богам,

По лестнице спешу припасть к твоим ногам.

Но что я вижу?.. Дверь, моей любви защита,

Дверь потаенная, знакомая, – закрыта!

Камилла, это я! Открой, открой скорей!

О небо! Кто там, кто шушукается с ней?

Ах, это голос Лиз! О чем они судачат?

Шаги. Я весь дрожу. Что этот шепот значит?

Да открывайте же! Ну что там за возня?..

Как ты растрепана! Не смотришь на меня,

Испугана; не льнешь, ласкаясь, как бывало.

С чего бы это Лиз так быстро убежала?

Я слышал шепот ваш, проворные шаги —

Я не ослышался? О небо, помоги!

Краснеешь от стыда? Бледнеешь от тревоги?

Изменница?.. Другой возлюбленный?..

О боги!

Я должен все узнать. Я предан. Где ты, Лиз?

Скажи мне, это что: измена иль каприз?

Служанка верная неопытной хозяйке

Все хитрости любви распишет без утайки —

Как ловко провести того, кто ей немил...

Но это плутовство я мигом раскусил!

Ах, вот она идет (как пошло, подло, грязно!),

Садясь передо мной и робко, и развязно;

Колени у нее предательски дрожат;

Глаза потухшие и бегающий взгляд;

Пытается раскрыть бессильные объятья;

Невнятные слова не в силах разобрать я;

Вся взбудоражена; заколками чуть-чуть

Прическа сбитая придержана, а грудь...

О, вся она в огне, в следах запечатленных

Недавних жарких ласк и губ воспламененных!

Я все увидел. Все мне подсказала ночь.

Ни слова не сказав, предательница прочь

Бежала – и солгать боясь, и оправдаться.

А я-то, я… Зачем обманным снам вверяться?

Я так сюда летел! Я так уверен был

В ее взаимности! Я так ее любил!

Перевод М. Яснова

Пьер Жан Беранже (1780–1857)

Бабушка

Старушка под хмельком призналась,
Качая дряхлой головой:
– Как молодежь-то увивалась
В былые дни за мной!

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

– Как, бабушка, ты позволяла?
– Э, детки! Красоте своей
В пятнадцать лет я цену знала —
И не спала ночей...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!
– Ты, бабушка, сама влюблялась?
– На что же Бог мне сердце дал?

Я скоро милого дождалась,
И он недолго ждал...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

– Ты нежно, бабушка, любила?
– Уж как нежна была я с ним,
Но чаще время проводила —
Еще нежней – с другим...

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

– С другим, родная, не краснея?
– Из них был каждый не дурак,
Но я, я их была умнее:
Вступив в законный брак.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!

Ножка моя стройная!

– А страшно мужа было встретить?
– Уж больно был в меня влюблен;
Ведь мог бы многое заметить —
Да не заметил он.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

– А мужу вы не изменяли?
– Ну, как подчас не быть греху!
Но я и батюшке едва ли
Откроюсь на духу.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

– Вы мужа наконец лишились?
– Да, хоть не нов уже был храм,
Кумиру жертвы приносились
Еще усердней там.

Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

– Нам жить ли так, как вы прожили?
– Э, детки! женский наш удел!..
Уж если бабушки шалили —
Так вам и Бог велел.
Уж пожить умела я!
Где ты, юность знойная?
Ручка моя белая!
Ножка моя стройная!

Перевод В. Курочкина

Весна и осень

Друзья, природою самою
Назначен наслажденьям срок:
Цветы и бабочки – весною,
Зимою – виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая;
Короче дни – хладеет кровь…
Прощай, вино – в начале мая,
А в октябре – прощай, любовь!

Хотел бы я вино с любовью
Мешать, чтоб жизнь была полна;
Но, говорят, вредит здоровью
Избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая,
Я рассудил без дальних слов:
Прощай, вино – в начале мая,
А в октябре – прощай, любовь!

В весенний день моя свобода
Была Жаннетте отдана;

Я ей поддался – и полгода
Меня дурачила она!
Кокетке все припоминая,
Я в сентябре уж был готов…
Прощай, вино – в начале мая,
А в октябре – прощай, любовь!

Я осенью сказал Адели:
«Прощай, дитя, не помни зла…»
И разошлись мы; но в апреле
Она сама ко мне пришла.
Бутылку тихо опуская,
Я вспомнил смысл мудрейших слов:
Прощай, вино – в начале мая,
А в октябре – прощай, любовь!

Так я дошел бы до могилы…
Но есть волшебница: она
Крепчайший спирт лишает силы
И охмеляет без вина.
Захочет – я могу забыться;
Смешать все дни в календаре:
Весной – бесчувственно напиться

И быть влюбленным в декабре!

Перевод В. Курочкина

Тетка Грегуар

В годы юности моей
Тетка Грегуар блистала.
В кабачок веселый к ней
Забегал и я, бывало.
Круглолица и полна,
Улыбалась всем она,
А брюнет иной, понятно,
Пил и ел у ней бесплатно.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Вспоминался ей подчас
Муж, что умер от удара.
Жаль, никто не мог из нас
Знать беднягу Грегуара.
Все ж наследовать ему
Было лестно хоть кому.
Всякий здесь был сыт и пьян,
И лилось вино в стакан.
Да, бывало, каждый мог

Завернуть к ней в кабачок!

Помню в прошлом, как сквозь дым,
Смех грудной, кудрей извивы,
Вижу крестик, а под ним
Пышность прелестей стыдливых.
Про ее любовный пыл
Скажут те, кто с нею жил, —
Серебро – и не иначе —
Им она давала сдачи.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Было б пьяницам житье,
Но у жен своя сноровка, —
Сколько раз из-за нее
Начиналась потасовка.
Как из ревности такой
Разыграют жены бой,
Грегуарша очень кстати
Спрячет всех мужей в кровати.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

А пришел и мой черед
Быть хозяином у стойки,
Что ни вечер, целый год
Я давал друзьям попойки.
Быть ревнивым я не смел,
Каждый вдоволь пил и ел,
А хозяйка всем, бывало, —
До служанок вплоть, – снабжала.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Дням тем больше не цвести,
Нет удач под этой кровлей.
Грегуарша не в чести
У любви и у торговли.
Жаль и ручек мне таких,
И стаканов пуншевых.
Но пред лавкой сиротливой
Всякий вспомнит час счастливый.
Да, бывало, каждый мог
Завернуть к ней в кабачок!

Перевод Вс. Рождественского

Лучший жребий

Назло фортуне самовластной
Я стану золото копить,
Чтобы к ногам моей прекрасной,
Моей Жаннетты, положить.
Тогда я все земные блага
Своей возлюбленной куплю;
Свидетель бог, что я не скряга, —
Но я люблю, люблю, люблю!

Сойди ко мне восторг поэта —
И отдаленнейшим векам
Я имя милое: Жаннетта
С своей любовью передам.
И в звуках, слаще поцелуя,
Все тайны страсти уловлю:
Бог видит, славы не ищу я, —
Но я люблю, люблю, люблю!

Укрась чело мое корона —
Не возгоржусь нисколько я,

И будет украшеньем трона
Жаннетта резвая моя.
Под обаяньем жгучей страсти
Я все права ей уступлю...
Ведь я не домогаюсь власти, —
Но я люблю, люблю, люблю!

Зачем пустые обольщенья?
К чему я призраки ловлю?
Она в минуту увлеченья
Сама сказала мне: люблю.
Нет! лучший жребий невозможен!
Я полон счастием моим;
Пускай я беден, слаб, ничтожен,
Но я любим, любим, любим!

Перевод В. Курочкина

Вино и Лизетта

Дружба, любовь и вино —
Все для веселья дано.
Счастье и юность – одно.
Вне этикета
Сердце поэта,
Дружба, вино и Лизетта!

Нам ли любовь не урок,
Если лукавый божок
Рад пировать до рассвета!
Вне этикета
Сердце поэта,
Песня, вино и Лизетта!

Пить ли аи с богачом?
Нет, обойдемся вдвоем
Маленькой рюмкой кларета!
Вне этикета
Сердце поэта,
Это вино и Лизетта!

Разве прельщает нас трон?
Непоместителен он,
Да и дурная примета...
Вне этикета
Сердце поэта,
Тощий тюфяк и Лизетта!

Бедность идет по пятам.
Дайте украсить цветам
Дыры ее туалета.
Вне этикета
Сердце поэта,
Эти цветы и Лизетта!

Что нам в шелках дорогих!
Ведь для объятий моих
Лучше, когда ты раздета.
Вне этикета
Сердце поэта
И до рассвета Лизетта!

Перевод Вс. Рождественского

Жаннетта

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Молода, свежа, красива,
Глянет – искры от огнива,
Превосходно сложена.
Кто сказал, что у Жаннетты
Грудь немножечко пышна?
Пустяки! В ладони этой
Вся поместится она.

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Вся она очарованье,
Вся забота, вся вниманье,
Весела, проста, щедра.

Мало смыслит в модном быте,
Не касается пера,
Книг не знает, – но, скажите,
Чем Жаннетта не остра?

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

За столом в ночной пирушке
Сколько шуток у вострушки,
Как смеется, как поет!
Непристойного куплета
Знает соль наперечет
И большой стакан кларета
Даже песне предпочтет.
Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Красотой одной богата,
Чем Жаннетта виновата,

Что не нужны ей шелка?
У нее в одной рубашке
Грудь свежа и высока.
Взбить все локоны бедняжки
Так и тянется рука.

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Ночью с нею – то ли дело —
Платье прочь – и к телу тело, —
Есть ли время отдыхать?
Сколько раз мы успевали,
Отпылавши, вновь пылать,
Сколько раз вконец ломали
Нашу старую кровать!

Что мне модницы-кокетки,
Повторенье знатных дам?
Я за всех одной лоретки,
Я Жаннетты не отдам!

Перевод Вс. Рождественского

Зима

Птицы нас покинули давно,
Холода их выгнали из дому;
По лесам и по полю пустому
Зимнее ложится полотно.
За окном ночных ветров угроза,
На стекле – серебряная роза,
Дверь скрипит от жгучего мороза,
Пес мой дрогнет даже у огня.
Мы разбудим, милая, с тобою
Огонек, что дремлет под золою.
Жарче, жарче поцелуй меня!

Путник неразумный, бедный конь,
Возвращайтесь к дому поскорее!
Стужа к ночи сделается злее, —
Слишком уж злорадствует огонь.
Не хочу идти я на уступки.
Да и Роза в серебристой шубке
Мне, смеясь, протягивает губки,
Пылкую мечту мою дразня.

Пальчики твои как лед осенний!
Сядь ко мне скорее на колени,
Жарче, жарче поцелуй меня!

Сумерки сгустились. У окна
Ночь проходит в траурной одежде,
Но любовь к нам, Роза, как и прежде,
Явной благосклонности полна.
Вот в окно еще стучится пара.
Жанна! Поль! Входите без удара.
Нам ли вчетвером не хватит жара
Молодости, пунша и огня?
У камина предадимся лени.
Сядь ко мне скорее на колени,
Жарче, жарче поцелуй меня!

Утомили ласки, и давно
Лампы свет благоразумный нужен.
Роза нам приготовляет ужин, —
Стол накрыт, и пенится вино.
Старый друг за розовым стаканом,
Весь горя рассказом неустанным,
Нас уводит по чудесным странам,

Хрусталем и рифмами звеня.
Алый пунш пылает в горькой пене.
Сядь ко мне скорее на колени,
Жарче, жарче поцелуй меня!

Вся земля под саваном лежит,
Нету ей ни слова, ни дыханья,
Но ночных метелей завыванье
Нашего веселья не смутит.
Нам мечта, с любовью в заговоре,
В пламени показывает море,
Теплый край, где счастье на просторе
Ставит парус, путников маня.
Пусть же в дверь стучатся к нам морозы,
Ведь покуда не вернутся розы, —
Милая, целуешь ты меня!

Перевод Вс. Рождественского

Поля

Роза, Роза! В час рассвета
Хорошо развеять сон.
Слушай, милая, как где-то
Льется колокола звон.
За Парижем в роще темной
Мы найдем приют укромный.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Ах, гуляя на свободе,
Дай мне руку поскорей, —
Мы приблизимся к природе,
Чтобы чувствовать нежней.
Щебет птиц, вдали звенящий,
Манит нас в лесные чащи.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Хорошо любить в деревне:
Рано поутру вставать,

Поздно вечером в харчевне
С другом рядом засыпать.
Ты ведь знаешь, дорогая,
Как чудесна страсть земная!
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Жарче лето, звонче голос
На полях веселых жниц.
Не один уронят колос
Беднякам они с кошниц.
Нас с тобой в снопах тяжелых
Много ждет ночей веселых.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Пышной осенью корзины
Наполняет виноград.
В погребах родной долины
Бродит розовый мускат.
Старики в стаканах алых
Видят отсвет дней бывалых.
Руку дай! Бежим в поля!

С нами любит вся земля!

Посетим же берег кроткий,
Столь любезный забытью!
Здесь, в густой тени, походки
Я твоей не узнаю.
Ты слабеешь, друг лукавый.
Ты сама ложишься в травы.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Так прощай, Париж продажный,
Не хочу твоих румян!
Здесь искусство – дым миражный,
Нежность женская – обман.
Уберечь от всех хочу я
Тайну рифм и поцелуя.
Руку дай! Бежим в поля!
С нами любит вся земля!

Перевод Вс. Рождественского

Стрелок и поселянка

Проснулась ласточка с зарею,
Приветствуя весенний день.
– Красавица, пойдем со мною:
Нам роща отдых даст и тень.
Там я у ног твоих склонюся,
Нарву цветов, сплету венок…
– Стрелок, я матери боюся.
Мне некогда, стрелок.

– Мы в чащу забредем густую:
Она не сыщет дочь свою.
Пойдем, красавица! Какую
Тебе я песенку спою!
Ни петь, ни слушать, уверяю,
Никто без слез ее не мог…
– Стрелок, я песню эту знаю.
Мне некогда, стрелок.

– Я расскажу тебе преданье,
Как рыцарь к молодой жене

Пришел на страшное свиданье
Из гроба… Выслушать вполне
Нельзя без трепета развязку.
Мертвец несчастную увлек…
– Стрелок, я знаю эту сказку.
Мне некогда, стрелок.

– Пойдем, красавица. Я знаю,
Как диких усмирять зверей,
Легко болезни исцеляю;
От порчи, глаза злых людей
Я заговаривать умею —
И многим девушкам помог…
– Стрелок, я ладанку имею.
Мне некогда, стрелок.

– Ну, слушай! Видишь, как играет
Вот этот крестик, как блестит
И жемчугами отливает…
Твоих подружек ослепит
Его игра на груди белой.
Возьми! Друг друга мы поймем…
– Ах, как блестит! Вот это дело!

Пойдем, стрелок, пойдем!

Перевод В. Курочкина

Марго

Воспойте все, друзья, со мной
Мою Марго, мою болтушку.
Могу я смело, в час любой,
И целовать и мять резвушку.
«Как! целовать?» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
На речь глупца я в ус не дую:
Марго! иди, – я поцелую.

Марго как горлица добра
И как бесенок шаловлива;
Смеется ласково с утра,
А к вечеру бранит крикливо.
«Как! и бранит?» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
Но я смягчу ее и злую:
Марго! иди, – я поцелую.

Держа в руке стакан с вином, —
Смотрите, – как она болтает!

Ее лицо горит огнем!
В глазах… шампанское играет!
«Как! даже пьет?» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
Мы с ней кутим напропалую…
Марго! иди, – я, поцелую.

Какая в пеньи чистота,
Когда Марго за фортепьяно!
Но не разинет даже рта
Она в присутствии сопрано.
«Как! так горда?» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
Я ей перечить не рискую…
Марго! иди, – я поцелую.

Чтоб ей светить в ночную тьму,
Амур свой факел зажигает;
Но часто, в резвости, ему
Шалунья ножку подставляет.
«Как! так шалить!» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
Я ж никогда не протестую.

Марго! иди, – я поцелую.
Марго дрожит, чтоб Гименей
Не завладел ее рукою…
Рука нужна, конечно, ей,
Чтоб вышивать самой порою.
«Как! вышивать?» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
Но я работу дам другую:
Марго! иди, – я поцелую.

«Хвали еще! еще куплет!» —
Кричит она, моя брюнетка.
«И если дюжины их нет,
То к черту ваша шансонетка!»
«Как! так жадна?» – кричит дурак.
Ну, да! Марго привыкла так.
Я ж хоть тринадцать нарифмую!..
Марго! иди, – я поцелую.

Перевод И. Тхоржевского

Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859)

Молнии

О молнии любви, высоких гроз удары,

Средь гнезд разметанных вы сеете пожары

И смерть, но небосвод навеки тьмой одет

Для тех, кто потерял ваш несравненный свет!

Перевод И. Кузнецовой

Письмо женщины

Я знаю, женщинам не следует писать;
И вот пишу посланье,
Чтоб ты в моей душе мог с ясностью читать,
Как в день при расставанье.

Все, все, что я скажу, знакомо для тебя
От слова и до слова,
Но что и в сотый раз повторено любя,
Все, как и в первый, ново!

Пусть счастье на тебя навеет голос мой,
А я – ждать счастья буду.
Осталось мне одно: стремиться за тобой
Мечтой крылатой всюду.

И если ласточка твоих одежд края
Затронет, – оглянуться
Поторопись и верь: то попыталась я
Твоей руки коснуться.

Да, ты ушел, и все уходит в свой черед:
Лучи, цветы, мгновенья, —
И лето отошло, и осень настает,
И я полна томленья.

Но если дни пришли, когда остались нам
Лишь слезы и надежды, —
Поделим! Я возьму все слезы и отдам
Тебе в удел – надежды!

Я не хочу, чтоб ты страдал хоть миг один,
Хотя б тоской разлуки!
За счастие твое, молясь, мой господин,
Я подымаю руки!

Перевод В. Брюсова

Первая любовь

Вам памятна ль подруга молодая,
Ее движений скромность, нежность глаз?
Она еще встречала утро мая,
Когда постигла, что живет для вас.
Она связать вас клятвой не хотела
(Она была, ах! слишком молода!),
Но душу отдавала без предела
И всю себя – без спора, без стыда.

И ей пришлось сказать «прости» надежде:
Сон длился день и не вернется вновь.
Отныне ей не светит май, как прежде,
Зато ей светит первая любовь!

Перевод В. Брюсова

Идите с миром

Идите с миром, боль моя,
Довольно вы меня томили,
Пленяли и с ума сводили…
Увы, любимый, боль моя,
Вас больше не увижу я.

Но имя ваше без труда
В плену меня удержит прочно
И, нитью огненной заочно
Мне жизнь опутав навсегда,
Здесь вас заменит без труда.

Ах, я, не ведая того,
Свершила, верно, преступленье;
Быть может, вас мне в искупленье
Послало в судьи божество,
А вы не ведали того?
Я помню и огонь и смех,
Мечты и музыку вначале,
Потом пришла пора печали,

Бессонница взамен утех…
Прощайте, музыка и смех!

В далекий край лежит ваш путь,
Где вьется ласточкой игривой
Поэзия любви счастливой.
Чтобы за ней пуститься в путь,
Вы сердце мне должны вернуть.

Пусть эти слезы в тишине
Пред богом вам придут на память,
Ведь вас они не могут ранить…
Но вспоминайте обо мне
Лишь за молитвой, в тишине.

Перевод И. Кузнецовой

Вечерние колокола

Когда колокола, взлетая над долиной,
На землю медленно опустят вечер длинный,
Когда ты одинок, пусть мысли в тишине
Летят ко мне! Летят ко мне!

В ответ колокола из синевы высокой
Заговорят с твоей душою одинокой,
И полетят слова по воздуху, звеня:
Люби меня! Люби меня!
И если ты в душе грустишь с колоколами,
Пусть время, горестно текущее меж нами,
Напомнит, что лишь ты средь суеты земной
Всегда со мной! Всегда со мной!

И сердца благовест с колоколами рядом

Нам встречу возвестит наперекор преградам.

Польется песнь небес из выси голубой

Для нас с тобой! Для нас с тобой!

Перевод И. Кузнецовой

Моя комната

Мой приют – высокий:
В небо два окна.
Гость мой одинокий —
Грустная луна.

Не бегу к воротам,
Чуть заслыша звон.
Безразлично, кто там:
Знаю, что не он.

Шить в уединенье
Сяду, не спеша;
Гнева нет и тени,
Но в слезах душа.

В небе ночью ясной
Вижу путь планет,
А порой ненастной —
Молний грозный свет.

Вот стоит без дела,
Пуст и недвижим,

Стул, где я сидела
В то мгновенье с ним.

Бант на стуле сбился —
Памятка моя.
Вот и стул смирился,
Как смирилась я.

Перевод И. Кузнецовой

Одинокое гнездо

Лети, моя душа, над уличной толпою,
Лети в огромный мир, лежащий пред тобою,
И лишь тогда вернись, когда коснешься ты
Оставшейся внизу мечты… моей мечты.

А я живу вдали от шумной круговерти,
Расстаться с тишиной мне равносильно смерти;
Я прошлому сама закрыла путь сюда,
И мчится век вдали от моего гнезда.

Грохочет у дверей, неся в потоках ржавых,
Как травы жухлые, чреду имен кровавых,
Надежды и мечты, обрывки клятв пустых,
Букеты из имен, прелестных и простых.

Лети, моя душа, над уличной толпою,

Лети в огромный мир, лежащий пред тобою,

И лишь тогда вернись, когда коснешься ты

Оставшейся внизу мечты… моей мечты.

Перевод И. Кузнецовой

Паломничество

В Галисию молиться,
Чтоб грех свой искупить,
Пойду во власянице,
Поклоны стану бить.

Служанка, друг мой милый,
Стяни мне плащ ремнем.
Цвет праха и могилы
Запечатлелся в нем.

Прощай, коса тугая,
Волос моих пожар, —
Природе возвращаю
Ее ненужный дар.

Кляну былое счастье,
И жизнь постыла мне
Без друга, без участья,
С тоской наедине.

Заступница святая
Сулит мне благодать,

И, больше не страдая,
Иду к ней умирать.

Ногам разутым больно,
Камням потерян счет.
Гляжу на дом невольно,
Где мой Артур живет.

Вдруг, у окошка стоя,
Он мне пошлет привет
И, сам не зная, кто я,
Помолится мне вслед?

Намеренье святое,
Господь, благослови
И в облако густое
Спрячь душу от любви.

Перевод И. Кузнецовой

Что ты сделал?

Сердце мне свое
Ты в залог оставил:
Отдал мне свое
И забрал мое.

Свой залог ты взял,
Это против правил —
Свой залог ты взял,
Мой залог пропал!
Листья и цветок —
Завязи обитель, —
Листья и цветок,
Хрупкий мой залог:

Что ты сделал с ним,
О мой повелитель,
Что ты сделал с ним,
Он ведь был твоим?

Словно мать, уйдя,
Бросила ребенка,

Словно мать, уйдя,
Бросила дитя,

Скрылся ты из глаз —
Мне ль бежать вдогонку?
Скрылся ты из глаз.
Бог меня не спас!

Ты поймешь в свой срок,
Что такое горе,
Ты поймешь в свой срок,
Как ты одинок.

Голову склоня,
Затоскуешь вскоре,
Голову склоня,
Вспомнишь ты меня.

Ты придешь, поверь,
Ноги путь укажут,
Ты придешь, поверь,
Постучишься в дверь.

Но на этот раз
«Умерла», – там скажут.
С кем на этот раз

Встретишь трудный час?

Перевод И. Кузнецовой

Альфонс де Ламартин (1790–1869)

Воспоминание

Пусть времени полет стремится
И все с собой уносит он;
В душе тоскующей хранится
Любви моей последний сон.
День каждый падает за мною,
Как, близких бурь послыша свист,
Угрюмой осени порою
Валится с дуба мертвый лист,
Уже весны моей не стало,
Уже полсердца отцвело,
И на лице печали жало
Следы глубоко провело.
Но памяти волшебной силой
Еще присутствен прошлый час,
И образ незабвенно-милый
В воображеньи не угас.
Как в день счастливой первой встречи,
Небесный гость! я зрю тебя,
Мне языком любви, без речи,

Сказавший тайну бытия.
Еще невыразимым взглядом,
Восторгами волнует грудь
И по долине жизни рядом
Со мной свершает тяжкий путь.
Глаза любуются прилежно
Струями черными волос,
Которые зефир небрежно
По мраморным плечам разнес.
На голове твоей прелестной
Из свежих яхонтов наряд,
В одежде синевы небесной
Твой стройный стан красиво сжат.
Как мягкое, струисто злато,
Роскошного Востока дань,
Волнуясь, падает богато
На плечи брошенная ткань.
Еще я при тебе, печальный,
Тоской окованный, стою
И жадно голос твой прощальный
В пустынном воздухе ловлю.
Все, что похитил жребий гневный,

Все, что не взвидел взор слепый,
Я перенес в тайник душевный
От глаз завистливой толпы.
Там поклоненьем нераздельным
Боготворю любви кумир,
И там желаньям беспредельным
Открыт мечты безбрежный мир.
Друг верный, неизменной думе,
Везде сопутствуешь ты мне:
С одной тобой я в светском шуме,
С одной тобой наедине.
Во всех явлениях природы
Зрю отпечаток красоты:
Твой образ отражают воды
И в чистом утре светишь ты!
Роскошно пью твое дыханье
В душистом веяньи цветов,
Твой голос слышен мне в шептанье
Перепорхнувших ветерков.
Ты сострадательной рукою
Стираешь слезы с влажных глаз,
Когда к Незримому, с душою

Я возношу молящий глас.
Когда, как сеткою горящей,
Небес обложится шатер,
В звезде, приветнее блестящей,
Тебя отыскивает взор.
Когда слетает тихий гений
На ложе свежей тишины,
Игрой таинственных видений
Ты очаровываешь сны,
Давно умолкнувшую радость
Нашептываешь сердцу вновь,
Надежды пробуждаешь сладость,
Лелея сирую любовь.

Перевод П. Вяземского

Озеро

Итак, всему конец! К таинственному брегу
Во мрак небытия несет меня волной,
И воспротивиться на миг единый бегу
Не в силах якорь мой.

Ах, озеро, взгляни: один лишь год печали
Промчался, – и теперь на самых тех местах,
Где мы бродили с ней, сидели и мечтали,
Сижу один в слезах…

Ты так же со скалой угрюмою шептало,
И грызло грудь её могучею волной,
И ветром пену с волн встревоженных кидало
На ножки дорогой.

О вечер счастия, где ты, когда я с нею

Скользил по озеру, исполнен сладких дум,
И услаждал мой слух гармонией своею
Согласных вёсел шум?

Но вдруг раздался звук средь тишины священной,
И эхо сладостно завторило словам,
Притихло озеро, – и голос незабвенный
Понесся по волнам:

«О время, не лети! Куда, куда стремится
Часов твоих побег?
О, дай, о, дай ты нам подоле насладиться
Днём счастья, днём утех!

Беги для страждущих, – довольно их воззвала
Судьба на жизни путь! —
Лети и притупи их рока злое жало
И счастливых забудь.
Напрасно я прошу хоть миг один у рока:

Сатурн летит стрелой.

Я говорю: о ночь, продлись! – и блеск востока

Уж спорит с темнотой.

Любовь, любовь! Восторгов неужели

Не подаришь ты нам —

У нас нет пристани, и время нас без цели

Мчит быстро по волнам».

О время, неужель позволено судьбою,

Чтоб дни, когда любовь все радости свои

Дает нам, пронеслись с такой же быстротою,

Как горестные дни?

Ах, если бы хоть след остался наслаждений!

Неужели всему конец и навсегда,

И время воротить нам радостных мгновений

Не хочет никогда?

Пучины прошлого, ничтожество и веч-

ность,

Какая цель у вас похищенным часам?

Скажите, может ли хоть раз моя беспечность

Поверить райским снам?

Ах, озеро, скалы, леса и сумрак свода

Пещеры, – смерть от вас с весною мчится прочь!

Не забывай хоть ты, прелестная природа,

Блаженнейшую ночь,

В час мертвой тишины, в час бурь освирепелых,

И в берегах твоих, играющих с волной,

И в соснах сумрачных, и в скалах поседелых,

Висящих над водой,

И в тихом ветерке с прохладными крылами,

И в шуме берегов, вторящих берегам,

И в ясной звездочке, сребристыми лучами

Скользящей по струям,

Чтоб свежий ветерок дыханьем ароматным,

И даже шелестом таинственным тростник, —

Всё б говорило здесь молчанием понятным:

«Любовь, заплачь о них!»

Перевод А. Фета

Одиночество

Когда на склоне дня, в тени усевшись дуба
И грусти полн, гляжу с высокого холма
На дол, у ног моих простершийся, мне любо
Следить, как все внизу преображает мгла.

Здесь плещется река волною возмущенной
И мчится вдаль, стремясь неведомо куда;
Там стынет озеро, в чьей глади вечно сонной
Мерцает только что взошедшая звезда.

Пока за гребень гор, где мрачный бор теснится,
еще цепляется зари последний луч,
Владычицы теней восходит колесница,
Уже осеребрив края далеких туч.

Меж тем, с готической срываясь колокольни,

Вечерний благовест по воздуху плывет,

И медным голосом, с звучаньем жизни дольней

Сливающимся в хор, внимает пешеход.

Но хладною душой и чуждой вдохновенью

На это зрелище взирая без конца,

Я по земле влачусь блуждающею тенью:

Ах, жизнетворный диск не греет мертвеца!

С холма на холм вотще перевожу я взоры,

На полдень с севера, с заката на восход.

В свой окоем включив безмерные просторы,

Я мыслю: «Счастие нигде меня не ждет».

Какое дело мне до этих долов, хижин,

Дворцов, лесов, озер, до этих скал и рек?

Одно лишь существо ушло – и, неподвижен
В бездушной красоте, мир опустел навек!

В конце ли своего пути или в начале
Стоит светило дня, его круговорот
Теперь без радости слежу я и печали:
Что нужды в солнце мне? Что время мне несет?

Что, кроме пустоты, предстало б мне в эфире,
Когда б я мог лететь вослед его лучу?
Мне ничего уже не надо в этом мире,
Я ничего уже от жизни не хочу.

Но, может быть, ступив за грани нашей сферы,
Оставив истлевать в земле мой бренный прах,
Иное солнце – то, о ком я здесь без меры
Мечтаю, – я в иных узрел бы небесах!

Там чистых родников меня пьянила б

влага,

Там вновь обрел бы я любви нетленной свет

И то высокое, единственное благо,

Которому средь нас именованья нет!

Зачем же не могу, подхвачен колесницей

Авроры, мой кумир, вновь встретиться с тобой!

Зачем в изгнании мне суждено томиться?

Что общего еще между землей и мной?

Когда увядший лист слетает на поляну,

Его подъемлет ветр и гонит под уклон;

Я тоже желтый лист, и я давно уж вяну;

Неси ж меня отсель, о бурный аквилон!

Перевод Б. Лившица

Виктор Гюго (1802–1885)

«Когда все вишни мы доели...»

Когда все вишни мы доели,
Она насупилась в углу.
– Я предпочла бы карамели.
Как надоел мне твой Сен-Клу!

Еще бы – жажда! Пару ягод
Как тут не съесть? Но погляди:
Я, верно, не отмою за год
Ни рта, ни пальцев! Уходи!

Под колотушки и угрозы
Я слышал эту дребедень.
Июнь! Июнь! Лучи и розы!
Поет лазурь, и молкнет тень.

Прелестную смиряя буку,
Сквозь град попреков и острот,
Я ей обтер цветами руку
И поцелуем – алый рот.

Перевод Б. Лившица

Женщине

Душа ее прелестна.

Дидро.

Дитя, будь я царем, я отдал бы державу,
Порфир моих дворцов, и царственный убор,
Поверженный народ, и трон мой величавый,
И весь могучий флот, в морях стяжавший славу,
Вам за единый взор!

Будь я всевышний бог, я подарил бы горы,
И хаос вековой, и шелест сонных струй,
И сонмы демонов, и ангельские хоры,
Пространство, и миры, и горние просторы
Тебе за поцелуй!

Перевод Э. Линецкой

«О, будь вы молоды, стары, бедны, богаты...»

Quién no ama, no vive[1].

О, будь вы молоды, стары, бедны, богаты,

Но коль во тьме ночной, угрюмой и косматой,

Вам не мерещился легчайший шум шагов

И платье белое не представлялось взору, —

То платье, что во тьме, подобно метеору,

Сверкающей чертой пронзает мглы покров;

Коль вам пришлось узнать лишь по стихам

влюбленных,

Страданьем, радостью и страстью опаленных,

---

[1] Примечания: 1
Кто не любит, не живет (*исп.*).

Блаженство высшее, без меры и границ,
—
Незримо властвовать над чьим-то сердцем милым
И видеть пред собой, подобные светилам,
Любимые глаза в тени густых ресниц;

Коль не случалось вам под окнами устало
Ждать окончания блистательного бала
И выхода толпы разряженных гостей,
Чтоб в свете фонаря увидеть на мгновенье
Прелестного лица весеннее цветенье
И голубой огонь единственных очей;

Коль не терзались вы ни ревностью, ни мукой,
Узрев в чужих руках вам дорогую руку,
Уста соперника – у розовой щеки;
Коль не следили вы с угрюмым напряженьем
За вальса медленным и чувственным

круженьем,

Срывающим с цветов душистых лепестки;

Коль не бродили вы среди холмов лесистых,

Отдавшись вихрю чувств, божественных и чистых;

Коль поздним вечером, в тот молчаливый час,

Когда на небе звезд мерцает вереница,

Вдвоем, под тенью лип, вы не сближали лица,

Шепчась, хотя никто не мог услышать вас;

Коль дрожь руки в руке была вам незнакома;

Коль, услыхав слова «люблю тебя», вы дома

Не повторяли их потом все вновь и вновь;

Коль жалости в себе не ощущали к тронам

И к тем, кто жаждет их, кто тянется

к коронам,

Забыв о том, что есть великая любовь;

Коль по ночам, когда, одетый мглы убором,

Молчит Париж с его готическим собором,

С саксонской башнею, с громадами домов,

Когда полет часов безудержен и волен,

Когда, двенадцать раз срываясь с колоколен,

Они влекут вослед рой несказанных снов;

Коль вам не довелось тогда, в тиши дремотной,

Пока вдали от вас, свежа и беззаботна,

Она вкушает сон, – метаться, и стонать,

И горько слезы лить, и звать ее часами,

В надежде, что она появится пред вами,

И горький свой удел бессильно прокли-

нать;

Коль взоры женщины, вам душу обновляя,
Не открывали врат неведомого рая;
Коль ради той, чьи дни спокойны и легки,
Кто в ваших горестях лишь ищет развлечений,
Не приняли бы вы и смерти и мучений,
—
Любви не знали вы, не знали вы тоски!

Перевод Э. Линецкой

«Взгляни на эту ветвь: она суха, невзрачна...»

Какие нежные шептала уверенья
Алина в пору роз и вешнего цветенья!
О легкий ветерок, ты мимо пролетал
И, верно, все богам беспечно разболтал.

Сегре

Взгляни на эту ветвь: она суха, невзрачна,
Упрямо хлещет дождь по ней струей прозрачной,
Но лишь уйдет зима и скроется вдали —
Появятся на ней зеленые листочки,
И спросишь ты тогда: как тоненькие почки
Сквозь черствую кору прорезаться могли?

Спроси ж меня: зачем, когда к душе угрюмой,
К душе, истерзанной тоской и тяжкой

думой,

Ты прикасаешься, о милая, любя, —

Зачем, как прежде, кровь мне наполняет жилы,

Зачем душа в цвету, раскрывшись с новой силой,

Стихи, как лепестки, роняет вкруг себя?

Затем, что для всего есть время в мире этом,

Что мгла сменяется луны дрожащим светом,

Что радость следовать за горестью должна,

Что нужен ураган и нужен ветер зыбкий,

Что мне, скорбящему, даны твои улыбки,

Что кончилась зима и что пришла весна.

Перевод Э. Линецкой

«Чтоб я твою мечту наполнить мог собою...»

Чтоб я твою мечту наполнить мог собою,

Когда ты ждешь меня, утомлена ходьбою,

Под тенью дерева, у озера, одна,

И смотришь вниз, туда, где сонная долина

Дымится, заткана туманной паутиной,

Как чаша дивная, кореньями полна, —

Пусть все, что видишь ты, – поля и косогоры,

Кустарники в цвету, душистые просторы,

Багряный луч в окне,

Тропинки узкие, что вьются меж селений,

Овраги, где листвы узорчатые тени

Колышутся на дне, —

Пусть этот дом, и сад, и лес, и луг, и туча,

Чью тень далекую поглотит полдень жгучий,

Пусть все неясное, что там, вдали, дрожит,

Пусть зрелые плоды, пусть небосвода просинь,

Пусть кистью сентября расписанная осень,

Пусть все, что вкруг тебя, поет, звенит, жужжит, —

Пусть эта цепь вещей, звено которой – ива,

Что отдых твой хранит так нежно и ревниво,

К тебе листы клоня, —

И волны, и земля, и солнца свет, и колос —

Пусть станет все душой, пусть обретет свой

голос

И назовет меня!

Перевод Э. Линецкой

«Мой стих вспорхнул бы над лугами...»

Мой стих вспорхнул бы над лугами,
Нашел бы он ваш сад и дом,
Когда бы мог взмахнуть крылами,
Как птица в небе голубом.

Горячий, чистый, словно пламя,
Он отыскал бы ваш очаг,
Когда бы мог взмахнуть крылами,
Как мысль, пронзающая мрак.

Летел бы он всегда за вами,
Без отдыха, и день, и ночь,
Когда бы мог взмахнуть крылами
И, как любовь, умчаться прочь.

Перевод Э. Линецкой

Зиме конец

Все оживает, дорогая!
Яснеет небо, тает снег,
Цветет земля, благоухая,
И стал добрее человек.

Любовью небеса трепещут,
Земля счастливей с каждым днем.
Цветы и звезды мягко блещут,
Единым зажжены огнем.

Конец зиме и зимним бедам!
Нагой, таинственный апрель
Торопится за ними следом,
Роняя светлых слез капель.

Мы отвыкаем от сомненья,
От мыслей горестных и мук.
Здесь, в тишине уединенья,
Нам хорошо с тобой, мой друг!

На солнце ветка золотится,
Бросает тень, и близок срок,

Когда на ней засвищет птица,
Из почки выглянет листок.

Рассвет торжественно встречаем, —
Он словно заново рожден, —
И мы полны с тобою маем,
Как маем полон небосклон.

Повсюду слышен гул веселый,
Везде сияют нам лучи.
Звенят на зорьке роем пчелы,
А звездный рой звенит в ночи.

Нам шепчут еле слышно травы
И ласково листва поет,
Что только любящие правы —
Они не ведают забот!

Пьянит нас ветер, тихо вея...
Мы, взявшись за руки, стоим.
Как много роз таит аллея,
Как много вздохов мы таим!
Я с утренней зарей прекрасной
Могу твое лицо сравнить:
Такой же блеск улыбки ясной,

Таких же слез росистых нить.

Извечно юная природа,
Адама, Евы верный друг,
Нас под лазурью небосвода
В свой сокровенный вводит круг.

Ты лишь появишься – встречают
Тебя восторгом небеса;
На наши ласки отвечают
Приветным шелестом леса,

И, озаренные сияньем,
Струясь, как ароматы, ввысь,
Со всем влюбленным мирозданьем
Сердца счастливые слились.

С ревнивой мукой я простился,
Ты тихой радости полна;
Я со звездою обручился,
И с солнцем ты обручена.

В молчанье жадными губами
Мы прижимаемся к цветам,
Целуем их – и словно пламя

В ответ сжигает губы нам.

Перевод Э. Линецкой

«Вчера повеяло дыханьем свежим ночи...»

Вчера повеяло дыханьем свежим ночи,
Дремавшие весь день запахли вновь цветы,
Звучала птичья трель все глуше, все короче,
И ярче ярких звезд твои сияли очи,
И юной красотой весну затмила ты.

И голос мой был тих. Слагает вдохновенно
Торжественную песнь душа в вечерний час.
Вдыхая чистоту той ночи незабвенной,
Я для тебя у звезд просил весны нетленной,
Я у твоих очей просил любви для нас.

Перевод Э. Линецкой

Слова, сказанные в полумраке

Она сказала: «Да, мне хорошо сейчас.
Я знаю – жалобы мои несправедливы,
Подолгу от тебя не отрываю глаз
И вижу смутных дум приливы и отливы.

В чем счастье? Вместе быть. Я счастлива – почти,
И благодарность шлю судьбе за все щедроты.
Слежу, чтоб праздный гость не мог к тебе войти, —
Не любишь прерывать ты начатой работы.

У ног твоих сижу. Кругом покой и тишь.
Ты – лев, я – горлица. Задумчиво внимаю,
Как ты страницами неспешно шелестишь,
Упавшее перо бесшумно поднимаю.

Я знаю, что ты здесь, что я сейчас с тобой,

Что мысль, как хмель, пьянит мечтателя-поэта;

Но нужно вспоминать и обо мне порой!

Когда за книгами сидишь ты до рассвета,

Безмолвный, замкнутый, забывший обо мне,

В моей душе печаль живет со счастьем рядом:

Я верю лишь тогда, что вместе мы вполне,

Когда хоть изредка меня ты ищешь взглядом».

Перевод Э. Линецкой

«Я шел по берегу и повстречался с нею…»

Я шел по берегу и повстречался с нею.
Босая, стройная, с растрепанной косой, —
Как будто в тростниках вдруг появилась фея…
Я у нее спросил: «Ты в лес пойдешь со мной?»

Взглянула на меня – о женский, полный света,
Себя вверяющий, самозабвенный взгляд!
«Пойдем, – я ей сказал. – Любовью дышит лето,
Деревья скроют нас и тенью одарят».

Неспешно о траву она отерла ноги,
И снова тот же взгляд, открытый взгляд в упор,
Потом, бездумная, задумалась в тревоге.

О, как звенел в тот миг согласный птичий хор!

Как реку сонную ласкало солнце жарко!

И вот увидел я – сквозь камыши идет

Ко мне смущенная, счастливая дикарка,

Волной густых волос закрыв лукавый рот.

Перевод Э. Линецкой

Я завтра поутру…

Я завтра поутру, еще в тумане сонном,
—
Ведь ты так долго ждешь меня! —
Пойду опушкою, пойду тенистым склоном,
Ты знаешь, без тебя мне не прожить и дня.

И, замкнутый в себе, весь в мыслях о разлуке,
Не видя, что вокруг, не слыша, что кругом,
Пройду, ссутулившись, сложив печально руки,
Один – как будто ночь настала ясным днем.

Я не увижу даль, покрытую дымками,
Ни солнечный Арфлёр, закатом залитой, —
Приду и положу на твой могильный камень

Зеленый остролист и вереск золотой.

Перевод М. Яснова

Жерар де Нерваль (1808–1855)

Оставь меня!

Нет, нет, оставь меня, прошу я:
Не сможешь душу неживую
Красою воскресить своей!
До срока юность отгорела…
Иль ты увидеть не сумела
В моем лице печать скорбей?

Когда дыханием студеным
Цветам роскошным, благовонным
Зима сердца заледенит,
У мертвых лепестков не надо
Искать былого аромата:
Цветок его не сохранит.

О, повстречайся я с тобою,
Когда душа была живою
И трепета любви полна,
С каким восторгом бы ответил
На этот взгляд, что дивно светел
И лучезарен, как весна.

Но ныне он – клочок лазури,
Что в миг, когда утихнет буря,
Внезапно среди туч блеснет
Попавшим в кораблекрушенье
И знающим, что нет спасенья:
Корабль уже на дно идет.

Нет, нет, оставь меня, прошу я:
Не сможешь душу неживую
Красою воскресить своей!
Иль распознать ты не сумела,
Что вера в счастье отгорела,
Убита горечью скорбей?

Перевод Л. Цывьяна

Сидализы

Нет возлюбленных нежных:
Все из жизни ушли!
В горних высях безбрежных
Все покой обрели!

В небесах, что бездонны,
Они дивно светлы
И пред ликом мадонны
Ей возносят хвалы.

В белоснежном уборе,
В тонких пальцах цветы…
О любовь, что, как горе,
Не щадит красоты!..

Были милые взгляды
Вечной синью полны…
Свет угасшей лампады,
Воссияй с вышины!

Перевод Е. Баевской

В аллее Люксембургского сада

Она прошла – резва, как птица,
Веселая, в расцвете лет,
В руках букет цветов лучится,
А на устах звенит куплет.

На целом свете не она ли
Одна смогла б меня понять
И черные мои печали
Единым взглядом разогнать?

Но нет – лишь на одно мгновенье
Чудесный луч блеснул светло:
Благоуханье, юность, пенье…
Мелькнуло счастье – и прошло!

Перевод Е. Баевской

Кузина

Есть радости свои и у зимы: сквозь тучи
На белые снега вдруг брызнет желтый лучик...
Воскресный день. Зовешь кузину погулять...
Вслед строго матушка: «Обед не станет ждать!»

А вот и Тюильри. Как черен парк раздетый,
И по контрасту как цветисты туалеты!
Кузине холодно, ей хочется домой:
Уже темно, туман ложится пеленой.

Дорогой говоришь о счастье пережитом,
О мимолетном дне, о пламени сокрытом...
Подходишь к лестнице и слышишь, как скворчит

Индейка на плите. О, волчий аппетит!

Перевод Э. Линецкой

Хор любви

Пройдут, как грезы,
Здесь час и год!
Утихнут грозы,
И грусть уйдет,
Как след угрозы
С затихших вод.

Впасть на мгновенье
В блаженный бред!
Лишь в нетерпенье
Страстей секрет:
Миг наслажденья —
И их уж нет!

Перевод И. Кузнецовой

Готическая песня

Люблю, невеста,
Тебя в слезах!
Росинкам место
На лепестках.

Весна и младость
Лишь миг цветут,
Но будет в радость
Набег минут.

Стыдливой, страстной —
Я всякой рад.
Ведь Бог всевластный
Есть Бог услад.

Перевод Л. Цывьяна

Время Ода

I

Мудрец с умом проводит время,
В нем мудрецу загадки нет:
Он на земле, а не в Эдеме,
И сколько б он ни прожил лет,
Ему живется, как живется, —
Когда удача улыбнется,
Он улыбнется ей в ответ.

II

Не в золотых оковах власти,
Не в славе счастье нам дано,
И не в победах наше счастье,
Любовь и лира – вот оно!
Так выберем скорей подругу
И с лютнею начнем по кругу
Петь, и любить, и пить вино!

III

– Игрушки! Тщетные усилья!

Но вам учиться недосуг!
Что мудрецы? Бесславной пылью
Покрыт их безымянный круг!..
– Нет счастья на просторах мира,
Любовь – обман, а ваша лира —
Пустой и бесполезный звук!..

IV

Ну что же, предпочтем обманы
Холодным, горестным словам —
Они бессмысленны и странны;
И если зло досталось нам,
И если счастье только снится
И ложь повсюду воцарится,
Не лучше ли предаться снам?

V

Возлюбим же весну благую,
Чтоб нам раскаянья не знать
Грядущей осенью; впустую
Не будем в будущем искать
То счастье, что дано Творцом нам, —
Там, без надежды, в мире темном,

Мы вспомним прошлое опять.

VI

Как быстро дни за днями мчатся!
Оглянешься – там тень одна…
Любви за ними не угнаться,
Она веселием полна.
Так предпочтем же нашу юность,
Чтоб нам надежда улыбнулась
И кубок выпила до дна!

Перевод М. Яснова

Альфред де Мюссе (1810–1857)

О, вспоминай!

О, вспоминай меня, когда заря пугливо
Откроет солнцу свой таинственный чертог;
О, вспоминай меня в час ночи молчаливой,
Когда взойдет луна и озарит восток;
Когда желаньями душа твоя томится,
Когда ночные сны начнут во мраке виться,
Ты к шелесту листов прислушайся, внимай —

И вспоминай!

О, вспоминай меня, когда судьбина злая
Меня с тобой навек безбожно разлучит,
Когда моя душа, бесплодно увядая,
В разлуке и в тоске истлеет и сгорит;
Подумай о любви и горестном прощанье...
Разлука и года не властны над страданьем,
Пока еще дышу – смотри, не забывай,
И вспоминай!

О, вспоминай меня, когда в земле, глубоко,
Разбитая душа последним сном уснет,
Когда могильный цвет печальный, одиноко,
Тихонько надо мной головку развернет;
Я буду далеко, – но дух мой возвратится,
И будет над тобой нетленный он но-

ситься:
Ты, ночью тихою, спокойно засыпай,
И в грезах ты ему с любовию внимай,
И вспоминай!

Перевод А. Кублицкой-Пиоттух

Мадрид

Мадрид, Испании столица,
Немало глаз в тебе лучится,
И черных глаз, и голубых,
И вечером по эспланадам
Спешит навстречу серенадам
Немало ножек молодых.

Мадрид, когда в кровавой пене
Быки мятутся по арене,
Немало ручек плещет им,
И в ночи звездные немало
Сеньор, укрытых в покрывало,
Скользит по лестницам крутым.

Мадрид, Мадрид, смешна мне, право,
Твоих красавиц гордых слава,
И сердце я отдам свое
Средь них одной лишь без заминки:
Ах, все брюнетки, все блондинки
Не стоят пальчика ее!

Ее суровая дуэнья
Лишь мне в запретные владенья
Дверь открывает на пароль;
К ней даже в церкви доступ труден:
Никто не подойдет к ней, будь он
Архиепископ иль король.

Кто талией сумел бы узкой
С моей сравниться андалузкой,
С моей прелестною вдовой?
Ведь это ангел! Это демон!
А цвет ее ланиты? Чем он
Не персика загар златой!

О, вы бы только посмотрели,
Какая гибкость в этом теле
(Я ей дивлюсь порою сам),
Когда она ужом завьется,
То рвется прочь, то снова жмется
Устами жадными к устам!

Признаться ли, какой ценою
Одержана победа мною?
Тем, что я славно гарцевал

И похвалил ее мантилью,
Поднес конфеты ей с ванилью
Да проводил на карнавал.

Перевод Б. Лившица

Цветку

Очаровательно-приветлив,
Зачем ты прислан мне, цветок?
И полумертвый, ты кокетлив.
Что означает твой намек?

Ты в запечатанном конверте
Сейчас проделал долгий путь.
Шепнула ль, предавая смерти,
Тебе рука хоть что-нибудь?

Ты только ли трава сухая
И через миг совсем умрешь?
Иль, чью-то мысль в себе скрывая,
Опять роскошно расцветешь?

Одетый в белую одежду,
Увы, ты непорочно чист!
Однако робкую надежду
Мне не подаст зеленый лист.

Быть может, чье-то ты посланье?
Я скромен: тайну мне открой.

Зеленый цвет – иносказанье?
Твой аромат – язык иной?

Что ж, если так – о нежной тайне
Скорей мне на ушко шепни.
А если нет – не отвечай мне
И на моей груди усни.
С игривой ручкой незнакомки
Я слишком хорошо знаком.
Она шутя твой стебель ломкий
Скрепила тонким узелком.

Ища ей равную, напрасно
Пракситель портил бы резец,
Венериной руки прекрасной
Не взяв себе за образец.

Она бела, она прелестна,
Она правдива, говорят.
Кто ею завладеет честно,
Она тому откроет клад.

Она направо и налево
Дары не любит рассыпать.
Цветок, ее боюсь я гнева:

Молчи и дай мне помечтать.

Перевод Б. Лившица

«Да, женщины, тут нет ошибки...»

Да, женщины, тут нет ошибки;
Дана вам роковая власть:
Довольно с нас одной улыбки,
Чтоб вознестись или упасть.

Слова, молчанье, вздох случайный,
Насмешливый иль скучный взгляд, —
И в сердце любящего тайно
Смертельный проникает яд.

Да, ваша гордость неуемна;
У нас душа слаба, кротка,
И так же ваша власть огромна,
Как верность ваша коротка.

Но гибнет в мире власть любая,
Когда ее несносен гнет;
Кто любит и молчит, страдая,
В слезах от вас навек уйдет.

Пусть горше не пил он напитка,
Пусть он истает, как свеча,

Но мне милее наша пытка,
Чем ваше дело палача.

Перевод Э. Линецкой

Госпоже де Менесье. Сонет

Когда в чужом краю, где и весна сурова,
Залетной птицы зов звучит среди ветвей,
Из теплого гнезда в тени лесного крова
Ей откликается негромко соловей.

Так вы услышали призыв души моей
И ей ответили на языке былого.
Умолкшая струна во мне запела снова —
Тот чистый, робкий звук первоначальных дней.

Ужели, нежная, вы тоже испытали
И сожаления, и тайные печали?
– Кто жил, тот знал и скорбь, и боль сердечных ран.

В любви, не правда ли, всегда безумье скрыто.
Венок Офелии, волной капризной смытый, —

Кто нам вернет его из чужедальных стран?

Перевод Э. Линецкой

Сонет

Люблю я первый вздох зимы еще до срока!
Солома жесткая не гнется под ногой
Охотника; кричит в пустых лугах сорока,
И, чтоб разжечь камин, шлют в замке за слугой.

И в город тянет вас. Ах, прошлою зимой
Как я туда спешил! Я видел издалёка
Париж, мосты и Лувр за дымной поволокой
(Крик тех возниц в ушах еще звучит порой).

Как рад я был дождю! Любил прохожих, стены,
Огни, сиявшие вокруг царицы-Сены,
Мечтал о холодах. И встречи ждал с тобой!

Я к твоему окну простер с приветом руки...

Ведь как, сударыня, мог знать я, что в разлуке

Из сердца вашего меня изгнал другой?

Перевод И. Кузнецовой

Пепите

Когда на землю ночь спустилась
И сад твой охватила мгла;
Когда ты с матерью простилась
И уж молиться начала;

В тот час, когда, в тревоги света
Смотря усталою душой,
У ночи просишь ты ответа,
И чепчик развязался твой;

Когда кругом все тьмой покрыто,
А в небе теплится звезда, —
Скажи, мой друг, моя Пепита,
О чем ты думаешь тогда?

Кто знает детские мечтанья?
Быть может, мысль твоя летит
Туда, где сладки упованья
И где действительность молчит;

О героине ли романа,
Тобой оставленной в слезах;

Быть может, о дворцах султана,
О поцелуях, о мужьях;

О той, чья страсть тебе открыта
В обмене мыслей молодом;
Быть может, обо мне, Пепита…
Быть может, ровно ни о чем.

Перевод А. Апухтина

Теофиль Готье (1811–1872)

Алмаз сердца

На сердце иль в столе запрятан
У каждого любви залог,
К груди не раз бывал прижат он
И в дни надежд, и в дни тревог.

Один, мечте своей покорный,
Улыбкой ободрен живой,
Похитил дерзко локон черный,
Хранящий отсвет голубой.

Другой на белоснежной шее
Отрезал шелковую прядь,
Которой тоньше и нежнее
С кокона невозможно снять.

На дне шкатулки прячет третий
Перчатку с маленькой руки,
Тоскуя, что ему не встретить
Второй, чьи пальцы так тонки.

Вот этот – призрак счастья жалкий
Стремится воскресить в душе,

Вдыхая пармские фиалки,
Давно зашитые в саше.

А тот целует Сандрильоны
Миниатюрный башмачок,
Меж тем как в маске благовонной
Влюбленный ловит очерк щек.

Но у меня нет ни перчаток,
Ни туфельки, ни пряди нет:
Я на бумаге отпечаток
Слезы храню, волненья след.

Жемчужиною драгоценной
Из синих выскользнув очей,
Она растаяла мгновенно,
Упав в сосуд любви моей.

И эта капля чистой влаги,
Алмаз, каких не знал Офир,
Пятном расплывшись на бумаге,
Мне заслоняет целый мир,

Затем, что дар судьбы нежданный
Из глаз, до той поры сухих,
Скатясь росой благоуханной,

Она отметила мой стих.

Перевод Б. Лившица

Локоны

Подчеркивая томность взгляда,
Где грусть и торжество слиты,
Два локона, как два снаряда,
Для ловли сердца носишь ты.

Закручен туго, каждый сросся
С щекой, но ты легко могла б
Приладить оба, как колеса,
К ореховой скорлупке Маб.

Иль это лука Купидона
Два золотые завитка
Слились в кольцо, прильнув влюбленно
К виску крылатого стрелка?

Но с миром чисел я в разладе:
Ведь сердце у меня одно.
Так чье же на соседней пряди
Повиснуть рядом с ним должно?

Перевод Б. Лившица

Rondalla[2]

Дитя с повадками царицы,
Чей кроткий взор сулит беду,
Ты можешь сколько хочешь злиться,
Но я отсюда не уйду!
Я встану под твоим балконом,
Струну тревожа за струной,
Чтоб вспыхнул за стеклом оконным
Ланит и лампы свет двойной.

Пусть лучше для своих прогулок
И менестрель, и паладин
Другой отыщут переулок:
Здесь я пою тебе один,

И здесь ушей оставит пару
Любой, кто, мой презрев совет,
Испробует свою гитару
Иль прочирикает сонет.

Кинжал подрагивает в ножнах;

---

[2] Примечания: 2
Фантазия (*исп.*).

А ну, кто краске алой рад?
Она оттенков всевозможных:
Кому рубин? кому гранат?

Кто хочет запонки? Кто – бусы?
Чья кровь соскучилась в груди?
Гром грянул! Разбегайтесь, трусы!
Кто похрабрее – выходи!

.

Вперед, не знающие страха!
Всех по заслугам угощу!
В иную веру вертопраха
Клинком своим перекрещу.

И нос укорочу любому
Из неуемных волокит,
Стремящихся пробиться к дому,
В который мною путь закрыт.
Из ребер их, тебе во славу,
Мост за ночь возвести бы мог,
Чтоб, прыгая через канаву,
Ты не забрызгала чулок…

Готов, с нечистым на дуэли

Сразившись, – голову сложить,
Чтоб простыню с твоей постели
Себе на саван заслужить…

Глухая дверь! Окно слепое!
Жестокая, подай мне знак!
Давно уж не пою, а вою,
Окрестных всполошив собак…

Хотя бы гвоздь в заветной дверце
Торчал, чтоб на него со зла
Повесить пламенное сердце,
Которым ты пренебрегла!

Перевод А. Эфрон

Последнее желание

Я вас люблю – секрет вам ведом
Уж добрых восемнадцать лет…
Я стар – за мною вьюги следом,
Вы – все весна и розы цвет.

Снега кладбищенской сирени
Смягчили смоль моих висков…
Я скоро весь укроюсь в сени
Ее холодных лепестков.
С путем закатного светила
Слилась земная колея…
Среди всего, что высью было,
Последний холм провижу я.

Ах, если б поздним поцелуем
Меня раскрепостили вы,
Чтоб, тщетной страстью не волнуем,
Я смог уснуть под шум травы!

Перевод А. Эфрон

Свет беспощаден…

Свет беспощаден, дорогая,
К тебе – среди его клевет
Есть та, что ты живёшь, скрывая
В груди не сердце, а брегет.

Меж тем, как вал морской высокий,
Она вздымается, и в ней
Бурлят таинственные соки
Прелестной юности твоей…

Свет беспощаден, дорогая,
К глазам твоим, шепча, что в них
Сверкает не лазурь живая,
А лак игрушек заводных.

Меж тем все зори, все зарницы,
Все отблески сердечных гроз
Таят дремучие ресницы
В мерцающей завесе слёз…

Свет беспощаден, дорогая,
Твердя, что ум твой глухонем,

Что ты, как в грамоту Китая,
Вникаешь в смысл моих поэм.

Меж тем ты слушаешь поэта
С улыбкой тонкой – неспроста
Разборчивая пчёлка эта
Садится на твои уста!

Меня ты любишь, дорогая,
Вот в чем причина клеветы!
Покинь меня – вся эта стая
Найдёт, что совершенство ты!

Перевод А. Эфрон

Кармен

Кармен тоща – глаза Сивиллы
Загар цыганский окаймил;
Ее коса – черней могилы,
Ей кожу – сатана дубил.

«Она страшнее василиска!» —
Лепечет глупое бабье,
Однако сам архиепископ
Поклоны бьет у ног ее.
Поймает на бегу любого
Волос закрученный аркан,
Что, расплетясь в тени алькова,
Плащом окутывает стан.

На бледности ее янтарной,—
Как жгучий перец, как рубец,—
Победоносный и коварный
Рот – цвета сгубленных сердец.

Померься с бесом черномазым,
Красавица, – кто победит?

Чуть повела горящим глазом,
Взалкал и тот, что страстью сыт!

Ведь в горечи ее сокрыта
Крупинка соли тех морей,
Из коих вышла Афродита
В жестокой наготе своей…

Перевод А. Эфрон

Сокровенный музей

Нагих богинь ваяли греки
И обнаженных смертных дев,
Их гнезда тайные навеки
Во всей красе запечатлев.

Но сих голубок против правил
Ваяли эти мастера:
Резец, где нужно, не оставил
На них ни пуха, ни пера.

Они трудились без опаски,
Но обедняли греки див,
Лишив их царственной оснастки
И сокровенность обнажив.

Так по какой такой причине,
Подобно древним, в свой черед
Стригут художники поныне
Газон, где возлежит Эрот?

Ведь красоту сокровищ скрытых
Лелеют наши времена —

Чтоб оценить и суть, и вид их,
Психея с лампой не нужна.

Узрел Филипп Бургундский тайны
Девицы, спящей крепким сном,
И новый орден не случайно
Назвал он «Золотым Руном».

И Лафонтен веселым слогом
Поведал нам, как сатана
Страдал, – но распрямить не смог он
Прядь из девичьего руна.

Люблю твоих натурщиц смачных,
Поклонник правды, Тициан,
Тебе талант мазков прозрачных
Венецианским небом дан.
Они под пологом пурпурным
Являли миру без прикрас
Ту плоть, которую Амур нам
Со всем усердием припас.

Ложатся шелковые тени
На бедра гладкие, впотьмах,
Там, где в густой, курчавой сени

Таится вожделенный пах.

Ты первым был, кто их рукою
Чуть-чуть прикрыл его, чтоб мы
Вкушали чудо неземное —
Сии Кипридины холмы.

Была Флоренция немало
Поражена при виде той
Твоей Венеры, что купала
Ладошку в муфте золотой.

Когда прекрасная, нагая,
За темным облаком следя,
Округлобедрая Даная
Ждала Зевесова дождя.

Пускай печальная гондола
С тобой ушла навеки в ночь,
Божественного ореола
Ничто не в силах превозмочь.

Я пыль веков минувших вытру
И, чтоб искусству не пенять,
Позволь мне лютню на палитру,
Великий старец, поменять.

Я погружу напев и слово
В твою глазурь, в твою камедь,
Я как художник все покровы
Сорву, чтоб тайное воспеть.

Пускай мой стих отдернет шторы
И к белизне прекрасных тел
Прибавит самой разной флоры
Вослед тому, что ты воспел.

И этой краскою живою
Напомнит вечный образ он,
Когда коснулся головою
Груди богини Купидон.

И пусть простит нам Муза эту
Любовь, подобную греху, —
Как персик, весь открытый свету,
Лежащий бережно во мху.

Руно, заклятие Ясона,
Плод вожделенный Гесперид —
Путь, по которому бессонно
И день, и ночь блуждал Алкид.

Презрим, Искусство, кривотолки,

И чтоб не покушаться впредь,
Хочу мой стих на этом шелке,
Как поцелуй, запечатлеть.
Пускай пластические стансы
Запомнят прошлого урок,
Чтоб рассчитаться, может статься,
За твой, Венера, бугорок!

Перевод М. Яснова

Крест любви

Четыре розы молодых —
И крест любви, и знак влюбленных:
Две, что цветут, и две в бутонах,
Дневной цветок и три ночных.

Вот символ веры – на устах,
Что к ним склоняются, ликуя:
Крестом – четыре поцелуя
На четырех живых цветах.

Кармином первый опалит —
Свою стыдливость губы дарят:
Их поцелуй – известный скаред
И жемчуга свои таит.

Но два бутона, два других, —
Когда пониже опуститься,
И слева можно насладиться
И справа прелестями их.

А ниже – тот ночной цветок,
Тот, самый робкий, самый нежный,

Что распускается, безгрешный,
Лишь положив на вас зарок.

Эмблема счастья, вечный крест
Связует ночь и день в зените:
Свою любовь им осените —
Благословите этот жест!

Перевод М. Яснова

Шарль Леконт де Лиль (1818–1894)

«О ты, которая на миг мне воротила...»

О ты, которая на миг мне воротила
Цветы весенние, благословенна будь.
Люблю я, лучший сон вздымает сладко грудь,
И не страшит меня холодная могила.

Вы, милые глаза, что сердцу утро дней
Вернули, – чарами объятого поныне
Забыть вы можете – вам не отнять святыни:
В могиле вечности я неразлучен с ней.

Перевод И. Анненского

«Над синим мраком ночи длинной…»

Над синим мраком ночи длинной
Не властны горние огни,
Но белы скаты и долина.
– Не плачь, не плачь, моя Кристина,
Дитя мое, усни.
– Завален глыбой ледяною,
Во сне меня ласкает он.
Родная, сжалься надо мною.
Отраден лунною порою
Больному сердцу стон.

И мать легла – одна девица,
Очаг, дымя, давно погас.
Уж полночь бьет. Кристине мнится,
Что у порога гость стучится.
– Откуда в поздний час?

– О, отвори мне поскорее
И до зари побудь со мной.
Из-под креста и мавзолея

Несу к тебе, моя лилея,
Я саван ледяной.

Уста сливались, и лобзанья,
Как вечность долгие, росли,
Рождая жаркие желанья.
Но близко время расставанья.
Петуший крик вдали.

Перевод И. Анненского

Розы Испагани

Испаганские розы на ложе их мшистом,

Померанцы, моссумский жасмин белоснежный

Не сравнятся своим ароматом душистым

С легким вздохом Леилы, лукавым и нежным.

Как коралл ее губы, а смех ее нежный

Звонче трели ручья на лужайке душистой,

Звонче ветра в жасминных кустах белоснежных,

Звонче птиц, распевающих в гнездышке мшистом.

Только влажные розы в оправе их мшистой,

Ветерок, всколыхнувший жасмин белоснежный,

Ручеек, пробежавший лужайкой души-

стой,

Долговечней, вернее любви ее нежной.

О Леила, с тех пор, как печально и нежно

Поцелуи покинули рот твой душистый,

Не томит ароматом жасмин белоснежный,

Отуманились розы в оправе их мшистой.

Смолкли птицы в лесу среди зарослей мшистых,

Их не слышно в жасминном кусте белоснежном,

Ручеек не поет на лужайке душистой,

Не алеет заря в небе ясном и нежном.

Пусть вернется ко мне мотылек этот нежный,

Твоя юная страсть, горяча и душиста,

Чтобы ожили снова жасмин белоснежный,

Испаганские розы на ложе их мши-стом.

Перевод Э. Линецкой

Шарль Бодлер (1821–1867)

Идеал

Нет, ни красотками с зализанных картинок —

Столетья пошлого разлитый всюду яд! —

Ни ножкой, втиснутой в шнурованный ботинок,

Ни ручкой с веером меня не соблазнят.

Пускай восторженно поет свои хлорозы,

Больничной красотой пленяясь, Гаварни —

Противны мне его чахоточные розы:

Мой красный идеал никак им не сродни!

Нет, сердцу моему, повисшему над бездной,

Лишь, леди Макбет, вы близки душой железной,

Вы, воплощенная Эсхилова мечта,

Да ты, о Ночь, пленить еще способна

взор мой,

Дочь Микеланджело, обязанная формой

Титанам, лишь тобой насытившим уста!

Перевод Б. Лившица

Живой факел

Глаза лучистые, вперед идут они,
Рукою Ангела превращены в магниты,
Роняя мне в глаза алмазные огни, —
Два брата, чьи сердца с моим чудесно слиты.

Все обольщения рассеяв без следа,
Они влекут меня высокою стезею;
За ними следую я рабскою стопою,
Живому факелу предавшись навсегда!

Глаза прелестные! Мистическим сияньем
Подобны вы свечам при красном свете дня,
Вы – луч померкнувший волшебного огня!..

Но свечи славят Смерть таинственным мерцаньем,
А ваш негаснущий, неистребимый свет —

Гимн возрождения, залог моих побед!

Перевод Эллиса

Прекрасный корабль

Я расскажу тебе, изнеженная фея,
Все прелести твои в своих мечтах лелея,
Что блеск твоих красот
Сливает детства цвет и молодости плод!

Твой плавный, мерный шаг края одежд колышет
Как медленный корабль, что ширью моря дышит,
Раскинув парус свой,
Едва колеблемый ритмической волной.

Над круглой шеею, над пышными плечами
Ты вознесла главу; спокойными очами
Уверенно блестя,
Как величавое ты шествуешь дитя!

Я расскажу тебе, изнеженная фея,
Все прелести твои в своих мечтах ле-

лея,

Что блеск твоих красот

Сливает детства цвет и молодости плод.

Как шеи блещущей красив изгиб картинный!

Под муаром он горит, блестя, как шкап старинный;

Грудь каждая, как щит,

Вдруг вспыхнув, молнии снопами источит.

Щиты дразнящие, где будят в нас желанья

Две точки розовых, где льют благоуханья Волшебные цветы,

Где все сердца пленят безумные мечты!

Твой плавный, мерный шаг края одежд колышет,

Ты – медленный корабль, что ширью моря дышит,

Раскинув парус свой,

Едва колеблемый ритмической волной!

Твои колени льнут к изгибам одеяний,
Сжигая грудь огнем мучительных желаний;
Так две колдуньи яд
В сосуды черные размеренно струят.
Твоим рукам сродни Геракловы забавы,
И тянутся они, как страшные удавы,
Любовника обвить,
Прижать к твоей груди и в грудь твою вдавить!

Над круглой шеею, над пышными плечами
Ты вознесла главу; спокойными очами
Уверенно блестя,
Как величавое ты шествуешь дитя!

Перевод Эллиса

Осенний сонет

Читаю я в глазах, прозрачных, как хрусталь:
«Скажи мне, странный друг, чем я тебя пленила?» —
Бесхитростность зверька – последнее, что мило,
Когда на страсть и ум нам тратить сердце жаль.

Будь нежной и молчи; проклятую скрижаль
Зловещих тайн моих душа похоронила,
Чтоб ты не знала их, чтоб все спокойно было,
Как песня рук твоих, покоящих печаль.

Пусть Эрос, мрачный бог, и роковая сила
Убийственных безумств грозят из-за угла —
Попробуем любить, не потревожив зла...

Спи, Маргарита, спи, уж осень наступила.

Спи, маргаритки цвет, прохладна и бела…

Ты, так же как и я, – осеннее светило.

Перевод А. Эфрон

Прекрасная ложь

Когда, небрежная, выходишь ты под звуки
Мелодий, бьющихся о низкий потолок,
И вся ты – музыка, и взор твой, полный скуки,
Глядит куда-то вдаль, рассеян и глубок,

Когда на бледном лбу горят лучом румяным
Вечерних люстр огни, как солнечный рассвет,
И ты, наполнив зал волнующим дурманом,
Влечешь глаза мои, как может влечь портрет,

Я говорю себе: «Она еще прекрасна,
И странно – так свежа, хоть персик сердца смят,
Хоть башней царственной над ней воздвиглось

властно

Все то, что прожито, чем путь любви богат».

Так что ж ты: спелый плод, налитый пьяным соком,

Иль урна, ждущая над гробом чьих-то слез,

Иль аромат цветка в оазисе далеком,

Подушка томная, корзина поздних роз?

Я знаю, есть глаза, где всей печалью мира

Мерцает влажный мрак, но нет загадок в них.

Шкатулки без кудрей, ларцы без сувенира,

В них та же пустота, что в Небесах пустых.

А может быть, и ты – всего лишь заблужденье

Ума, бегущего от Истины в Мечту?

Ты суетна? глупа? ты маска? ты виденье?

Пусть, я люблю в тебе и славлю Красоту.

Перевод В. Левика

«В струении одежд мерцающих ее...»

В струении одежд мерцающих ее,
В скольжении шагов – тугое колебанье
Танцующей змеи, когда факир свое
Священное над ней бормочет заклинанье.

Бесстрастию песков и бирюзы пустынь
Она сродни – что им и люди, и страданья?
Бесчувственней, чем зыбь, чем океанов синь,
Она плывет из рук, холодное созданье.

Блеск редкостных камней в разрезе этих глаз...
И в странном, неживом и баснословном мире,
Где сфинкс и серафим сливаются в эфире.

Где излучают свет сталь, золото, алмаз.

Горит сквозь тьму времен ненужною звездою

Бесплодной женщины величье ледяное.

Перевод А. Эфрон

«Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной...»

Что скажешь ты, душа, одна в ночи безбрежной,
И ты, о сердце, ты, поникшее без сил,
Ей, самой милой, самой доброй, самой нежной,
Чей взор божественный тебя вдруг воскресил?

– Ей славу будем петь, живя и умирая,
И с гордостью во всем повиноваться ей.
Духовна плоть ее, в ней ароматы рая,
И взгляд ее струит свет неземных лучей.
В ночном безмолвии, в тиши уединенья,
И в шуме уличном, в дневном столпотворенье,
Пылает лик ее, как факел, в высоте,
И молвит: «Я велю – иного нет закона, —
Чтоб вы, любя меня, служили Красоте;

Я добрый ангел ваш, я Муза, я Мадонна!».

Перевод И. Кузнецовой

Фонтан

Бедняжка, ты совсем устала,
Не размыкай прекрасных глаз,
Усни, упав на покрывало,
Там, где настиг тебя экстаз!
В саду журчат и льются струи —
Их лепет, слышный день и ночь,
Томит меня, и не могу я
Восторг любовный превозмочь.

Позолотила Феба
Цветущий сноп —
В полночной тишине бы
Все цвел он, чтоб
Звенеть и падать с неба
Навзрыд, взахлеб!

Вот так, сгорев от жгучей ласки,
Ты всей душой, сквозь ночь и тишь,
Легко, бездумно, без опаски
К волшебным небесам летишь,

Чтоб с высоты, достигнув рая,
Вкусив и грусть, и колдовство,
Спуститься, – тая, замирая
В глубинах сердца моего.

Позолотила Феба
Цветущий сноп —
В полночной тишине бы
Все цвел он, чтоб
Звенеть и падать с неба
Навзрыд, взахлеб!

Отрадно мне в изнеможеньи
Внимать, покуда мы вдвоем,
Как льется песня, льются пени,
Наполнившие водоем.
Благословенная истома,
Журчанье вод и шум ветвей —
Как эта горечь мне знакома:
Вот зеркало любви моей!

Позолотила Феба
Цветущий сноп —
В полночной тишине бы

Все цвел он, чтоб
Звенеть и падать с неба
Навзрыд, взахлеб!

Перевод М. Яснова

Глаза Берты

Вы вправе пренебречь их откровенной славой —

Но что прекрасней глаз моей малютки? В них

Вся нежность, весь покой, вся сладость ласк

ночных —

Излейте ж на меня, глаза, ваш мрак лукавый!

Огромные глаза моей малютки – взгляд,

Манящий тайнами, магические гроты,

Где тени спящие расставили тенета,

Скрывая призрачный и несказанный клад.

Бездонные глаза, в которых спят зарницы,

Как спят они в тебе, мерцающая ночь!

В них Вера и Любовь сливаются, точь-в-точь

Как чистота спешит со сладострастьем слиться.

Перевод М. Яснова

Что обещает ее лицо

Красавица моя, люблю сплошную тьму
В ночи твоих бровей покатых;
Твои глаза черны, но сердцу моему
Отраду обещает взгляд их.

Твои глаза черны, а волосы густы,
Их чернота и смоль – в союзе;
Твои глаза томят и манят: «Если ты,
Предавшийся пластичной музе,
И нам доверишься, отдашься нам во власть,
Своим пристрастьям потакая,
То эта плоть – твоя; смотри и веруй всласть:
Она перед тобой – нагая!

Найди на кончиках налившихся грудей
Два бронзовых огромных ока;
Под гладким животом, что бархата нежней,
Смуглее, чем жрецы Востока,

Разглядывай руно: в нем каждый завиток —

Брат шевелюры неуемной.

О этот мягкий мрак, податливый поток

Беззвездной Ночи, Ночи темной!»

Перевод М. Яснова

Чудовище, или Речь в поддержку одной подержанной нимфы

I

Ты не из тех, моя сильфида,
Кто юностью пленяет взгляд,
Ты, как котел, видавший виды:
В тебе все искусы бурлят!
Да, ты в годах, моя сильфида,

Моя инфанта зрелых лет!
Твои безумства, лавры множа,
Придали глянец, лоск и цвет
Вещам изношенным – а все же
Они прельщают столько лет!

Ты что ни день всегда иная,
И в сорок – бездна новизны;
Я спелый плод предпочитаю
Банальным цветикам весны!
Недаром ты всегда иная!

Меня манят твои черты —

В них столько прелестей таится!
Полны бесстыдной остроты
Твои торчащие ключицы.
Меня манят твои черты!

Смешон избранник толстых бочек,
Возлюбленный грудастых дынь:
Мне воск твоих запавших щечек
Милей, чем пышная латынь, —
Ведь так смешон избранник бочек!

А волосы твои, как шлем,
Над лбом воинственным нависли:
Он чист, его порой совсем
Не тяготят, не мучат мысли,
Его скрывает этот шлем.

Твои глаза блестят, как лужи
Под безымянным фонарем;
Мерцают адски, и к тому же
Румяна их живят огнем.
Твои глаза черны, как лужи!
И спесь, и похоть – напоказ!
Твоя усмешка нас торопит.

О этот горький рай, где нас
Все и прельщает, и коробит!
Все – спесь и похоть – напоказ!

О мускулистые лодыжки, —
Ты покоришь любой вулкан
И на вершине, без одышки,
Станцуешь пламенный канкан!
Как жилисты твои лодыжки!

А кожа, что была нежна,
И темной стала, и дубленой;
С годами высохла она —
Что слезы ей и пот соленый?
(А все ж, по-своему, нежна!)

II

Ступай же к дьяволу, красотка!
Я бы отправился с тобой,
Когда бы ты не шла так ходко,
Меня оставив за спиной...
Ступай к нему одна, красотка!

Щемит в груди и колет бок —

Ты видишь, растерял я силы
И должного воздать не смог
Тому, к кому ты так спешила.
«Увы!» – вздыхают грудь и бок.
Поверь, я искренне страдаю —
Мне б только бросить беглый взгляд,
Чтобы увидеть, дорогая,
Как ты целуешь черта в зад!
Поверь, я искренне страдаю!

Я совершенно удручен!
Как факел, правдою и верой
Светил бы я, покуда он
С тобою рядом пукал серой, —
Уволь! Я точно удручен.

Как не любить такой паршивки?
Ведь я всегда, коль честным быть,
Хотел, со Зла снимая сливки,
Верх омерзенья полюбить, —
Так как же не любить паршивки?

Перевод М. Яснова

Анри Мюрже (1822–1861)

Стихи из повести «Сцены из жизни богемы»

«В карманах ни гроша, а это значит…»

В карманах ни гроша, а это значит,
Развеян прах всего, что ни возьми;
Но, помня о былом, герой не плачет —
Ты просто позабудь меня, Мими!

И все же, несмотря на все напасти,
Мы не считали ни ночей, ни дней.
Любовь всегда у времени во власти,
И чем она короче, тем верней.

«Когда моя душа успела изболеться…»

Когда моя душа успела изболеться,
Вдруг появилась ты, как рок в судьбе моей.
Я всё тебе отдал: и молодость, и сердце,
Сказав: они твои! Сказав: теперь владей!

Увы, жестокая! Ничто тебе не мило,
Ты молодость мою в лохмотья порвала
И сердце бедное мне вдребезги разбила,
Теперь мой угол как могила,
Где спит, сгоревшее дотла,
Всё, что во мне тебя любило.

Как прочерк на плите надгробной между днем
Рождения и днем кончины, между нами
Теперь забвение… Я – призрак, ты – фантом,
Затянем наш псалом глухими голосами.

Найдем с тобой мотив негромкий, наугад,
И запоем вдвоем, как прежде, неустанно;
Я буду басом петь, а ты веди сопрано —
Итак, на грустный лад затянем без рулад.

Ми, ре, ми, до, ре, ля… Постой! А то споется

То, что певала ты, душою завладев,

И сердце мертвое мое опять забьется,

Услышав эту грусть, ее былой напев.

До, ми, фа, соль, ми, до… О эти звуки вальса!

Я вспомнил эту боль и вспомнил этот хмель:

Смех издевающейся флейты раздавался,

Пока рыдала под смычком виолончель.

Соль, до, до, си, си, ля… Я болен этим тоном!

Припомни прошлый год, когда с тобой вдвоем

Мы пели с немцами той ночью под Медоном:

Они мечтали о своем, мы – о своем.

Что ж, остановимся. Нам не вернуть напева

И прежнюю любовь не возвратить назад,

И на почившую, без желчи и без гнева,

С улыбкой тихою прощальный бросим взгляд.

Как было хорошо в каморке тесной, рядом

Друг с другом! Ветер выл, и дождь стучался к нам,

Но в кресле я мечтал, твоим согретый взглядом,

Пока дымил очаг, зимой, по вечерам.

Трещали угольки, и чайник закопченный

Уже фырчал в золе и шумно подпевал

Огню, который вел свой танец утонченный,

Как дух, который правит бал!

Ленивица моя, пока над книгой сладко

Ты засыпала, не прочтя и первых глав,

Я был готов отдать всю юность без остатка,

Припав к твоим рукам, стопы исцеловав.

А если кто входил, то, двери отворяя,

Вдыхал он аромат беспечности и нег,

Ведь наша комната была преддверьем рая,

Здесь воцарился мир, – казалось, что навек!

Потом зима ушла; в открытое окошко

Весна врывалась и будила поутру,

И нас вела в луга знакомая дорожка,

Где зелень первая дышала на ветру.

То было в пятницу, в конце Страстной недели.

По воле случая был теплый, тихий день,

И мы с тобой с утра гуляли, где хотели,

И грело солнце нас, и укрывала тень.

Устав от странствий, мы нашли на мягком склоне

Под кровом зелени укромный уголок,

Пред нами весь пейзаж лежал как на ладони,

А окоем небес был светел и глубок.

И вот рука в руке, плечом плеча касаясь,

Ни звука не сказав, не понимая, как,

Мы вдруг в объятьях друг у друга оказались —

То был любви надежный знак!

Цвел гиацинт, а с ним – фиалка-недотрога,

И воздух был душист, весенний, голубой,

И улыбался Бог с лазурного порога,

Покуда в небеса глядели мы с тобой.

«Пребудьте же в любви! – сказал он. – Чтобы

чистым

И долгим был ваш путь, без горя и прикрас,

Я мхом его укрыл, и мягким, и пушистым,

Не разнимайте рук – я не гляжу на вас!

Пребудьте же в любви! Закаты и рас-

светы,

И чистоту ручьев, и леса благодать,

И звезды, и цветы, и пенье птиц – все это

Я оживил для вас, заставил вновь дышать.

Пребудьте же в любви! И если вам по нраву

Луч солнца моего, моей весны краса,

То не молитесь мне, не воздавайте славу,

А обнимитесь вновь – я отведу глаза!»

Лишь месяц миновал с того благого полдня;

Куст долгожданных роз расцвел в разгаре дня.

Я так тебя любил, тобою душу полня!

И вдруг твоя любовь покинула меня.

Куда она ушла? Да нет, она повсюду,

Как прежде, весела среди подружек-муз.

Кто воплотит ее малейшую причуду?

Лететь к валету пик? Но ждет червовый туз!

Теперь ты счастлива; ты милуешь и губишь;

Вокруг тебя толпой теснятся стар и мал;

Тебе несут цветы, и шагу ты не ступишь,

Чтоб из партера не раздался мадригал.

Когда ты на балу, раскрыты все объятья,

Тебе не выскользнуть из нежного кольца,

И так шуршит твое муаровое платье,

Что у любовников сжимаются сердца.

Не сыщешь туфелек изящнее на свете —

Они и Золушке окажутся малы,

Но в танце пламенном никто их не заметит

На этих ножках, истоптавших все полы!

От благовонных ванн и легких притираний

С твоих прекрасных рук сошел загар

– они

Подобны лилиям, которых нежит ранний,

Едва заметный луч, скользя в ночной тени.

Серебряный браслет, создание Фромана,

Гордится жемчугом, царем морского дна,

И кашемировая шаль, нежней тумана,

По стану гибкому стекает, как волна.

Готический гипюр, узорчатый, старинный,

Английских кружев гладь, фламандских – блеск

и вязь…

Шедевры прошлого тончайшей паутиной

Тебя окутали, на грудь твою ложась!

Но мне куда милей ты в полотняном платье,

А может, в ситцевом, и, помнится, что взор

От скромной шляпки был не в силах оторвать я,

Сапожки серые мне снятся до сих пор.

Да, в новых платьях ты и вправду многих краше,

Но эта роскошь угасила страсть и пыл,

Давно мертва любовь, спят поцелуи наши,

И саван шелковый стук сердца заглушил.

Пока я сочинял надгробный, безутешный

Плач по моей любви, сошедшей в тьму веков,

Я в черном был – точь-в-точь нотариус прилежный,

Ну, разве без жабо да золотых очков.

Я крепом обвязал мое перо поэта,

Лист в траурной кайме подобен был углю,

Покуда я писал стихи мои – вот это

Последнее «прости» последнему «люб-

лю».

И вот, придя к концу сей повести печальной,

Застыв над ямою могильною без сил,

– Могильщик! – я вскричал, смеясь маниакально. —

Ты в этих строках сам себя похоронил!

Нет, в этом смехе нет издевки или позы —

Дрожит мое перо и падает из рук,

И если я смеюсь, то это просто слезы

Горячечным дождем смывают каждый звук!

«При виде ласточки родимой...»

При виде ласточки родимой,

К нам прилетевшей по весне,

Я вспомнил облик твой любимый,

Уже далекий, как во сне.

В заветных грезах и печали

Я целый день провел, как встарь,

И все листал – как мы листали —
Забытый старый календарь.

Нет, песенка моя не спета,
Я помню каждую зарю.
Так постучись ко мне, Мюзетта, —
Я сразу двери отворю!
Душа зовет тебя, подруга
И бед, и радостей моих, —
Вернись! И честный хлеб досуга
Мы вновь разделим на двоих.

Вся мебель в нашей комнатушке —
Свидетельница тайных слов —
Ждет появления подружки:
Тебе готовы стол и кров.
Все, что печалилось, похоже,
Прихорошилось, как на бал, —
И наше маленькое ложе,
И наш такой большой бокал!

Ты снова будешь в белом платье
У всех соседок на виду,
И снова по́ лесу гулять я

Тебя под вечер поведу.
И мы опять с тобой разделим
Вино и счастье – на двоих,
И песенка крылатым хмелем
Опять взовьется с губ твоих…

Но нет, ничто не возвратится,
И кончен бал давным-давно.
Ты прилетела, точно птица, —
Увы, гнездо разорено.
Осталось чувство без ответа,
В нем нет ни пыла, ни огня.
Ты для меня – не ты, Мюзетта,
Я для тебя – навек не я.

Прощай, мы прошлое забыли,
Мертва последняя весна,
И наша юность, как в могиле,
В календаре погребена.
Пускай же, в пепле догорая,
Воспоминанье, в свой черед,
Ключ от потерянного рая

Нам ненадолго принесет.

Перевод М. Яснова

Арман Сюлли-Прюдом (1839–1907)

Разбитая ваза

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,

Ударом веера толкнула ты небрежно,

И трещина едва заметная на ней

Осталась… Но с тех пор прошло не много дней,

Небрежность детская твоя давно забыта,

А вазе уж грозит нежданная беда!

Увял ее цветок; ушла ее вода…

Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —

Рукою нежной и любимой, —

И с той поры на нем, как от обиды злой,

Остался след неизгладимый.

Оно как прежде бьется и живет,

От всех его страданье скрыто,

Но рана глубока и каждый день рас-

тет...
Не тронь его: оно разбито.

Перевод А. Апухтина

Идеал

Прозрачна высь. Своим доспехом медным
Средь ярких звезд и ласковых планет
Горит луна. А здесь, на поле бледном,
Я полон грез о той, которой нет;

Я полон грез о той, чья за туманом
Незрима нам алмазная слеза,
Но чьим лучом, земле обетованным,
Иных людей насытятся глаза.

Когда бледней и чище звезд эфира
Она взойдет средь чуждых ей светил, —
Пусть кто-нибудь из вас, последних мира,
Расскажет ей, что я ее любил.

Перевод И. Анненского

«С подругой бледною разлуки...»

С подругой бледною разлуки
Остановить мы не могли:
Скрестив безжизненные руки,
Ее отсюда унесли.

Но мне и мертвая свиданье
Улыбкой жуткою сулит,
И тень ее меня томит
Больнее, чем воспоминанье.

Прощанье ль истомило нас,
Слова ль разлуки нам постыли?
О, отчего вы, люди, глаз,
Глаз отчего ей не закрыли?

Перевод И. Анненского

«У звезд я спрашивал в ночи...»

У звезд я спрашивал в ночи:
«Иль счастья нет и в жизни звездной?»
Так грустны нежные лучи
Средь этой жуткой черной бездны.

И мнится, горнею тропой,
Облиты бледными лучами,
Там девы в белом со свечами
Печальной движутся толпой.

Иль все у вас моленья длятся,
Иль в битве ранен кто из вас, —
Но не лучи из ваших глаз,
А слезы светлые катятся.

Перевод И. Анненского

Посвящение

Когда стихи тебе я отдаю,
Их больше бы уж сердце не узнало,
И лучшего, что в сердце я таю,
Ни разу ты еще не прочитала.
Как около приманчивых цветов
Рой бабочек, белея нежно, вьются,
Так у меня о розы дивных снов,
Что звучных строф крылом жемчужным бьется.

Увы! рука моя так тяжела:
Коснусь до них – и облако слетает,
И с нежного, дрожащего крыла
Мне только пыль на пальцы попадает.
Мне не дано, упрямых изловив,
Сберечь красы сиянье лучезарной,
Иль, им сердец булавкой не пронзив,
Рядами их накалывать попарно.
И пусть порой любимые мечты
Нарядятся в кокетливые звуки,

Не мотыльков в стихах увидишь ты,
Лишь пылью их окрашенные руки.

Перевод И. Анненского

Франсуа Коппе (1842–1908)

Ритурнель

Под тень аллей и в дол златой,
Во славу летних дней прекрасных,
Пойдем ловить крылатый рой,
Ты – мотыльков, я – строф согласных.

И по заманчивым тропам,
Где ивы да тростник могучий,
Пойдем к певучим голосам,
Ты – звонких птиц, а я – созвучий.

Вдоль благовонных берегов,
Где тихо бьет волна речная,
Найдем мы аромат лугов,
Ты – свой букет, я – стих срывая.

И в этот праздник юных дней,
Среди цветов, под небом ясным
Ты будь поэзией моей,
А я – твоим поэтом страстным.

Перевод А. Кублицкой-Пиоттух

Гороскоп

Перед гадальщицей две девушки стояли.

Старуха сумрачно глядела в их черты,

Меж тем как старые костлявые персты

Колоду грязных карт, шурша, перебирали.

И были девушки свежи, как утро мая.

Одна, как анемон, другая – пышный мак;

Одна – цветок весны, другая – летний злак.

Они стоят, судьбу у старой вопрошая.

– Вся в тяжких горестях жизнь протечет твоя, —

Сказала старая брюнетке горделивой.

А та в ответ: «Но им любима буду я?»

– О, да! – «Так ты лгала. Я буду тем счастливой!»

– А ты и без любви взаимной будешь жить, —

Сказала вещая блондинке молчаливой.

А та в ответ: «Сама я буду ли любить?»

– О, да! – «А если так, то буду я счастливой!..»

Перевод П. Краснова

Стефан Малларме (1842–1898)

Томление духа

Не тело соблазнить в сей вечер прихожу я,
О зверь, очаг грехов, нижé в волне кудрей
Жать бурю грустную, тоскуя поцелуя
Неисцелимою посеянную в ней:

Даруй мне крепкий сон, лишенный сновидений,
Парящих в завесях тоски, сон, коим ты
Так наслаждаешься, лжи искушенный гений,
Сильней, чем мертвые, постигнув суть тщеты.

Ибо Пророк, точа все благородство духа,
Меня, как и тебя, бесплодностью палит,
Но если в каменной груди твоей стучит

Лишь сердце, коего не грыз червь злобы глухо,

Бегу я, саван свой узрев в маре́ гардин

И умереть боясь, когда я сплю один.

Перевод М. Талова

«Луна печалилась. Томились серафимы…»

Луна печалилась. Томились серафимы,

Склоняяся к смычкам, – и стон неуловимый

От скрипок трепетных – по венчикам цветов —

Скользил бледнеющий и умирал без слов.

То был блаженный день, день первого признанья,

Моя мечта, любя обдумывать страданья,

Вдыхала аромат печали и тоски,

Те грезы тонкие, больные лепестки,

Которые всегда роняет размышленье.

Блуждал я вдалеке от шума и движенья,

И взор мой отдыхал на старой мостовой —

Во мгле и в жизни – ты явилась предо

мной.
И фея ты была ребяческих гармоний,
Которая скользит в сияющей короне,
Роняя, точно снег из молодой руки,
Душистых звезд лазурные венки.

Перевод В. Брюсова

«Отходит кружево опять...»

Отходит кружево опять
В сомнении Игры верховной,
Полуоткрыв альков греховный —
Отсутствующую кровать.

С себе подобной продолжать
Гирлянда хочет спор любовный,
Чтоб, в глади зеркала бескровной
Порхая, тайну обнажать.
Но у того, чьим снам опора
Печально спящая мандора,
Его виденья золотя,

Она таит от стекол окон
Живот, к которому привлек он
Ее как нежное дитя.

Перевод Б. Лившица

Вздох

Твой незлобивый лоб, о тихая сестра,

Где осень кротко спит, веснушками пестра,

И небо зыбкое твоих очей бездонных

Влекут меня к себе, как меж деревьев сонных,

Вздыхая, водомет стремится вверх, в Лазурь,

В Лазурь октябрьскую, не знающую бурь,

Роняющую в пруд, на зеркало похожий, —

Где листья ржавые, в тоске предсмертной дрожи,

По ветру носятся, чертя холодный след, —

Косых своих лучей прозрачно-желтый свет.

Перевод Э. Линецкой

«Когда зима во тьме идет сквозь лес забытый...»

Когда зима во тьме идет сквозь лес забытый,

Порога пленный страж, ты плачешь, одинок,

Что ни один, увы, не тяготит венок

Наш мавзолей двойной, цветами не покрытый.

Полночный чисел бой, в тревоге ожиданья

Не слышишь суетных: тебе лишь мысль дана,

Чтоб вспышкой очага едва озарена,

Тебе явилась тень для краткого свиданья.

Коль хочешь, чтоб пришла, не отягчай цветами

Мой камень, чтоб поднять его могла перстами.

Душе, трепещущей средь вечной тем-

ноты,

В тоске угасших сил загробного желанья,

Мне надо, чтоб ожить, пить с губ твоих дыханье,

Пока всю ночь мое лишь имя шепчешь ты.

Перевод О. Глебовой-Судейкиной

Шарль Кро (1842–1888)

Смычок

Мадемуазель Хьярдемааль

У нее были косы густые
И струились до пят, развитые,
Точно колос полей, золотые.

Голос фей, но странней и нежней,
И ресницы казались у ней
От зеленого блеска черней.

Но ему, когда конь мимо пашен
Мчался, нежной добычей украшен,
Был соперник ревнивый не страшен.

Потому что она никогда
До него, холодна и горда,
Никому не ответила: «Да».

Так безумно она полюбила,
Что когда его сердце остыло,
То в своем она смерть ощутила.
И внимает он бледным устам:
«На смычок тебе косы отдам:

Очаруешь ты музыкой дам».

И, лобзая, вернуть он не мог
Ей румянца горячего щек, —
Он из кос ее сделал смычок.

Он лохмотья слепца надевает,
Он на скрипке кремонской играет
И с людей подаянье сбирает.

И, чаруя, те звуки пьянят,
Потому что в них слезы звенят,
Оживая, уста говорят.

Царь своей не жалеет казны,
Он в серебряных тенях луны
Увезенной жалеет жены.

.....
Конь усталый с добычей не скачет,
Звуки льются... Но что это значит,
Что смычок упрекает и плачет?

Так томительна песня была,
Что тогда же и смерть им пришла;
Свой покойница дар унесла;

И опять у ней косы густые,
И струятся до пят, развитые,
Точно колос полей, золотые…

Перевод И. Анненского

Рондо

Графу Шарлю де Монблану

Спустилась я в долину,
К реке, под сень берез,
Чтоб наломать жасмину
И диких алых роз.

Мой друг несмелый мимо
По склону шел на плес
Сквозь заросли жасмина
И диких алых роз.

«Тихоня! Ну и мина!» —
Смеялась я до слез
Среди кустов жасмина
И диких алых роз.

Потом пошла к плотине
И села возле лоз,
Забыв и о жасмине,
И о букете роз.

«Какой же ты мужчина!

Ты, верно, безголос?
Смотри, мелькают спины
Двух ящерок меж роз.

От глаз чужих в ложбине
Веселый рой стрекоз
Нас стережет в жасмине
И в ветках диких роз».
Объятьем скромник чинный
Ответил на вопрос.
«Ты вся как цвет жасминный,
А губы ярче роз».

Все он! Я неповинна,
Что вдаль поток унес
Большой букет жасмина
И ветки алых роз.

Перевод И. Кузнецовой

Завтра

Анри Мерсье

С красавицами и цветами,
С абсентом, перед камельком
Мы развлечемся, отдохнем,
Играя роль в привычной драме.

Абсент декабрьским вечерком
Нам души зеленит так странно,
Цветы же так благоуханны
На милой перед камельком.

Но тратят прелесть поцелуи,
И после нескольких измен
Расстанемся легко, без сцен,
Не мучаясь и не ревнуя.
И жгутся письма и цветы,
В алькове, ах! пожар занялся…
Но если спасся, жив остался,
Тоску абсентом гасишь ты.

Портреты все пожрало пламя,

Дрожь рук, и в голове трезвон…
И смерть придет, как долгий сон
С красавицами и цветами.

Перевод Л. Цывьяна

Вечер

Я бреду, словно пьяный, без цели,
Я иду от любимой своей,
Мои губы забыть не успели
Теплоту ароматных грудей.

И сквозь память о нежности милой,
Как сквозь сумрак, разлитый вокруг,
Фонари мне горят, как светила,
В каждом встречном мне видится друг.

И как будто летучие мыши,
От меня все печали летят
На высокие черные крыши,
Над которыми желтый закат.

Газ в витринах… На тротуаре
Блики… Мнится мне: я еще там,
У любимой моей в будуаре,
Иль шагаю по облакам.

И со мной она в этом блужданье,

И мне ветра порывы дарят
Слов ее мелодичных звучанье,
Поцелуев ее аромат.

Перевод Л. Цывьяна

Жалоба

Жить в этом городе мне, дикарю, нет мочи,
При свете газовом я подыхаю тут,
Вам, парижанке, здесь все мило, и влекут
Меня к погибели, гордячка, ваши очи.

А я хотел бы жить, где толп галдящих нет,
В горах или в лесу под пологом зеленым,
Вдали от толкотни, рекламы и газет —
На полюсе, в любом краю уединенном.

Но вам по нраву шум, толпа и голоса,
Бал в Опере и газ – все, от чего я маюсь.
И, вас увидев, я не помню про леса,
Ум цивилизовать мучительно стараюсь.

«Я здесь, как мотылек в огне, сгорю,

умру», —

Рискуя надоесть, твержу тоскливым тоном...

Как дивны были б вы – с кудрями на ветру,

В сорочке с рюшами, и зелень леса фоном!

Перевод Л. Цывьяна

Lento[3]

Хочу, как саваном, укрыть печальной рифмой

С любовью тягостной мучительной разрыв мой.

*

Когда сложу стихи, чтоб душу обнажить,

Боль, всем открытая, утихнет, может быть.

*

Я эту боль стерпеть не в силах в одиночку —

И вот готов толпе бросать за строчкой строчку.

*

Громите мой приют, крушите этот кров,

Развейте запахи моих умерших снов.

---

[3] Примечания: 3
Медленно, протяжно (*ит.*).

Топчите гнездышко – оно подобно шелку,

И драгоценности разграбьте втихомолку.

Корежьте, пачкайте былую благодать,

Продайте с молотка, что сможете забрать.

Пускай, коль я вернусь, безумием гонимый,

Ничто не скажет мне о прошлом, о любимой.

Пусть будет осквернен здесь каждый уголок,

Чтоб от минувшего я вылечиться смог.

*

(Печаль качаю не спеша: усни, отрада,

—

Так мать укачивает плачущее чадо.)

*

Однажды сердце я в ее ладонь вложил,

А вместе с сердцем – всю надежду, весь мой пыл.

Любовь на щедрые подарки не скупится —

И так хрупка была, так трепетна юница,

Чья красота уже успела расцвести,

И целомудрие взывало: защити!

Но груди зрелые, что были мне открыты,

Явили душу, не просившую защиты.

Глаза мои омыл огонь победных глаз,

А губы – поцелуй, завороживший нас.

*

(Печаль качаю не дыша: усни, отрада, —

Так мать укачивает плачущее чадо.)

*

Но верить внешности – погибельно, и ложь

На дне победных глаз, в конце концов, найдешь.

*

И пробил час, когда неискренность и

стылость

В ее пустой груди так явственно открылась.

Фальшивой молодость ее была, увы,

Душа – истаскана, мечтания – мертвы.

Проснулся утром я, как тот владелец дома,

Что видит, онемев, одни следы разгрома.

*

Сокровища мои!.. Все превратилось в прах.

Нет даже памяти о первых наших днях!

В моем саду надежд бесцветно и уныло —

Все разорительница алчная сгубила!

Я сердце бедное мое нашел в углу

И – прочь отсюда, прочь! В ночь, в никуда, во

мглу...

*

(Печаль качаю в час ночной: усни, отрада, —

Так мать укачивает плачущее чадо.)

*

Навстречу зимним дням я гордо шел с мечтой

Найти другой приют, а в нем найти покой.

*

И там, где мы вдвоем гуляли вдоль окраин,

С притворной легкостью бродил я, неприкаян.

Куда мне убежать и чем беду заклясть,

Когда здесь помнит всё объятий наших страсть?

Мечтать?.. Но вы одно в моей душе найдете:

Плоть этой женщины и запах этой плоти.

*

Все доводы мои разбились в пух и в прах —

Я в помыслах о ней жил, как слепец, впотьмах.

Но сходства с ней ни в ком не видел и следа я,

В тупое, в тяжкое отчаянье впадая.

Так я намыкался, что голос мой с тех пор

Дрожит, когда о ней веду я разговор.

*

И, наконец, конец. Мучитель мой, разрыв мой,

Как лед под саваном, застынь под этой рифмой.

Перевод М. Яснова

Колыбельная

Графу де Тревелеку

Мой черный котик, будем спать!
Гашу свечу, ложусь в кровать
В дремотной блажи.
Тебе приснятся стаи птах,
Кошачьи мордочки в кустах,
А мне – все та же.
Мы кофе не́ пили, дружок.
Ты привались ко мне под бок
(Не спать – больнее);
С ладонью лапка, мы уснем.
Ты помурлычь о том о сем,
Пока во сне я.

В зрачках смеженных ты хранишь
Свидания на скатах крыш,
Урчишь любовно.
А я в кошмарах узнаю
Ту, что разбила жизнь мою
Столь хладнокровно.

Порою видится тебе
Тот, третий лишний, на трубе.
Мне снится мнимый
Ее кузен, его смешок
И крокодильих слез поток
Из глаз любимой.

И вдруг ты с крыши кувырком
Летишь, истерзан чужаком,
Ломая шею.
А я кончаюсь, трепеща,
От шпаги подлого хлыща,
Что избран ею.

А хмурым утром мы опять
Уходим: ты – мышей искать,
А я – той влаги,
Что нам забвение несет,
Поскольку человек и кот —
Глупы, бедняги.

Перевод М. Квятковской

Акварель

Анри Кро

Она сидит на склоне, где цветет
Шиповник. По дороге скачет тот,
О ком она вздыхает без ответа.
Шестнадцать лет. Вся в розовом. Розетта…

Другая – рядом, стоя. Резвый взгляд.
Глаза надеждой вспыхнувшей горят.
Лицом Диана. Гордые повадки.
Над белым лбом – взметнувшиеся прядки.

Пока ее подружка вдаль глядит
И ловит отдаленный стук копыт
И звук рожка, Диана обернулась

И думает: «Розетта обманулась.
Когда он сел, смущенный, на коня, —
Взглянул не на нее, а на меня».

Перевод М. Яснова

Бунт

Нелепа и смешна, поскольку вся ты
– роза,
И вся ты – белизна, венчанная копной
Обильных завитков, поскольку синевой
Твой взор – живой сапфир, его метемпсихоза.

Нелепа – описать тебя бессильна проза,
Смешна – поскольку нет нигде другой такой,
Вот разве в приторных кипсеках… Облик твой
С природой не в ладах – не красота, а поза.

Тоска меня берет, когда лесной убор
Мне раздражает глаз бестактно едким тоном,
Немыслимым кудрям служа контрастным фоном.

А кожа белая – насмешка и укор

Сравненьям, что в веках успели износиться:

Ах, снег! Ох, лилия! – Ну, как тут не взбеситься!

Перевод М. Квятковской

Дон Жуан

Антуану Кро

Возле пруда, чью голубую гладь
Рябит легонько теплый ветер мая,
Случалось ли, мечтатель, вам внимать,
Покров травы росистой приминая,
Стыдливой девушке, что убежать
Из дома согласилась, понимая,
Что там отныне пустота, и зная:
От горя умерли отец и мать?

Нет яда слаще и блаженства злее,
Чем вырвать с корнем нежную лилею,
Тем самым ускоряя смерти труд...

Откуда столько сладости жестокой?
Зачем глаза под слезной поволокой
Прекрасней и еще сильней влекут?

Перевод Л. Цывьяна

Поль Верлен (1844–1896)

Никогда вовеки

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеянье.

Мы с нею шли вдвоем. Пленяли нас мечты,
И были волоса у милой развиты,
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный, на взор ее тревожный
Я молча отвечал улыбкой осторожной
И руку белую смиренно целовал.

О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты зву-

чал,
Когда уста ее признанье лепетали!

Перевод Ф. Сологуба

Обет

Подруги юности и молодых желаний!
Лазурь лучистых глаз и золото волос!
Объятий аромат, благоуханье кос,
И дерзость робкая пылающих лобзаний!

Но где же эти дни беспечных ликований,
Дни искренной любви? Увы, осенних гроз
Они не вынесли, – и вот царит мороз
Тоски, усталости, и нет очарований.

Теперь я одинок, угрюм и одинок.
Так старец без надежд свой доживает срок,
Сестрой покинутый, так сирота тоскует.

О женщина, с душой и льстивой, и простой,
Кого не удивишь ничем и кто порой,

Как мать, с улыбкою, вас тихо в лоб целует!

Перевод В. Брюсова

Усталость

A batallas de amor campo de pluma[4].

Gongora

Немного кротости! Смири свои порывы!

Хотя бы для того, чтоб нас развлечь, порой

Должна любовница казаться нам сестрой.

Немного кротости, и будем мы счастливы!

Будь нежной, заласкай до сладких сновидений!

Как стоны страстные твой томный взгляд хорош.

Прекрасней трепета, объятий, исступлений

Твой долгий поцелуй, хотя б и был он – ложь!

---

[4] Примечания: 4
Сражениям любви — поле поэзии. Гонгора (*исп.*).

Но ты мне говоришь, что в сердце с звонким

рогом

Идет слепая страсть по всем его дорогам...

Оставь ее трубить! Мне в руку руку дай,

К челу своим челом прильни, когда устанешь,

Опять клянись мне в том, в чем завтра же

обманешь,

И до зари со мной, дитя мое, рыдай!

Перевод В. Брюсова

Заветный сон

Я часто вижу сон, пленительный и странный:
Мне снится женщина. Ее не знаю я;
Но с ней мы связаны любовью постоянной,
И ей, лишь ей одной дано понять меня.

Увы, лишь для нее загадкой роковою
Душа прозрачная перестает служить,
И лишь одна она задумчивой слезою
Усталое чело умеет освежить.
Цвет локонов ее мне грезится не ясно;
Но имя нежное и звучно, и прекрасно,
Как имена родных утраченных друзей.

Нем, как у статуи, недвижный взор очей,
И в звуках голоса спокойно-отдаленных
Звучат мне голоса в могилу унесенных.

Перевод А. Кублицкой-Пиоттух

Женщине

За кроткий дар мечты, за милость утешенья,
Которые таит взгляд ваших глаз больших,
Из недр отчаяний жестоких этот стих —
Вам, чья душа чиста и вся – благоволенье.

Моя, увы, в тисках дурного наваждения,
Истерзанная тварь в когтях страстей слепых…
Безумье, ревность, гнев – кто перечислит их,
Волков, мою судьбу грызущих в исступленье?
О, как страдаю я! Каким огнем палим!
Что мука первого изгнанника из рая,
Что первый стон его в сравнении с моим?

А ваши горести подобны, дорогая,

Проворным ласточкам – в прозрачных, как стекло,

Сентябрьских небесах – когда еще тепло.

Перевод А. Эфрон

На прогулке

Сквозь ветви тонкие с листвою нежной
Нас награждает бледный небосвод
Улыбкой – за наряд, что нам идет
Своей крылатой легкостью небрежной.

А мягкий ветер морщит озерцо,
И солнце, окунувшись в тень аллеи,
Нам кажется той тени голубее,
Когда заглядывает нам в лицо.

Лжецы пленительные и плутовки
Прелестные – беседуем шутя.
В любовь не очень верим мы, хотя
Легко сдаемся на ее уловки.

Пусть по щеке и хлопнут нас порой
За нашу дерзость – многим ли рискуем,
Ответствуя смиренным поцелуем
Перстам, нас покаравшим за разбой?
И если бровки хмурятся усердно

И в милом взоре не огонь, а лед —
Глядим исподтишка на алый рот,
Чье выраженье втайне милосердно...

Перевод А. Эфрон

Простодушные

Высокий каблучок боролся с длинной юбкой,
А тут и ветер, и пригорок на пути:
Манили ножки нас и – глаз не отвести!
—
Кружили голову игрой и грезой хрупкой.

Устав от комаров, красавицы подчас,
Как будто позабыв об их ревнивом жале,
Тянулись к пуговке и шейку обнажали,
И это пиршество с ума сводило нас.

Уже спускался мрак, невнятный мрак осенний,
И наши спутницы, упав в объятья к нам,
Таким двусмысленным доверились словам,

Что мы с тех пор полны смущенья и сомнений.

Перевод М. Яснова

Кифера

В тени беседки, в гуще сада
Нам и блаженство, и услада —
Укрытый розами приют;
И аромат бутонов, нами
Всю ночь вдыхаемый, с духами
Смешался в несколько минут;

Глаза любимой не солгут,
А губы нежные готовы
С любой опаски снять оковы;
Амур на страже – тут как тут
И фрукты, и шербет в бокале,
Чтоб мы усталости не знали.

Перевод М. Яснова

В тиши

Здесь, где сумрак словно дым,
Под навесом из ветвей, —
Мы молчаньем упоим
Глубину любви своей.

Наши души и сердца,
И волненье наших снов
Мы наполним до конца
Миром сосен и кустов.

Ты смежишь глаза в тени,
Руки сложишь на груди…
Все забудь, все отгони,
Что манило впереди.

Пусть нас нежно убедит
Легкий ветер, что порой,
Пролетая, шелестит
Порыжелою травой.

И когда с дубов немых
Вечер, строго, ниспадет,

Голос всех скорбей земных,
Соловей нам запоет.

Перевод В. Брюсова

«Все прелести и все извивы…»

Все прелести и все извивы
Ее шестнадцатой весны
По-детски простодушно живы
И нежностью упоены.

Очами райского мерцанья
Она умеет, хоть о том
Не думает, зажечь мечтанья
О поцелуе неземном.

И этой маленькой рукою,
Где и колибри негде лечь,
Умеет сердце взять без бою
И в безнадежный плен увлечь.

Душе высокой в помощь разум
Приходит, чтобы нас пленить
Умом и чистотою разом:
Что скажет, так тому и быть!

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,

То музой благосклонной будет
Она, и дружбой наградит,
И даже, может быть, – кто знает! —
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни милой иль нескромной,
Где ни один неверный звук
Не затемняет страсти томной
И сладостных любовных мук.

Перевод Ф. Сологуба

«Стремглав летит пейзаж в окне вагонном...»

Стремглав летит пейзаж в окне вагонном.
Поля, холмы, равнины – с небосклоном,
Деревьями, рекой, стадами коз —
Напор движенья валит под откос,
И вспять летят, покорные лавине,

Столбы и струны телеграфных линий.

Все гуще запах гари. Лязг и рев,
Как будто рядом рвется из оков
Дух преисподней, злобен и бессилен.
И вдруг над ухом словно ухнет филин.
– Что мне до этого? В глазах она,
Знакомый облик, радость, белизна,
И полон слух речами дорогими,
И звонкое, пленительное имя
Проходит, словно стержень бытия,

Сквозь жесткий ритм вагонного житья.

Перевод Э. Линецкой

«Поднимайся, песня-птица…»

Поднимайся, песня-птица,
Расскажи далекой, ей,
Что в моей душе таится
Свет – и нет его верней,

Нет нежней святого света,
Он развеял мрак забот,
Страх, сомнение – а это
Значит: ясный день грядет!

Боязливая, немая —
Слышишь? – радость ожила,
Как певунья полевая,
Распахнула два крыла.

Улетай же, песня-птица,
Все тревоги успокой,
Пусть скорее возвратится
Та, что встретится с тобой.

Перевод М. Яснова

«Почти боюсь, – так сплетена…»

Почти боюсь, – так сплетена
Вся жизнь была минувшим летом
С мечтой, блистающею светом,
Так вся душа озарена.

Ваш милый лик воображенье
Не утомляется чертить.
Вам нравиться и вас любить —
Вот сердца вечное стремленье.

Простите, – повторю, смущен,
Слова признания простого,
Улыбка ваша, ваше слово
Отныне для меня закон.

И вам довольно только взгляда
Или движенья одного,
Чтобы из рая моего
Меня повергнуть в бездну ада.

Но лучше мне от вас бежать,
И пусть бы душу ожидали

Неисчислимые печали,
Я не устану повторять,

Встречая в счастии высоком
Надежд неизмеримый строй:
«Я вас люблю, я – вечно твой,
Не побежден суровым роком!»

Перевод Ф. Сологуба

«Кончена стужа – зайчики света…»

Кончена стужа – зайчики света
Скачут по лужам до самых небес.
Как же отрада весенняя эта
Всякой печали нужна позарез!
Юности зорь открывает объятья
Даже больной и угрюмый Париж.
Тянет он к солнцу для рукопожатья
Алые трубы и выступы крыш.

Вот уже год, как весна в моем сердце!
Что к ней добавил вернувшийся май?
Скерцо природы вливается в скерцо
Чувств моих – рай умножая на рай!

Синее небо венчает собою
Вечную синь моей ясной любви…
Рад я погоде, доволен судьбою,
Каждой надежде велевшей – живи!

Мило мне месяцев преображенье,
Шалости весен, премудрости зим:

Все они стали Твоим украшеньем,
Как Ты сама – утешеньем моим.

Перевод А. Эфрон

Green[5]

Вот ранние плоды, вот веточки с цветами,
И сердце вот мое, что бьется лишь для вас.
Не рвите же его лилейными руками,
Склоните на меня сиянье кротких глаз.
Я прихожу еще обрызганный росою,
Что ветер утренний оледенил на лбу.
Простите, что опять я предаюсь покою
У ваших ног, в мечтах, благодаря судьбу.

Еще звенящую последним поцелуем,
Я голову свою вам уроню на грудь.
Пусть буря замолчит, которой я волнуем,

---

[5] Примечания: 5
Зелень (*англ.*).

А вы, закрыв глаза, позвольте мне уснуть.

Перевод В. Брюсова

Spleen[6]

Алеют слишком эти розы,
А эти хмели так черны.

О, дорогая, мне угрозы
В твоих движениях видны.

Прозрачность волн, и воздух сладкий,
И слишком нежная лазурь.
Мне страшно ждать за лаской краткой
Разлуки и жестоких бурь.

И остролист, как лоск эмали,
И букса слишком яркий куст.
И нивы беспредельной дали, —
Все скучно, кроме ваших уст.

Перевод Ф. Сологуба

---

[6] Примечания: 6
Хандра (*англ.*).

«Ты далеко не благонравна...»

Ты далеко не благонравна,
Я не ревнив, и, Боже мой,
Как мы живем с тобою славно,
Не споря со своей судьбой!

Хвала любви и нам с тобой!

Сумела ты науку чувства
Постичь с умом и глубиной,
Освоив главное искусство
Из всей премудрости земной.

Как терпелива ты со мной!

Пусть болтуны припомнить рады,
Что уж тебе не двадцать лет.
Но эта грудь! Но тайна взгляда!
Его поющий, нежный свет!

А поцелуи! Слов тут нет!

Будь мне верна, но к обещаньям
Я отношусь без лишних драм,

Лишь снисходи к моим желаньям
Почаще, как к своим рабам,

Что рады зóву и пинкам.
«Ну как? – звучат насмешки друга, —
Былая удаль-то ушла?»
Нет, не сошел еще я с круга,
С тобою мне и ночь мала.

Любви и нам с тобой хвала!

Перевод И. Кузнецовой

«Пусть я беднее, чем любой…»

Пусть я беднее, чем любой
Бедняк на свете,
Но шея, руки – облик твой
Со мной, и эти
Проделки ветреные, тот
Любовный опыт,
Которым дышит и живет
Твой нежный шепот.

Да, я богат при всем при том,
Коль подытожим,
Столь упоительным гнездом,
Столь страстным ложем,
Что после сладостных трудов,
Изнемогая,
Воспрянув, снова к ним готов
Хоть до утра я.
Пускай не так тобой любим,
Как я мечтаю,
И счет, и цену всем твоим

Изменам знаю,
Что до того мне, ангел мой,
Что до того мне,
Коль я живу тобой одной,
Себя не помня?

Перевод М. Яснова

«Не надо ни добра, ни злости...»

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой.
Иди себе путем разврата,
Но как лелеют ароматы
От этой плоти, Боже мой!

Безумство плоти без предела,
Меня лелеет это тело,
Священнейшая плоть твоя!
Зажженный страстностью твоею,
От этой плоти пламенею,
И, черт возьми, она – моя!

До наших душ нам что за дело!
Над ними мы смеемся смело, —
Моя душа, твоя душа!
На что нам райская награда!
Здесь, на земле, любить нам надо,
И здесь нам радость хороша.

Но здесь нам надо торопиться,
Недолгим счастьем насладиться,
Самозабвение вкусить.
Люби же, злая баловница,
Как льются воды, свищет птица, —
Вот так и мы должны любить.

Перевод Ф. Сологуба

«Я не люблю тебя одетой...»

Я не люблю тебя одетой, —
Лицо прикрывши вуалетой,
Затмишь ты небеса очей.
Как ненавистны мне турнюры,
Пародии, карикатуры
Столь пышной красоты твоей!

Глядеть на платье мне досадно —
Оно скрывает беспощадно
Все, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхвование колен.

А ну их, дам, одетых модно!
Спеши прекрасную свободно,
Сорочка милая, обнять,
Покров алтарный мессы нежной
И знамя битвы, где, прилежный,

Не уставал я побеждать.

Перевод Ф. Сологуба

Королевские вкусы

Я схож с Людовиком Пятнадцатым во вкусах:

Я не люблю духи, враждебен мне искус их.

В любви не нужен мне заемный аромат!

Нет, запах плоти так пикантен и богат

Сам по себе, и так при этом возбуждает —

Желанье холит и подспудно утверждает

Искусство страсти, прославляя наготу!

О запах зрелости – ловлю я на лету

Благоухание, рожденное в объятьях!

Люблю (молчи, мораль!) – как бы точней

назвать их? —

Флюиды тайные, которыми пропах

Во время райского соитья нежный пах.

О запах ласки, запах неги, запах страсти,

Все обоняние отныне в вашей власти!

Когда же после, на подушке, в свой черед,

Как чувства прочие, оно передохнет,

Пока мои глаза открыты сновиденьям,

И все мерещится взыскуемая тень им:

Скрещенья ног и рук, и нежности ступней,

Когда в испарине измятых простыней

Они целуются, – такие благовонья

От сладострастницы исходят, что огонь я

Вновь чувствую, и он готов меня пожрать!

Яд возбуждения палит меня опять.

Самой природой изготовленное зелье

Вдохну разок-другой – и снова вижу цель я.

Желанны запахи любви, но так просты —

Вот квинтэссенция чистейшей красоты!

Перевод М. Яснова

Другая

Ты – каждой женщины частица,
Их суть, их пламенный двойник.
А я – любовь, что каждый миг
В тебе стремится воплотиться.

Мне стали Стиксом и Линьоном
То едкий смех, то нежный взгляд.
То грудь, то грудка – все подряд
Над сердцем властвуют влюбленным.

То рыжина, то смоль – то прядь,
То завиток волос: весь вид их,
Там – гладких, здесь – густых, завитых,
Готов, как яства, я вкушать.

И пью с твоих припухлых губок,
А может, тонких – о Уста! —
Хмель, прочим зельям не чета:
Мой дьявольский, мой райский кубок!
Всех женщин на́ сердце тая,
В себе любить их заставляя,

Всегда одна, всегда иная,
Ты вся – любовь, чье имя: Я!

Перевод М. Яснова

Тристан Корбьер (1845–1875)

Вечная женственность

О кукла вечная! Мордашку расписную,
Мурлыча на манер ласкающихся кись,
Досужим вечерком, у кресла одесную,
Ко мне, как кошечка к хозяину, приблизь!

Оцепеней сродни прекрасному статую
Иль оживи, сойди – с ума, замучь – кажись,
И смерти от любви я не опротестую,
В блаженстве угодив, не знаю, ввысь ли, внизь…

Будь хладным идолом иль распаленной самкой!
Стыдливо отстраняй – и плотоядно жамкай!
Святая, грешная – охотница души!

Поэта, осени меня как добрый гений,
Как Муза в час моих горений-озарений.

А лягу захраплю – мне пятки почеши.

Перевод Е. Кассировой

Настоящая женщина

Чем больше женщина, тем больше лицедейка.

А ну, зеваками, сошедшими с ума,

За их же кровные на сцене завладей-ка,

А за кулисами отдайся задарма.

Давай, кривляйся же, толпа жадна и клейка,

Хотя и в ней полно судейского дерьма.

И зубки навостри для нас, а не для стейка.

Но только… есть у нас казенные дома.

Что, невдомек? И мне. И ладно, будь дикаркой,

Свирепствуй. Мы пьяны и тупы. Так нахаркай

На покупателей. Они лицо утрут.

А после – упади! Красиво – не вахлачкой,

Но лебедем! Песок не вороши, не пачкай.

У гладиаторов и женщин схожий труд.

Перевод Е. Кассировой

Памяти Зюльмы, блудницы из предместья, и одного луидора

Буживаль, 8 мая

Богачка – двадцать лет ей было!
Со мною – двадцать франков было.
Мы жили вместе той весной,
Наш кошелек, почти пустой,
Ночь-кредиторша разорила.

Луна монеткой золотой
Его протерла – за луной
Из кошелька в дыру уплыло
Все то, что нам судьбою было:

Все двадцать весен – до одной!
Все двадцать франков – все, что было!
Дыру проделав за дырой,
Из ночи в ночь, вслед за луной, —
Все, что не стало нам судьбой!..

.....

Потом еще не раз так было,

Она была – как прежде было —
Всегда собой, всегда шальной:
Она себе не изменила
На баррикадах той весной!

.....

Потом – охота под луной
На первых встречных, вновь, как было...
А после – общая могила
С безлунной ночью даровой!

Перевод М. Яснова

Любовь и фортуна
Odor della feminita[7]

По городу – с утра до вечера, годами
Хожу в погожий день и, тротуар топча,
Жду, что захочется одной прекрасной даме
Коснуться зонтиком до моего плеча.

И, этак помечтав, чуть-чуть счастливей стану:
Забьет нужду в еде – набравшийся дурману.

Однажды, как всегда, я вдоль и поперек
Округу исходил. И то сказать: стерег!
Дозор, ни дать ни взять! И наконец с той самой
Столкнулся… – Это с кем? – Ну, с той
– Прекрасной Дамой!

– И что? – И подошла ко мне, и, на весу

---

[7] Примечания: 7
Запах женственности (*искаженный итал.*).

– Свой зонтик придержав… мне… подала два су.

Рю де Мартир
Перевод Е. Кассировой

Приятельнице

Ну, что ко мне пристала, ты, подстилка!

Ведь я-то думал: ангел во плоти!

И втюрился в тебя наивно, пылко.

Что, думаешь, скажу: должок плати?

Желанно солнце ящерке линючей.

Любовь к тебе – сияла мне точь-в-точь.

А ты теперь – любить взаимно? Тучей

Твоя взаимность солнце застит. Прочь!

С тобой мы разного блаженства ищем.

Люблю один – ответа не хочу.

В любви желаю оставаться нищим

И тосковать по крову и харчу.

Пойми, диковинный фарфор, с которым

Скорей всего сравнишь любовь мою,

Восстанет, склеенный, былым фарфо-

ром,
Ну а моей… не выжить на клею.

Мне счастье дорого обратным смыслом,
Когда оно – несчастье и когда
В Эдеме яблоко хранится кислым
И с краснотцой запретного плода.

Что вообще мы друг для друга значим?
А ничего… И может быть, к добру…
Не я осыплю ласками и плачем.
Не я дары обратно заберу!

Понятно, в деле-то равны мы оба.
Но я рискую, согласись, вдвойне.
Когда ты снова влюбишься до гроба,
Уже изменишь не со мной, а – мне!

Давай считать: любовь пошла на убыль,
Меж нами – дружба до скончанья лет,
О неприятельница! Ну не грубы ль
Такие счеты? Им доверья нет.

Хотя бы без ругни расстанемся! А впро-

чем,
Конечно, если с горя не помрем,
Но сами над собой и похохочем.
Какая прелесть в хохоте твоем!

Перевод Е. Кассировой

Морис Роллина (1846–1903)

Продавщица раков

Когда все облики порока в полумраке
Рассядутся в кафе – всем предлагая раки,

В плетенке, убранной петрушкой, ты скользишь.
Твоих миндальных глаз и ласковость, и тишь,

Завитость локонов, блестящих как солома,
И подведенных губ манящая истома

Смущают помыслы и штатских, и солдат.
А груди у тебя так выпукло стоят,

Так явственно видна, под юбкой, ножки стройность,
Что каждый льнет к тебе и шепчет непристойность.

Перевод В. Брюсова

Животное

В любви мужчина – это мышь,
Бедняжка мышь во власти кошки,
И ты, глупец, не разглядишь
Ловушку в бархатной ладошке.

Ты хочешь выпить, дурачок,
Манящий и пьянящий кубок —
Смотри: атласный язычок
Скрывает яд опасных зубок!

И я скажу, как на духу, —
Поэт, я знаю цену сходства:
От этой хищницы в пуху
Ты наберешься только скотства.

Наобещав любви и нег,
Она легко подманит к бездне
И, погубив тебя навек,
Шепнет твоей мечте: «Исчезни!»

Она до кончиков волос
Вся – неожиданность и вызов:

«Когда хотят меня всерьез,
Не избежать моих капризов.

Мои желания – во сне
И въяве – сшиты не по мерке.
Перелетать приятно мне
От бутоньерки к бутоньерке!
И я влюблю в себя самца,
Сама влюблюсь – он только ахнет,
Но страсть, объявшая сердца,
На третью ночь уже зачахнет.

Я слезы превращу в поток —
Они под стать моим капризам,
И так, как я, держать платок
Не по плечу иным актрисам.

В моей груди – военный склад:
Здесь место вздохам, стонам, вою,
И я притворством этот ад,
Когда захочется, удвою!»

Вот женский пол, каким он был
И есть, коль пристальней всмотреться:

Очарованье, нежность, пыл —
И лед в душе, и скука в сердце.

Перевод М. Яснова

Жан Ришпен (1849–1926)

Признание

Моя любовь – не прихоть, нет, совсем,
Не платоническая нежная причуда;
И непохожа на воздушный крем
С бисквитами: она – мясное блюдо!

Не слабосильно-бледная мечта,
Как облако на старенькой гравюре.
Нет! В ней рыданья, смех. Она крута,
Бьет молотом, когда в ней буря.

Она горит: огонь и дик, и рьян.
Взаправду страсть, а не для вида!
И непохожа на любовь мещан —
Домашний садик инвалида.

Моя любовь – не книжный бред поэм,
С истолкованьем: что она такое,
Откуда, почему, зачем…
Любовь, и всё! Не что-нибудь другое.

Она проста: любовь живых людей.
Посумасшествуем; ну, пострадаем…

И где уж там – любителям затей,
Ужимок ласковых… Куда им!
Моя любовь – с румянцем! Так прибой,
В лучах, стремится к влажным дю-
нам…
Моя любовь – полдневный солнца зной.
И где уж их мечтаньям лунным!

Перевод И. Тхоржевского

Старый романс

Что было раз, то будет снова,
С минувшим – трудно разорвать.
Привяжется романс былого, —
Попробуйте не напевать!

Поешь весь день… Но, понемногу,
Отстал привязчивый напев.
Освободились! Слава Богу!
Но он лишь дремлет, присмирев.

Настанет день, – и втихомолку
Услышишь снова, изумлен,
В ушах назойливую пчелку:
Напев жужжит… Да, это он!

И вот опять, без перерыва,
Весь день мурлычешь «про любовь»…
С мечтой старинной – нет разрыва!
Что было раз, то будет вновь.

Перевод И. Тхоржевского

Фиалки

Март, убирайся! Тротуарам
Апрель дал золота щедрей.
Наряды ярче, веселей;
Не протолкаться по бульварам!
Сигары, звонкий смех, пищалки…
И голос – «чудные фиалки!..»

Купите: их принес Апрель.
Все в блеске, – что, казалось, чахнет…
И даже пыль весною пахнет!
На ветках зелень, нежный хмель…
А помните? Торчали палки!
Купите: чудные фиалки.

Спешат влюбленные. И дамы,
Сжав сумочки, спешат упрямо
По распродажам, там и тут…
Но для фиалок – все найдут,
Шутя, пятиалтынный жалкий.
Купите, чудные фиалки.

Как сладко пахнут! Что за цвет!
Синьор, в петличку? Мой букет
Приносит счастье, без гадалки,
Синьора! Синенький – для вас:
Он, – точно! – цвета ваших глаз…
Купите: чудные фиалки…

Перевод И. Тхоржевского

Жермен Нуво (1851–1920)

Встреча

Вы оперлись рукою правой
На левую мою… не лгу:
Люблю я это место, право, —
Кафе на Левом берегу,

Над самой Сеною, в каштанах;
Там кто-то распевал романс —
Так было… при ландскнехтах пьяных;
Вы привели с собой Клеманс.

Вы были в шляпке… слишком новой,
Цвет ленты – рыже-золотой.
В цветочек платье, крой суровый —
Наряд удобный и простой.

На вас был черный плащ, похоже…
Иль пелерина? Вроде да…
И были вы – прекрасны… Боже!
Что нас могло свести тогда?
Я – только что из Палестины,
Заморский гость, ни дать ни взять, —

Но пилигримом Пелерины
Мне захотелось тут же стать.

Я воротился из Сиона,
Зубчатым поклонясь стенам,
Чтоб, веруя, припасть влюбленно
К Твоим божественным стопам.

Болтали мы… мне все открылось —
И голос твой, и яркий рот,
Как ты на стол облокотилась,
Как гибок стана поворот;

Ладошка нежная – как странно —
Вот-вот покажет коготки;
О, эти пальцы мальчугана —
Им не пристали перстеньки;

Я млел пред вашими глазами —
Душа в них обрела простор;
Король потупится пред вами,
Но вы не склоните свой взор.

Величественно-грозовые,
Глаза царят – им равных нет…
Зеленые? Иль голубые?

Меня слепил их чудный свет.

Ботинок узкий отыскать я
Пытался – но, увы, не смог:
Вы ножку спрятали под платье —
О, женственности скрытый бог!

Была в твоих речах бравура,
И, побеждая без конца,
Прелестным ротиком Амура
Пригубливала ты сердца.

Ту улицу, где, без сомненья,
Ковчегу место бы нашли,
Предвидя ангела явленье,
В честь патриарха нарекли.

О, кабачок любви! Не прочь я
Представить в красках кубок тот,
Что осушил июньской ночью
В тот, восемьдесят пятый год.

Перевод М. Квятковской

Душа

Как шли изгнанники в опалу,
Я с твоего сошел крыльца;
Но тех, кого любовь связала,
Она связала до конца.

Вдали от губ моих, в постели,
Ты думаешь, что ты одна,
Но я с тобой на самом деле,
Мы вместе ждем прихода сна.
В толпе я для идущих рядом
Лишь одинокий господин
С отсутствующим, грустным взгля-дом,
Но я гуляю не один.

Как нити тонкие вязанья,
Две наши жизни сплетены,
Одни глаза, одно сознанье
Нам на двоих с тобой даны.

Я у тебя прошу совета

По сотне раз в теченье дня,
Я знаю – да, я верю в это —
Ты всюду смотришь на меня.

Мне смех твой слышен, и воочию
Огромных глаз я вижу взор,
Когда, один оставшись ночью,
Веду с тобою разговор.

Я вспоминаю беспрестанно,
Что это лишь игра ума,
Но есть в ней правда, как ни странно,
Подумай, милая, сама.

Мы были счастливы сначала,
И ты мне только словом «да»
На все желанья отвечала,
И с поцелуем мне тогда

Не подарила разве душу?
Растаял поцелуй, мадам,
И я покой ваш не нарушу,
Но душу не верну я вам.

Перевод И. Кузнецовой

«Было глупое сердце закрытым сосудом...»

Было глупое сердце закрытым сосудом,
Где напиток любви дремлет в темном стекле,
Но приблизились вы, и нечаянным чудом
Показался мне ваш поцелуй на челе.

И почувствовал я, как в чудесном крещенье
Мой мятущийся взор обретает покой.
День в саду угасал, и в вечернем свеченье
Пела птица, как будто целуя левкой.

Словно Мать, вы несли облегченье недугу,
Проливая на раны бальзам в тишине,
Но я поднял глаза и увидел Подругу
В ваших ясных очах, обращенных ко мне.

Я упал вам на грудь, как герой недостойный,

Мне явилась любовь, я живу как во сне,

И желанье плывет, словно белый и стройный,

Зачарованный лебедь на чистой волне.

Перевод И. Кузнецовой

Втридорога

Я пойду в Сен-Поль на базар,
У меня отменный товар:
Пару глаз твоих лживых там
Я за сотню экю продам.

Десять ловких пальцев твоих
Распродам, как птиц полевых,
А коварный твой рот уйдет
За полсотни дублонов – влет!

Эти руки – сыщи нежней! —
Эти розы твоих ступней,
Грудь, колени – им всем одна
Двадцать тысяч франков цена.

На базар я отправлюсь – и
Там за ямочки все твои,
За морщинки – их слаще нет! —
Миллион попрошу монет.

А за вьющийся локон твой,
Локон солнечный, золотой,

И за губы твои в огне
Запрошу по тройной цене.

Кто накинет побольше, тот
Твою душу и плоть возьмет.
А приглянется сердце – что ж!
Дам в придачу его – за грош.

Перевод М. Яснова

Артюр Рембо (1854–1891)

Ощущение

В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росою.

Не буду говорить и думать ни о чем —
Пусть бесконечная любовь владеет мною, —
И побреду, куда глаза глядят, путем
Природы – счастлив с ней, как с женщиной земною.

Перевод Б. Лившица

Офелия

I

На черной глади вод, где звезды спят беспечно,
Огромной лилией Офелия плывет,
Плывет, закутана фатою подвенечной.
В лесу далеком крик: олень замедлил ход...
По сумрачной реке уже тысячелетье
Плывет Офелия, подобная цветку;
В тысячелетие, безумной, не допеть ей
Свою невнятицу ночному ветерку.

Лобзая грудь ее, фатою прихотливо
Играет бриз, венком ей обрамляя лик.
Плакучая над ней рыдает молча ива,
К мечтательному лбу склоняется тростник.

Не раз пришлось пред ней кувшинкам расступиться.
Порою, разбудив уснувшую ольху,

Она вспугнет гнездо, где встрепенется птица.

Песнь золотых светил звенит над ней вверху.

II

Офелия, белей и лучезарней снега,

Ты юной умерла, унесена рекой:

Не потому ль, что ветр норвежских гор с разбега

О терпкой вольности шептаться стал с тобой?

Не потому ль, что он, взвевая каждый волос,

Нес в посвисте своем мечтаний дивных сев?

Что услыхала ты самой Природы голос

Во вздохах сумерек и жалобах дерев?

Что голоса морей, как смерти хрип победный,

Разбили грудь тебе, дитя? Что твой жених,

Тот бледный кавалер, тот сумасшед-

ший бедный,

Апрельским утром сел, немой, у ног твоих?

Свобода! Небеса! Любовь! В огне такого

Виденья, хрупкая, ты таяла, как снег;

Оно безмерностью твое глушило слово —

И Бесконечность взор смутила твой навек.

III

И вот Поэт твердит, что ты при звездах ночью

Сбираешь свой букет в волнах, как в цветнике.

И что Офелию он увидал воочью

Огромной лилией, плывущей по реке.

Перевод Б. Лившица

Первый вечер

Она была почти раздета,
И, волю дав шальным ветвям,
Деревья в окна до рассвета
Стучались к нам, стучались к нам.

Она сидела в кресле, полу —
Обнажена, пока в тени
Дрожали, прикасаясь к полу,
Ее ступни, ее ступни.

А я бледнел, а я, ревнуя,
Следил, как поздний луч над ней
Порхал, подобно поцелую,
То губ касаясь, то грудей.
Я припадал к ее лодыжкам,
Она смеялась как на грех,
Но слишком томным был и слишком
Нескромным этот звонкий смех.

И, под рубашку спрятав ножку,
«Отстань!» – косилась на меня,

Притворным смехом понемножку
Поддразнивая и казня.

Я целовал ее ресницы,
Почуяв трепет на губах,
Она пыталась отстраниться
И все проказничала: «Ах!

Вот так-то лучше, но постой-ка...»
Я грудь ей начал целовать —
И смех ее ответный столько
Соблазнов мне сулил опять...

Она была почти раздета,
И, волю дав шальным ветвям,
Деревья в окна до рассвета
Стучались к нам, стучались к нам.

Перевод М. Яснова

Ответ Нины

.....

ОН:

– Что медлим – грудью в грудь с тобой мы?
А? Нам пора
Туда, где в луговые поймы
Скользят ветра,

Где синее вино рассвета
Омоет нас;
Там рощу повергает лето
В немой экстаз;

Капель с росистых веток плещет,
Чиста, легка,
И плоть взволнованно трепещет
От ветерка;

В медунку платье скинь с охоткой
И в час любви
Свой черный, с голубой обводкой,

Зрачок яви.

И ты расслабишься, пьянея, —
О, хлынь, поток,
Искрящийся, как шампанея, —
Твой хохоток;

О, смейся, знай, что друг твой станет
Внезапно груб,
Вот так! – Мне разум затуманит
Испитый с губ

Малины вкус и земляники, —
О, успокой,
О, высмей поцелуй мой дикий
И воровской —

Ведь ласки поросли шиповной
Столь горячи, —
Над яростью моей любовной
Захохочи!..

.....

Семнадцать лет! Благая доля!
Чист окоем,

Любовью дышит зелень поля!
Идем! Вдвоем!

Что медлим – грудью в грудь с тобой мы?
Под разговор
Через урочища и поймы
Мы вступим в бор,

И ты устанешь неизбежно,
Бредя в лесу,
И на руках тебя так нежно
Я понесу…

Пойду так медленно, так чинно,
Душою чист,
Внимая птичье андантино:
«Орешный лист…»

Я брел бы, чуждый резких звуков,
В тени густой,
Тебя уютно убаюкав,
Пьян кровью той,

Что бьется у тебя по жилкам,
Боясь шепнуть

На языке бесстыдно-пылком:
Да-да… Чуть-чуть…

И солнце ниспошлет, пожалуй,
Свои лучи
Златые – для зелено-алой
Лесной парчи.

……

Под вечер нам добраться надо
До большака,
Что долго тащится, как стадо
Гуртовщика.

Деревья в гроздьях алых пятен,
Стволы в смолье,
И запах яблок сладко внятен
За много лье.

Придем в село при первых звездах
Мы прямиком,
И будет хлебом пахнуть воздух
И молоком;

И будет слышен запах хлева,

Шаги коров,
Бредущих на ночь для сугрева
Под низкий кров;

И там, внутри, сольется стадо
В массив один,
И будут гордо класть говяда
За блином блин...

Очки, молитвенник старушки
Вблизи лица;
По край напененные кружки
И жбан пивца;

Там курят, ожидая пищи,
Копя слюну,
Надув тяжелые губищи
На ветчину,

И ловят вилками добавку:
Дают – бери!
Огонь бросает блик на лавку
И на лари,

На ребятенка-замарашку,
Что вверх задком,

Сопя, вылизывает чашку
Пред камельком,
И тем же озаряем бликом
Мордатый пес,
Что лижет с деликатным рыком
Дитенка в нос...

А в кресле мрачно и надменно
Сидит карга
И что-то вяжет неизменно
У очага;

Найдем, скитаясь по хибаркам,
И стол, и кров,
Увидим жизнь при свете ярком
Горящих дров!

А там, когда сгустятся тени,
Соснуть не грех —
Среди бушующей сирени,
Под чей-то смех...

О, ты придешь, я весь на страже!
О, сей момент
Прекрасен, несравнен, и даже...

ОНА: – А документ?

Перевод Е. Витковского

Роман

I

Нет рассудительных людей в семнадцать лет! —
Июнь. Вечерний час. В стаканах лимонады.
Шумливые кафе. Кричаще яркий свет.
Вы направляетесь под липы эспланады.

Они теперь в цвету и запахом томят.
Вам хочется дремать блаженно и лениво.
Прохладный ветерок доносит аромат
И виноградных лоз, и мюнхенского пива.

II

Вот замечаете сквозь ветку над собой
Обрывок голубой тряпицы, с неумело
Приколотой к нему мизерною звездой.
Дрожащей, маленькой и совершенно

белой.

Июнь! Семнадцать лет! Сильнее крепких вин

Пьянит такая ночь… Как будто бы спросонок,

Вы смотрите вокруг, шатаетесь один,

А поцелуй у губ трепещет, как мышонок.

III

В сороковой роман мечта уносит вас…

Вдруг – в свете фонаря, – прервав виденья ваши,

Проходит девушка, закутанная в газ,

Под тенью страшного воротника папаши,

И находя, что так растерянно, как вы,

Смешно бежать за ней без видимой причины,

Оглядывает вас… И замерли, увы,

На трепетных губах все ваши кавати-ны.

IV

Вы влюблены в нее. До августа она

Внимает весело восторженным сонетам.

Друзья ушли от вас: влюбленность им смешна.

Но вдруг... ее письмо с насмешливым ответом.

В тот вечер... вас опять влекут толпа и свет...

Вы входите в кафе, спросивши лимонаду...

Нет рассудительных людей в семнадцать лет

Среди шлифующих усердно эспланаду!

Перевод Б. Лившица

Искательницы вшей

Когда ребячий лоб в запекшихся расчесах
Окутан млечною вуалью зыбких снов,
Подросток видит двух сестер златоволосых
И хрупкий перламутр их острых ноготков.

Окно распахнуто, и воздух постепенно
Вливает в комнату смятенье тубероз,
А пальцы чуткие и жутко, и блаженно
Блуждают в зарослях мальчишеских волос.

Он весь во власти чар певучего дыханья,
Но тут с девичьих губ слетает влажный вздох,
Чтоб усмирить слюну, а может быть, желанье
Вот-вот поцеловать, заставшее врасплох.

Сквозь трепет их ресниц, сквозь морок

круговерти

Их пальцев, дивный ток струящих без затей,

Он слышит, как, хрустя, потрескивают в смерти

Вши, опочившие меж царственных ногтей.

В нем бродит Лень, как хмель, и, негою пьянея,

Он полон музыки, и снов ее, и грез,

И вслед за лаской, чем дальше, тем вернее,

То жаждет зарыдать, то вдруг страшится слез.

Перевод М. Яснова

Жюль Лафорг (1860–1887)

Жалоба при ветре, тоскующем в ночи

Цветок твой вянет, чаровница, —
Продли былое волшебство:
Зачем листала ты страницы,
Сверяла с книжками его?
А крыши стонут от ночного
Ненастья за твоим окном,
Как будто ветер хочет снова
Покончить с Золотым Руном.

О ветер ярый,
Только ты
Развеешь чары
Красоты;
В ночи – кошмары
Небесной кары
И стон тщеты.

О Идеал мой, пантомима, —
Неистовый, да зряшный бег!
Ты – кубок, пронесенный мимо

Уст, запечатанных навек.
О эти лепестки и листья,
Им ночью плачется навзрыд,
Пока, прядильщик евхаристий,
Под ветром ангел мой скорбит!

О ветер ярый,
Только ты
Развеешь чары
Красоты;
В ночи – кошмары
Небесной кары
И стон тщеты.

Но ты не знаешь угрызений,
Меня не ставишь ты ни в грош,
И что тебе разор осенний —
А он, как смерть, бросает в дрожь!
И занавески так унылы,
И умывальник, ей-же-ей,
Как призрак мраморной могилы,
Могилы памяти моей.

Не в силах, ярый,

Даже ты
Развеять чары
Пустоты;
Судьбы удары —
Напрасный дар и
Тщета мечты!

Перевод М. Яснова

Романс о провинциальной луне

Ты, луна, порой ночною
Схожа с толстою мошною!

Зорю бьет тамбур-мажор;
Адъютант спешит на сбор;

Слышно флейту из окошка;
Переходит площадь кошка.

Стало тихо, без тревог
Засыпает городок.

Флейта опустила шторы.
Знать бы, час теперь который!

Ах, луна, тоска, тоска!
Что ж, все это – на века?

Ах, луна, тебе, бедняжка,
Путешествовать не тяжко!

Ты сегодня поглядишь
На Миссури, на Париж,

На норвежские фиорды

Бросишь равнодушный взор ты.

Ты, счастливица, луна!
Ведь тебе видна она,
Едущая с мужем в Ниццу,
А оттуда – за границу!

Верь она моим словам —
Я б в силок попался сам.

Я, луна, умру от грусти!
Гложет душу захолустье!

Так давай же вместе жить,
Вместе по свету кружить!

Но молчит луна-старуха,
Затыкая ватой ухо.

Перевод В. Шора

Жалоба органиста церкви Нотр-Дам де Нис

Мир отворован зимним вороньем —
Уже откаркивают свой псалом с колоколами,
Осенние дожди не за горами,
И зелень казино позаросла быльем.
Еще вчера так трепетало тело
Той, что теперь навек бледна!
Она как эта церковь холодна, —
И лишь моя душа одна ее согрела.

Клинок! Что сердце мне пронзит верней
И неизбежней – ради
Ее улыбки? Об иной награде
И не мечтаю – быть бы рядом с ней!

Я заиграю «Мизерере»,
Когда простится с миром эта плоть,
Чтоб ты ответил мне, Господь,
На ре минор, на мой прощальный «ре-

ре»!

Я не расстанусь с мертвым телом, нет.
Я убаюкаю под фуги Баха

Её – крупицу праха,

Себя – так безнадежно ждущего ответ.

И что ни год, едва вдали

Откаркает свои псалмы воронья стая,

Я буду думать, «Реквием» играя,

Что был написан он для похорон Земли.

Перевод Аси Петровой

Из «изречений Пьерро»

«Ах, ту, к которой я влеком…»

Ах, ту, к которой я влеком
Порывом сумрачным и страстным,
Мне не постичь моим несчастным
Сомнамбулическим умом.

В ее саду средь нежных примул
Блуждаю, потеряв покой.
Ищу я, есть ли и какой
В ней доминирующий стимул.
Любовь ко мне? Но это ложь!
Твои слова – пустые звуки:
Пиротехнические штуки
За пламя страсти выдаешь!

Перевод В. Шора

«Ах, что за ночи без луны!..»

Ах, что за ночи без луны!
Какие дивные кошмары!

Иль въяве лебедей полны
Там, за порогом, дортуары?

С тобой я здесь, с тобой везде.
Ты сердцу дашь двойную силу,
Чтоб в мутной выудить воде
Джоконду, Еву и Далилу.

Ах, разреши предсмертный бред
И, распятому богомолу,
Продай мне наконец секрет
Причастности к другому полу!

Перевод Б. Лившица

«Ты говоришь, я нищ и наг…»

Ты говоришь, я нищ и наг,
Что жажду не любви – награды,
Что все мои слова и взгляды —
Одно притворство и пустяк.
Что не о том ты так мечтала,
Что я несу не свет, а тьму…
Мой бедный мозг! И впрямь, ему
Трех полушарий было б мало!

Да, ты цветешь, как летним днем —
Цветок, избегнувший ненастья.
Ему не нужно соучастья —
Я тоже не нуждаюсь в нем.

Перевод М. Яснова

«Я лишь гуляка под луной...»

Я лишь гуляка под луной,
Брожу, где мило и постыло, —
Но даже этого хватило
Для бедной притчи площадной.

Как мне покоя не дает
Рукав изысканного платья!
А тихий наигрыш Распятья
Круглит гримасою мой рот.

О, стать легендой этих клавиш!
Век-шарлатан весьма умен.
Где лунный свет былых времен?
Господь, когда его нам явишь?

Перевод М. Яснова

Влюбленные

В уютной хижине, вдвоем, совсем одни,
Вдали от шумных толп, в укрытьи из бамбука,
Забыв политику и сплетни – что за скука!
Любовники в пылу не замечали дни.

Их спальня под замком, сокровищу сродни,
И шторы на окне – ни шороха, ни звука,
Не проберется к ним на пиршество разлука,
А выходить самим, конечно же, ни-ни!

Но вот уже ветра осенние подули,
И небо, нацепив котурны и ходули,
Достало темный грим и смыло синеву.

То желтый лист мелькнет, то золотой, то красный,
Прихорошился лес, да жаль, что труд напрасный, —

На очередь к червям поставил дождь листву.

Перевод Аси Петровой

Апрельское бдение

Идет к полуночи. Последний шум затих.
Пора срывать цветы в долине сновидений.
Теперь, измучившись от вечных угрызений,
Из сердца капли рифм я выжму золотых.

И вот уже мотив звучит в мечтах моих,
И нет мелодии нежней и сокровенней,
Чем этот менуэт, вернувшийся из тени,
Из давешних времен, невинных и простых.

Я отложил перо. И жизнь мою листая,
Любви и чистоты не нахожу следа я.
В бесстрастных «почему» я заблудился вдруг.

Сижу над россыпью листов бумаги белых,

И смутно слышится в полуночных пределах

Фиакра позднего вдали бесстыдный стук.

Перевод Е. Баевской

Анри де Ренье (1864–1936)

Мудрость любви

Пока не пробил час – спускаться в сумрак вечный,

Ты, бывший мальчиком и брошенный беспечной

Крылатой юностью, усталый, как и мы,

Присядь – и вслушайся, до резких труб Зимы,

Как летняя свирель поет в тиши осенней.

Былая нежность спит в объятьях сладкой лени.

А смолкнет песенка – и слышно в тонком сне,

Что Август говорит Сентябрьской тишине,

И радость бывшая – навеянной печали,

Созревший плод повис на ветке; прозвучали

Напевы ветерка – угрозой зимних бурь…

Но ветер спит еще, ласкаясь. Спит лазурь.

Безмолвны сумерки, и ясны небеса,

И реют голуби, и в золоте леса…

Еще с губ Осени слетают песни Лета.

Твой день был солнечным; был ясен час рассвета,

А вечер сладостен, душа твоя чиста,

Еще улыбкою цветут твои уста…

Пусть расплелась коса: волна кудрей прекрасна!

Пусть уж не бьет фонтан: вода осталась ясной.

Люби. И сотни звезд зажгутся над тобой,

Когда пробьет твой час – спускаться в мрак ночной!

Перевод И. Тхоржевского

Пленница

Ты вырвалась; но я видал твои глаза;
Я знаю вес в руке твоей упругой груди,
И вкус, и линию, и цвет, и выгиб тела,
За коим гонится моя слепая страсть.

Пусть ты поставила меж нами ночь и лес;
Но вопреки тебе, красе коварной верен,
Обдумал форму я, изникшую во мраке,
И воссоздам ее. Уже горит заря;

Я статую твою воздвигну глыбой, чтобы
Заполнить пустоту, где ты была нагой.
Плененная навек в бездушном веществе,

Ты будешь корчиться немой и всё же гневной,
Живой и мертвою, изваянная мной

В лучистом мраморе иль в золотистой глине.

Перевод М. Волошина

Прогулка

Заветный час настал. Простимся – и иди!
Пробудь в молчании, одна с своею думой,
Весь этот долгий день – он твой и впереди.
О тени, где меня оставила, не думай.

Иди, свободная и легкая, как сны,
В двойном сиянии улыбки, в ореолах
И утра, и твоей проснувшейся весны;
Ты не услышишь вслед шагов моих тяжелых.

Есть дуб, как жизнь моя, увечен и живуч,
Он к меланхоликам и скептикам участлив
И приютит меня – и покраснеет луч,
В его молчании уж тем я буду счастлив,

Что ветер ласковым движением крыла,

Отвеяв от меня докучный сумрак грезы,

Цветов, которые ты без меня рвала,

Мне аромат домчит, тебе оставя розы.

Перевод И. Анненского

Пожелание

Я пожелал бы глазам твоим равнину
И лес зеленый, русый,
Далекий,
Дымчатый,
На самом горизонте под ясным небом.
Или холмы
Спокойных очертаний,
Туманные и медленные,
Тающие в истомном воздухе,
Или холмы,
Иль дальний лес...

Я пожелал бы,
Чтобы ты слушала
Глубокий, сильный, нежный,
Великий и глухой, широкий голос моря,
Печальный,
Как Любовь;
А временами, рядом,
В минуту молчания

Чтоб ты слыхала
Воркованье
Голубя
И нежный, слабый,
Подобный Любви,
В тени укрытый,
Ропот источника...

Я пожелал бы для рук твоих цветов,
А для твоих шагов
Песчаную тропинку, поросшую травой,
Которая ведет немного вверх, то вниз,
И вьется и, кажется,
Уводит в глубь молчанья,
Песчаную тропинку, на которой
Оставят легкий след твои шаги,
Наши шаги
С тобой!

Перевод М. Волошина

Оделетта («Если б я лучше знал мою любовь...»)

Если б я лучше знал мою любовь, если б я лучше
Знал мою жизнь,
Если б я лучше
Знал мои мысли —
Я бы не связал моей жизни
С твоими мыслями,
С твоими днями,
Я бы не сплел твоей жизни
С моей любовью!

Разве дают тому, кого любят,
Цветок с шипами, ранящий пальцы?
Разве ведут напиться к ключу,
Воды которого горьки?
Разве дают
Прекрасным рукам,
Ткущим лишь радость,
Прясть грубую паклю

И жирную шерсть
Прях подневольных?..

Вот ты стоишь посреди моей жизни,
На перекрестке путей моих;
У ног твоих ключ; роза склонила
Опасный свой стебель. Ты сорвала ее.
А прялка судьбы
Неужто так мало весит
Своими неясными нитями,
Что ты улыбаешься
Тому, что стоишь одна в моей любви
И взяла ее за руку?

Перевод М. Волошина

Свидание

Коль хочешь ты побыть у очага со мною,

То брось цветок, что мнешь небрежною рукою:

Печалит он меня, вотще благоухая;

И не гляди назад – там только ночь глухая…

Ты мне нужна иной – забывшей и леса,

И перекличку птиц, и ветер – голоса,

Что утоляют боль и гонят прочь тревоги.

Хочу, чтоб ты пошла и встала на пороге

Одна, горда, бледна и тьмой окружена,

Как если б я был мертв – иль ты обнажена.

Перевод А. Эфрон

Упрек

«Как! мною ты владел, – моим лицом смущенным,
Клонившимся с мольбой,
И телом всем моим, покорным, обнаженным,
Дрожавшим пред тобой!

Дыханье уст моих ты пил устами жадно;
Ловил во мгле теней
Мой заглушенный стон; касался беспощадной
Рукой – моих грудей.

И сердца моего широкие биенья
Подслушивать ты мог;
И ропот робости; увы! – и наслажденья
Непобедимый вздох.

Да! ты владел моим бессилием покорным,
И страхом, и стыдом…

Что говорю! моим – бесстыдством! и позорным

Желаний торжеством…

Я пред тобой была безвольной, обнаженной

От бедер до лица,

И заклинала я, чтоб сумрак благосклонный

Тянулся без конца! —

И мог ты о другом беседовать с другими,

Не о моих губах!

Их речь выслушивать, смеяться вместе с ними

И думать о делах!

И мог ты снова жить, как жил, меня не зная!

И, свой восторг тая,

Не называть меня! молчать, не повторяя:

Она моя! моя!

Нет! если ты владел моей покорной

страстью,

И ты, с того же дня,

Всем не кричал о том, в душе не веря счастью,

Ты не любил меня!»

Перевод В. Брюсова

Мадригал

Пойдем послушать фонтаны
В куртины, в сквозной простор;
Версаль, уже стеклянный,
Столица мертвых озер.

Каскад, лучами согретый,
Живит королевский сад.
Прекрасны эти боскеты,
Забытый приют Дриад!

Но мне милей, чем озера,
Прозрачные до дна,
То зеркало, в котором
Сейчас ты отражена.

Перевод Вс. Рождественского

Строфы

В ваш облик – нежный, чистый, ясный —
Я вглядывался столько раз,
Что мне запомнился прекрасный
Пейзаж – в разрезе рта и глаз;

Я знаю вас и обнаженной,
И скрытой в радостных шелках,
Над светлым зеркалом склоненной
Или простертой на коврах;
И ведомо очарованье
Мне тела вашего, когда
Оно трепещет от желанья,
От нежности или стыда;

А вашей кожи запах нежный
И кос развитых аромат
Благоуханьем, вечно свежим,
Воспоминания хранят.

Слова поэмы знаменитой —

Вот чем для всех ваш облик стал;
Но ритм ее, в душе сокрытый,
Еще никто не прочитал.

И если бы искать сравненья,
Пришлось бы вспомнить те цветы,
Чьих нежных лепестков паденье
Я чувствую средь темноты.

Перевод Вс. Рождественского

Песня

О, да, унылой и бесплодной
Мне кажется земля, когда
Нет легкого на ней следа
Твоей походки благородной!

И разве мог бы я найти
Что лучше для палящей жажды
Ручья, к которому однажды
Сама склонилась ты в пути?

Цветок, который вдохновляет
Мне сердце издавна, во всем
Твой рот, раскрытый лепестком,
Таинственно напоминает;

И море в тучах грозовых
Мне потому роднее стало,
Что и оно берет начало
От синевы зрачков твоих.

Перевод Вс. Рождественского

Оделетта («Храню я зеркало, которое влюбленно...»)

Храню я зеркало, которое влюбленно
Пленило Вас,
Когда в его стекле Вы стали обнаженной
В июльский час.

Унылый сон воды, стремящейся к покою,
Уставшей течь,
Когда-то оживлен был свежей красотою
Прелестных плеч.

И вот, как зеркало, душа в своем страданьи
В тумане лет
От Вашей юности хранит воспоминанья —
Нетленный след...

Перевод Вс. Рождественского

Оделетта («Назавтра – дождь осенний...»)

Назавтра – дождь осенний,
Всегда – апрельский сон;
И жизнь, подобно тени,
Проходит круг времен.

Сменяет зиму лето,
Январь на май похож.
Жасмину – час рассвета.
Мимозе – смерти дрожь.

Рожденье, умиранье,
Что было – будет вновь.
От счастья и страданья
Рождается любовь.

В цвет серебра иль меди
Одет закатный час...
Важней всего на свете
Улыбка Ваших глаз!

Перевод Вс. Рождественского

Оделетта («Когда со мною роза эта...»)

Когда со мною роза эта,
Я вижу Ваш веселый рот.
Где алым отблеском рассвета
Улыбка юности цветет.
И стоит мне в саду плодовом
На ветку с яблоком взглянуть,
Чтоб в глянце свежем и тяжелом
Внезапно вспомнить Вашу грудь.

Так и на небе светло-сером,
Где только что угас закат,
Я чувствую не луч Венеры,
А Ваш задумавшийся взгляд.

Перевод Вс. Рождественского

Гийом Аполлинер (1880–1918)

Сбор цветов

Мы в этот пышный сад пришли нарвать букеты.

Красавица моя, ты видишь, сколько их,

Всех этих роз любви, не переживших лето,

Поблекших и нагих?

Их стебли гнутся и под ветром на аллеи

Роняют лепестки – уходит время роз.

Красавица моя, сорви же их скорее,

Соцветья наших грез!

Запри покрепче дверь и кинь бутоны в кубок:

Жестока и нежна, пускай любовь глядит

На их агонию – с цветов, как с алых губок,

Хрип запахов слетит!

Сад-себялюбец отцветает, и в долине

Дневные бабочки рассеялись, легки.
Одни в его тоску слетаются отныне
Ночные мотыльки.

И в нашей комнате без воздуха и света
Роняют розы скорбь, спеша сгореть дотла.
Красавица, поплачь… Цветок увядший – это
Любовь, что умерла!

Перевод М. Яснова

Звук рога

Моя любовь больной чьи муки утоляет
Тот самый яд что жжет и разрушает плоть
Да страсть меня томит безумье оскорбляет
Но тщетной яростью обид не побороть

Я думал ты светла а ты черней провала
В геенну мрачную где жуткий мрак ночной
Любовь томление мое околдовала
И все опутала туманной пеленой

Быть может на тебе ни пятнышка а я-то
В своем безумии порок в тебе клеймил
Я как сама любовь глядел подслеповато

От слез бессонниц от волнения без сил

Перевод М. Яснова

Сила зеркала

Презренный, как-то раз я подглядел тайком,
Как Линда в зеркале собою восхищалась.
И вот я покорен прекрасным двойником —
Изменника во мне открыла эта шалость.

Я прежде полагал, что нет ей равных, но
Мне зеркало в тот миг на все глаза открыло;
И сердце дрогнуло мое, соблазнено
Лицом, которое теперь мне тоже мило.

С тех пор я сравнивать пытаюсь без конца,
Едва захочется ей в зеркало всмотреться,
Два вожделенные, два юные лица,

Но выбрать не могу – нет смелости у сердца.

Да, я в сомнении твержу себе: ответь,
Неужто копия милей оригинала?
Я вижу, что она готова умереть,
Чтобы еще живей ее сестра предстала.

Я попросту пленен волшебным двойником,
Всей этой точностью, почти невыносимой,
Всей этой живостью и лживостью притом,
И каждой черточкой, мучительно красивой!

Но жизни не дано расплавить льда зеркал,
Всё застывает в нем – и зеркало без меры
Не раз дурачило того, кто полагал,
Что любит женщину, но был в плену химеры.

Перевод М. Яснова

«Вы уезжаете – о чем тут говорить?..»

Вы уезжаете – о чем тут говорить?
Пересчитаю вновь по осени потери.
О шепелявая мадонна, к вашей двери
Приду, как верный пес, вас ожидать и выть.
Вы уезжаете – о чем тут говорить?

Здесь все о вас без вас напомнит мне до дрожи:
К торговцам золотом, как прежде, забреду,
Все их сокровища, все перлы на виду —
На ваши ноготки и зубки так похожи!
Здесь все о вас без вас напомнит мне до дрожи.

Я ваши локоны увижу вслед лучам
Луны, когда о вас вздохну безлунной ночью.
Вы уезжаете, но вижу я воочью
Мою звезду, мое светило по ночам

И ваши локоны увижу вслед лучам.

Опять по осени, листвою зашуршавшей,

Я платья вашего припомню шорох – и

Опять почувствую, как вы близки, легки,

И свежестью цветов запахнет лист опавший

По осени, опять листвою зашуршавшей.

Мадонна томная, когда не будет вас,

Осыпавшийся лист и тот о вас расскажет,

Но вы забудете меня, и нас не свяжет

Уже ничто – ни ночь, ни отзвучавший вальс,

Мадонна томная, когда не будет вас.

Перевод М. Яснова

Прощальные стихи

Когда весна пройдет, а осень уничтожит

Всю вашу красоту, когда в матроне злой

И раздражительной никто признать не сможет

Инфанту, девочку, прославленную мной,

Пусть в сердце ледяном, любовью не согретом,

Я оживу опять – иной, чем в наши дни:

Года приносят блеск и красоту поэтам,

Все то, что в юности так жаждали они.

С годами женский взор становится туманным,

Морщинки на висках плетут за нитью нить,

И если осень лет дано прикрыть румя-

нам,

То облик старческий от зорких глаз не скрыть.

И усмехнетесь вы – ну что на ум пришли вам

За бредни! – «В девятьсот каком-то там году

Меня любил поэт – и был он молчаливым,

И некрасивым был в каком-то там году...»

Увы, я некрасив, а вы всех смертных краше

И ждете рыцаря, обещанного вам,

Который оживит желанные миражи,

Где счастье быть вдвоем под стать волшебным

снам.

Сеньоры знатные склонятся перед вами,

За ласку посулят алмаз и изумруд, —

Потом, от вас вдали, с разбитыми сердцами,

Как тени бедные и бледные умрут…

Перевод М. Яснова

Бессмертие

Бесценная любовь, творенье рук моих,
Я сам раздул огонь души твоей и взгляда,
И создал, и люблю – и в этом нет разлада:
Так любят статую и совершенный стих.

Все мелочи учел и сверил каждый штрих —
И ты теперь всегда свидетельствовать рада,
Какая мне, творцу, и слава, и награда
В тебе, оставшейся навек среди живых.

И лишь одно меня смущает, что гордиться
Сама не можешь ты своею красотой:
Ведь это я тебя придумал, да такой,
Что ни один шедевр с тобою не сравнится,

И мы обручены и небом, и землей,

О божество мое, холст, мрамор и страница!

Перевод М. Яснова

Ад

Пустыню перейдя, измученный от жажды

Припал к морской воде, но пить ее не смог.

Я – путник жаждущий, ты – море и песок:

Я дважды изнемог, ты победила дважды.

А вот прохожий: он гулял себе однажды

И казнь влюбленного, ликуя, подстерег.

Несчастный висельник, когда настанет срок,

Неужто гнусному гуляке не воздашь ты?

Тот жаждущий, и тот повешенный, и тот

Зевака, – ждет их ад в душе моей, могила

С названием: «Хочу, чтоб ты меня лю-

била!»

Я вырыл сам ее, пускай в нее сойдет

Любовь, – она как смерть прекрасна, и к тому же

Скажи: ты слышала, что смертны наши души?

Перевод М. Яснова

Мост Мирабо

Под мостом Мирабо исчезает Сена
А с нею любовь
Что же грусть неизменна
Уступавшая радостям так смиренно

Тьма спускается полночь бьет
Дни уходят а жизнь идет

Словно мост мы сомкнули руки с тобою
Покуда волна
За волной чередою
Взгляд за взглядом влечет под него с тоскою

Тьма спускается полночь бьет
Дни уходят а жизнь идет
Вот и наша любовь подобна стремнине
И медлят года
Как река на равнине
Но надежда неистова и поныне

Тьма спускается полночь бьет
Дни уходят а жизнь идет

Дни уходят недели тают как пена
И словно любовь
И как жизнь постепенно
Под мостом Мирабо исчезает Сена

Тьма спускается полночь бьет
Дни уходят а жизнь идет

Перевод М. Яснова

Найденная прядь

Найдется в памяти потеря
Прядь русая волос твоих
И вспомнит он почти не веря
Что помнишь ты о нас двоих

Она в ответ я помню много
О том далеком дне о той
Дороге к твоему порогу
Бульвар Шапель Монмартр Отёй
Подобно осени туманным
Воспоминаньем канет прядь
Туда где нашим судьбам странным
Предрешено как день сгорать

Перевод М. Яснова

Лазутчица

Лазутчица любви моей
О память память на заметку
Ты все берешь иных верней
Всего на час уйдя в разведку

Всего на час
Но найден лаз
Чтоб крепость взять без подготовки
И сердцу дать на этот раз
Осуществить его уловки

Мы наугад сквозь гарь и дым
Моя лазутчица с тобою
Пройдем и сердце убедим
Что можно победить без боя

Перевод М. Яснова

«Опять зима опять печали...»

Опять зима опять печали
И сердце бьется в пустоте
Пустые дни пустые дали
Зимой отдаться бы мечте
Да сердце выдержит едва ли

Оно саднит и ноет так
Что тяготит разлуку нашу
Ты ждешь меня подай же знак
И я созвездьями украшу
Невыносимый полумрак

В небесном воинстве желаний
Я рядовой твоей мечты
Что этой грезы постоянней
И все о чем мечтаешь ты
Живет не зная расстояний

А я с утра себя ловлю
На том что мучусь и пылаю
И что ни день тебя люблю

И что ни ночь тебя желаю

Перевод М. Яснова

«Тетрадь забытая давно…»

Тетрадь забытая давно
Черновики наброски лица
Как выдержанное вино
С ним молодое не сравнится

А сколько чар и волшебства
В аккордах музыки старинной
Всегда нежна всегда жива
В борьбе со скукой и рутиной

И старый том и старый друг
И дом пропахший стариною
Все это радует но вдруг
Нас покорит совсем иное

Что обновляет день за днем
Что движет солнце и светила
Что покоряет целиком
Жить иль не жить – о чем? о ком?

И лишь бы ты меня любила

Перевод М. Яснова